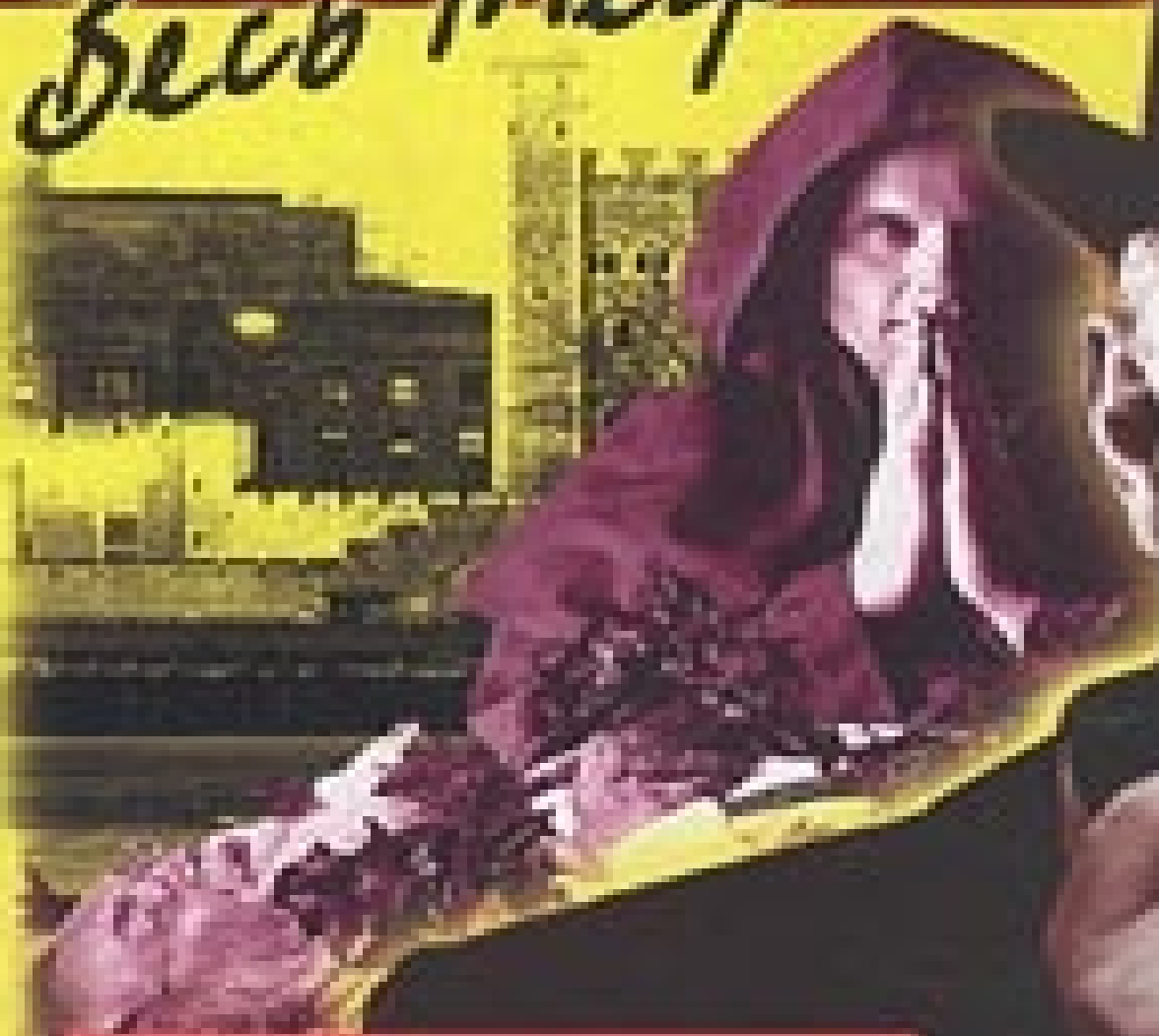

ЖОРЖ СИМЕНОН

Бесс Мегрэ

МЕГРЭ
И
МЕРТВЕЩ

- [Жорж Сименон](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «« name=»Комиссар Мегрэ»](#)

Приятного чтения!

Жорж Сименон

«Мегрэ и мертвец»

— Простите, сударыня... — После нескольких минут терпеливых усилий Мегрэ удалось наконец перебить посетительницу. — Вы говорите, ваша дочь медленно отравляет вас?

— Правильно.

— Только что вы столь же настоятельно утверждали, что ваш зять перехват бывает горничную в коридоре и подливает вам яд в кофе или в один из лекарственных отваров, которые вы принимаете?

— Правильно.

— Тем не менее, — Мегрэ просмотрел или притворился, что просматривает заметки, которые сделал во время разговора, длившегося уже больше часа, — вы заявили вначале, что ваша дочь и зять ненавидят друг друга.

— И это правильно, господин комиссар.

— Значит, они сговорились вас убить?

— Да нет же! Они пытаются отравить меня порознь.

— А ваша племянница Рита?

— Тоже отдельно от них.

Шел февраль. День был погожий, солнечный, лишь иногда на небо напоздало косматое облако и лил короткий дождь. Однако уже три раза после прихода посетительницы Мегрэ помешивал дрова в печке, последней печке на набережной Орфевр: комиссар ценой немалых усилий отстоял ее, когда в уголовной полиции устанавливали центральное отопление. Женщина, без всякого сомнения, исходила потом под грузом норковой шубы, черного шелкового платья и целой коллекции драгоценностей, которыми была увешана, как цыганка побрякушками: шея, запястья, уши, грудь. На ту же мысль — скорей о цыганке, нежели о светской даме, — наводила и ее кричащая косметика, уже превратившаяся в корку и начавшая осыпаться.

— Короче, ваши близкие пытаются вас отравить?

— Не пытаются. Уже отравляют.

— И вы полагаете, они действуют, не сговариваясь между собой?

— Я не полагаю. Я уверена в этом. — У дамы был тот же румынский акцент, что у одной известной актрисы с Бульваров, те же порывистые жесты, то и дело заставлявшие комиссара вздрагивать. — Я не сумасшедшая. Вот прочтите... Надеюсь, вы знаете профессора Тушара? Его приглашают экспертом на все крупные процессы.

Она подумала обо всем, не забыла даже проконсультироваться у самого известного парижского психиатра и получить справку о полной своей нормальности.

Мегрэ остается одно — терпеливо слушать и время от времени заносить в блокнот несколько слов, чтобы убажить даму. Ее визиту предшествовал личный звонок одного из министров начальнику уголовной полиции. Муж посетительницы, скончавшийся несколько недель назад, был государственным советником. Жила она на Пресбургской улице в одном из огромных домов, фасады которых выходят на площадь Звезды.

— Что касается моего зятя, дело происходит вот как... Я изучила вопрос. Слежу за Гастоном уже несколько месяцев.

— Значит, он начал еще при жизни вашего супруга?

Дама сует ему тщательно вычерченный заранее план второго этажа своего дома.

— Моя спальня обозначена буквой А. Спальня дочери и ее мужа — буквой Б. Но с некоторых пор Гастон там не ночует.

Наконец телефон дает Мегрэ минуту передышки.

— Алло... Кто меня вызывает?..

Телефонист обычно соединяет с Мегрэ лишь в безотлагательных случаях.

— Извините, господин комиссар. Звонит какой-то тип. Назвать себя не хочет, но настаивает на разговоре с вами. Клянется, что это вопрос жизни и смерти...

— Он желает говорить именно со мной?

— Да... Даю?

И Мегрэ слышит взволнованный голос:

— Алло... Это вы?

— Да, комиссар Мегрэ.

— Извините, моя фамилия вам ничего не скажет. Меня вы не знаете, хотя знавали мою жену Нину... Алло... Я должен вам все объяснить — и быстро, иначе может случиться...

«Ну и ну! Еще один псих. Видимо, день такой...» — думает Мегрэ. Он заметил, что ненормальные возникают на его горизонте, так сказать, циклически, словно под влиянием фаз луны. Надо будет, не откладывая, заглянуть в календарь.

— Сперва я хотел увидеться с вами. Прошел по набережной Орфевр, но войти не решился: он следовал за мной по пятам. Я подумал, что такой не поколеблется выстрелить.

— О ком вы говорите?

— Минутку... Я тут неподалеку. Напротив вашего кабинета. Секунду назад еще видел ваше окно... Набережная Бонз-Огюстен... Знаете маленькое кафе под названием «Погребка Божоле»? Я только что зашел там в телефонную кабину... Алло... Вы меня слышите?..

На часах одиннадцать десять утра. Мегрэ машинально отмечает в блокноте время, потом название кафе.

— Я перебрал все возможные варианты. Обратился к постовому на площади Шатле.

— Когда?

— С полчаса назад... Один из них шел за мной... Маленький брюнет... Их несколько, и они сменяют друг друга... Не уверен, что могу опознать всех... Но знаю, что маленький брюнет из их шайки.

Молчание.

— Алло!.. Алло!.. — вопрошает Мегрэ. Молчание длится несколько секунд, потом голос продолжает:

— Извините. Мне показалось, в кафе кто-то вошел, я решил, что это он, приоткрыл дверь кабины и посмотрел, но это просто рассыльный — принес продукты... Алло!..

— Что вы сказали постовому?

— Что эти типы преследуют меня со вчерашнего вечера, точнее, часов с четырех-пяти дня. Наверняка ждут удобного случая покончить со мной. Попросил его задержать человека, идущего за мной...

— Постовой не согласился?

— Он потребовал, чтобы я указал, кто меня преследует; я обернулся, а человека нет. Вот постовой и не поверил мне. Я воспользовался разговором с ним и спустился в метро. Вскочил в вагон, а когда поезд тронулся, выпрыгнул. Поколесил по переходам, выбрался наверх напротив Базара у Ратуши, прошел через несколько магазинов...

Тот, кто звонит, если уж не бежал, то шел очень быстро: дышит он тяжело, прерывисто.

— Прошу вас, немедленно направьте сюда инспектора в штатском... Да, к «Погребам Божоле»... Со мной пусть не заговаривает, делает вид, что он тут случайно. Я выйду, и этот тип почти наверняка сядет мне на хвост. Достаточно задержать его, как я явлюсь к вам и все объясню...

— Алло!

— Я говорю, что...

Молчание. Неясный шум.

— Алло!.. Алло!..

Телефон смолкает.

— Я рассказывала вам... — невозмутимо продолжает жертва отравителей, видя, что Мегрэ положил трубку.

— Подождите, пожалуйста.

Мегрэ распахивает дверь в инспекторскую.

— Жанвье! Бери шляпу и беги на набережную Бонз-Огюстен. Там есть маленькое кафе, называется «Погреба Божоле». Спросишь, не ушел ли еще тот, кто только что звонил по телефону. — Мегрэ снимает трубку. — Соедините меня с кафе «Погреба Божоле».

Одновременно он глядит в окно и на другом берегу Сены, где набережная Бонз-Огюстен подступает к мосту Сен-Мишель, видит узкую витрину бистро для завсегдатаев, — комиссару случалось там пропустить стаканчик вина у стойки. Он вспоминает, что туда ведет всего одна ступенька, в зале прохладно, а хозяин носит черный фартук, как и положено владельцу винного погреба. Дверь сейчас не видна — мешает грузовик, остановившийся у тротуара. Да и прохожих много.

— Понимаете, господин комиссар...

— Минутку, сударыня...

Не отрывая глаз от окна, Мегрэ старательно набивает трубку. Эта старуха с ее историями об отравлении отнимет у него все утро, если не больше. Она притащила с собой кучу бумаг, планов, справок, даже анализов пищи, которые произвела у своего аптекаря.

— Понимаете, я все время начеку...

У нее резкие духи, их отвратительный запах заполонил весь кабинет; заглушив привычный аромат трубки.

— Алло... Все еще не вышли на нужный мне номер?

— Звоню непрерывно, господин комиссар. Все время занято. А может, забыли повесить трубку.

Жанвье без пальто походкой фланера перебрался через мост и спустился в бистро. Грузовик тоже отъехал, но зал все равно не просматривается — там слишком темно. Проходит еще несколько минут. Наконец звонит телефон.

— Господин комиссар, абонент вызван. Там отвечаю!.

— Алло... Кто говорит?.. Ты, Жанвье? Трубка была снята?.. Ну что?

— Отсюда действительно звонил какой-то коротышка.

— Ты его видел?

— Нет. Он ушел до моего появления. Кажется, все время смотрел через стекло кабины, то и дело приоткрывая дверь. Потом вошел новый клиент, глянул на телефон и заказал стаканчик у стойки. Заметив его, первый сразу же прервал разговор.

— И оба ушли?

— Да, один за другим.

— Постарайся разговорить хозяина — пусть поподробней опишет обоих... Алло... Раз уж ты там, возвращайся через площадь Шатле, расспроси постовых. Попробуй выяснить, не обращался ли к одному из них около часа назад этот самый коротышка с просьбой задержать человека, преследующего его.

Когда Мегрэ положил трубку, старуха бросила на него удовлетворенный взгляд и, словно выставляя комиссару хорошую отметку, одобрила:

— Вот это я называю расследовать по-настоящему! Вы не теряете времени, все учитываете...

Мегрэ со вздохом опустил в кресло. Он чуть было не распахнул окно, потому что и сам уже задыхался, но решил не упускать возможности сократить визит протеже министра.

Фамилия дамы была Обен-Васконселос. Это имя запечатлелось в памяти комиссара, но больше он ее не видел. Уж не умерла ли она вскоре после свидания с ним? Вряд ли. Мегрэ слышал бы об этом. А может быть, ее упрятали в сумасшедший дом? Или, разочаровавшись в официальной полиции, она обратилась в частное сыскное агентство? Или просто проснулась на следующее утро с новой навязчивой идеей?

Как бы то ни было, комиссару еще около часа пришлось выслушивать ее разговоры обо всех, кто целыми днями подливает ей яд в просторном доме на Пресбургской улице, где жизнь, прямо скажем, не очень-то веселая. В полдень Мегрэ сумел наконец распахнуть окно и с трубкой в зубах проследовал к начальнику.

— Сплавили ее деликатно?

— Насколько мог, да.

— Похоже, в свое время она была одной из красивейших женщин Европы. Я немного знал ее мужа, самого безобидного, бесцветного и нудного человека, какого только можно вообразить. Вы в город, Мегрэ?

Комиссар заколебался. На улицах пахло весной. В пивной «У дофины» уже вынесли столики на террасу, и фраза начальника прозвучала как бы приглашением отправиться туда и спокойно выпить аперитив перед завтраком.

— Думаю, мне лучше остаться. У меня был сегодня утром любопытный звонок.

Продолжить комиссар не успел — зазвенел телефон. Начальник взял трубку, потом протянул собеседнику.

— Вас, Мегрэ.

— Алло... Нас перебили... Он вошел и мог слышать разговор через дверь кабины. Я испугался.

— Где вы?

— В «Вогезском табаке» на углу Вогезской площади и улицы Фран-Буржуа... Я попробовал оторваться от него, только не знаю, удалось ли... Но могу ручаться: он вот-вот попытается меня убить... Объяснять слишком долго... Я подумал, что другие только посмеются надо мной, но вы — вы...

— Алло!..

— Он здесь. Я... Извините.

Начальник смотрел на Мегрэ: комиссар помрачнел.

— Что-нибудь стряслось?

— Не знаю. История очень странная. Вы позволите?

Комиссар снял трубку другого аппарата.

— Срочно соедините с «Вогезским табаком»... Да, хозяина... — И, адресуясь к начальнику, Мегрэ добавил:

— Только бы и на этот раз не забыли повесить трубку.

Почти сразу же новый звонок.

— Алло... «Вогезский табак»? У телефона хозяин?.. У вас ли еще клиент, который только что звонил?.. Что?.. Да, пойдите и проверьте... Алло... Уже ушел?.. Расплатился?.. Скажите, не появлялся ли еще один клиент, пока первый звонил?.. Нет?.. А на террасе?.. Посмотрите, там ли он еще... Тоже ушел?.. Не дожидаясь аперитива, который заказал?.. Благодарю... Нет... Кто звонил? Полиция... Нет, ничего особенного.

Мегрэ окончательно решил не сопровождать начальника в пивную «У дофины». Когда он распахнул дверь в инспекторскую, Жанвье уже вернулся и ждал его.

— Заходи. Рассказывай.

— Очень странный тип, шеф. Коротышка в бежевом плаще, серой шляпе и черных ботинках. Влетел в «Погреба Божоле» и бросился к телефонной кабине, крикнув хозяину: «Налейте на свой вкус». Через окошечко хозяин видел, что незнакомец весь дергается и жестикулирует, словно говорит сам с собой. Потом, когда вошел другой клиент, первый выскочил из кабины, как чертик из табакерки, и, ничего не выпив, не сказав ни слова, припустил к площади Сен-Мишель.

— А другой как выглядит?

— Тоже коротышка... В общем, невысокий, обтрепанный, чернявый.

— Что сказал постовой на площади Шатле?

— Все сходится. Тип в плаще, возбужденно жестикулируя, попросил задержать человека, который его преследует, но ни на кого конкретно не смог указать. Постовой собирался на всякий случай упомянуть о нем в донесении.

— Отправляйся в табачный магазин на углу Вогезской площади и улицы Фран-Буржуа.

— Ясно.

Жестикулирующий коротышка в бежевом плаще и серой шляпе. Вот все, что о нем известно. Остается одно — встать у окна и наблюдать, как толпы выплескиваются из контор, растекаясь по террасам кафе и ресторанов. Париж был светлый, веселый. Как всегда в середине февраля, люди наслаждались дыханием весны сильнее, чем потом, когда она придет настоящему; газеты несомненно упомянут о знаменитом каштане на бульваре Сен-Жермен, который расцветет через месяц.

Мегрэ позвонил в пивную «У дофины».

— Алло... Жозеф?.. Это Мегрэ... Не принесешь ли две кружки и сэндвичей?.. Да, на одного.

Сэндвичи еще не прибыли, как комиссара снова вызвали, и он сразу узнал голос: Мегрэ предупредил телефониста, чтобы тот соединял прямо с ним, не теряя ни секунды.

— Алло... На этот раз я, кажется, оторвался от него.

— Кто вы такой?

— Муж Нины, но это не важно... Их самое меньшее четверо, не считая женщины... Совершенно необходимо прислать кого-нибудь и...

Теперь неизвестный даже не сказал, где он находится. Мегрэ позвонил по городскому телефону. Проверка заняла несколько минут. Вызов был сделан из «Четырех ла-рошельских сержантов», ресторана на бульваре Бомарше в двух шагах от площади Бастилии. Недалеко оттуда и до Вогезской площади. Легко сообразить, что зигзагообразный маршрут коротышки в плаще пролегает внутри одного квартала.

— Алло, Жанвье?.. Я так и думал, что ты все еще там, — позвонил Мегрэ на Вогезскую площадь. — Лети в «Четыре ла-рошельских сержанта». Такси не отпускай.

Прошел час. Ни звонков, ни известий от мужа Нины. Когда телефон заработал снова, звонил уже не он, а официант из кафе.

— Алло... Я имею честь говорить с комиссаром Мегрэ?.. Лично с ним?.. Я официант из кафе «Бираг» на улице Бирага. Звоню вам по поручению клиента, который попросил меня связаться с вами.

— Давно?

— С четверть часа. Я должен был сделать это сразу же, но у нас теперь час пик...

— Клиент низенький, в плаще?

— Он самый... Я боялся, не разыгрый ли это. Он очень спешил. Все время посматривал на улицу... Минутку, сейчас припомню поточней... Он велел вас предупредить, что попробует увести того человека в «Пушку Бастилии»... Знаете пивную на углу бульвара Генриха Четвертого?.. Он просил, чтобы вы поскорей прислали туда кого-нибудь... Подождите, это не все... Вы-то, конечно, поймете... Вот дословно: «Они сменились. Теперь это высокий, рыжий, самый опасный».

В «Пушку» Мегрэ поехал сам. Взял такси, и оно меньше чем за десять минут доставило его на площадь Бастилии. Пивная была просторная, тихая, рассчитанная в основном на завсегдатаев, которые довольствовались дежурным блюдом и копченостями. Комиссар поискал глазами человека в плаще, потом осмотрел вешалку в надежде увидеть бежевый плащ.

— Скажите, официант...

Официантов было шестеро плюс кассирша и хозяин. Мегрэ опросил всех. Нужного ему человека никто не заметил. Тогда он сел в углу, у входа, заказал кружку пива, раскурил трубку и принялся ждать. Через полчаса, несмотря на съеденные сэндвичи, потребовал сосиску с капустой. Смотрел на улицу, вздрагивая при виде каждого прохожего в плаще, а их было немало: с утра уже в третий раз прошел ливень, чистый, светлый, веселый, как всякий дождь, после которого снова сияет солнце.

— Алло... Уголовная полиция?.. Говорит Мегрэ... Жанвье вернулся?.. Дайте его... Ты, Жанвье?.. Хватай такси и гони ко мне в «Пушку Бастилии»... Жду... Нового? Нет, ничего.

А если этот субъект просто скверный шутник? Тем хуже... Мегрэ оставил дежурить в пивной инспектора и вернулся на службу. Маловероятно, чтобы мужа Нины убили после половины первого: он явно избегает укромных мест; напротив, выбирает оживленные кварталы, людные улицы. Тем не менее комиссар связался с наружной службой, куда ежеминутно стекаются сведения обо всех происшествиях в Париже.

— Если поступит сигнал, что с человеком в плаще произошел несчастный случай, или он впутался в ссору, или еще что-нибудь, звоните мне.

Он также зарезервировал за собой одну из машин, дежуривших во дворе уголовной полиции. Вероятно, это смешно, но он хочет быть застрахован от любой неожиданности.

Мегрэ принимал посетителей, курил трубку, время от времени помешивал в печке, хотя окно не закрывал, и бросал укоризненный взгляд на телефон. «Вы знали мою жену», — сказал этот тип. Комиссар силился вспомнить, какая же это Нина — он ведь знал многих. Несколько лет назад сталкивался с одной в Канне — она держала маленький бар, но уже тогда была старухой, а теперь наверняка умерла. Да, есть еще Алина, племянница его жены, — все ее зовут Ниной.

— Алло... Комиссар Мегрэ?.. Четыре часа дня. Еще совсем светло, но комиссар уже зажег настольную лампу с зеленым абажуром.

— Говорит заведующий почтовым отделением на улице Фобур-Сен-Дени, двадцать восемь... Простите за беспокойство... Возможно, это розыгрыш... Несколько минут тому назад к окошечку заказных отправок подошел клиент... Алло... по словам операционистки мадмуазель Данфер, он торопился, выглядел испуганным. Протянул ей записку и сказал: «Не старайтесь понять, а немедленно позвоните комиссару Мегрэ и передайте это сообщение». Затем он исчез в толпе, а девушка побежала ко мне. Бумажка у меня перед глазами. Написано карандашом, неразборчиво. Наверняка набросано на ходу. Вот... «Не смог добраться до „Пушки“... Вы что-нибудь понимаете? Я — нет. Впрочем, не важно... Дальше слово, которое мне не прочесть... „Теперь их двое. Маленький брюнет вернулся...“ Не знаю, правильно ли я

разобрал слово „брюнет“.. Что вы сказали?.. Хорошо, вам видней. Но это не конец. „Уверен, они решили убрать меня еще сегодня. Подхожу к вашей набережной. Но они хитрые. Предупредите постовых“. Это все... Если хотите, я пришлю вам записку с доставщиком пневматичек... На такси?.. Извольте, но при условии, что заплатите вы: я не могу себе позволить...

— Алло, Жанвье?.. Можешь возвращаться, старина. Через полчаса они курили вдвоем в кабинете комиссара.

— Ты хоть позавтракал?

— Съел порцию сосисок с капустой в «Пушке». Мегрэ успел поднять на ноги велопатрули и постовых. Парижане, заполнявшие магазины, теснившиеся на тротуарах, вливавшиеся в кино и на станции метро, ничего не замечали, хотя сотни глаз уже буравили толпу, задерживаясь на бежевых плащах и серых шляпах.

В пять часов, когда оживление в квартале Шатле достигло максимума, опять ударил ливень. Мостовая заблестела, вокруг фонарей появились ореолы, и через каждые десять метров прохожие на тротуарах поднимали руку, ловя такси.

— Содержатель «Погребов Божоле» дает ему от тридцати пяти до сорока лет. Хозяин «Вогезского табака» — около тридцати. Он бритый, лицо розовое, глаза светлые. Сказать, что он собой представляет, пока не берусь. Мне ответили: «Человек как все».

В шесть позвонила г-жа Мегрэ: к обеду придет ее сестра; ей надо удостовериться, не опоздает ли муж, а заодно попросить его по дороге домой завернуть к кондитеру.

— Подежуришь до девяти? Потом тебя сменит Люкас — я ему скажу.

Жанвье согласился. Оставалось одно — ждать.

— Кому бы я ни понадобился, пусть звонят прямо ко мне домой.

Мегрэ не забыл завернуть к кондитеру на авеню Республики, единственному в Париже, у кого, по мнению г-жи Мегрэ, пекут настоящие наполеоны. Расцеловался со свояченицей, от которой, как всегда, пахло лавандой. Они пообедали, и комиссар позволил себе стаканчик кальвадоса. Прежде чем проводить Одетту до метро, он позвонил на службу.

— Люкас?.. Ничего нового?.. Ты в моем кабинете?.. Люкас, развалившись в собственном кресле Мегрэ и закинув ноги на стол, несомненно что-нибудь читает.

— Ну, дежурь, старина. Доброй ночи.

Когда Мегрэ возвращался от метро, бульвар Ришар-Ленуар был пустынен, и шаги гулко разносились в воздухе. Внезапно комиссар услышал, что сзади кто-то идет. Он вздрогнул и невольно обернулся, потому что как раз думал о муже Нины: быть может, ему даже в этот час все еще приходится тревожно шагать по улицам, избегая неосвященных мест, ища хоть относительной безопасности в кафе и барах.

Уснул Мегрэ раньше, чем жена, — так по крайней мере уверяла она потом, как вечно уверяла, что он хранит; когда телефон нарушил сон комиссара, будильник на ночном столике показывал двадцать минут третьего. Звонил Люкас.

— Может, я зря беспокою вас, шеф. Пока что мне известно немного. Наружная служба сообщает, что на площади Согласия найден труп... Рядом с набережной Тюильри... Значит, подследственно Первому округу... Я позвонил в комиссариат, чтобы тело не трогали... Что?.. Хорошо, посылаю за вами такси.

Глядя, как муж натягивает брюки и не может найти рубашку, г-жа Мегрэ вздохнула:

— Как считаешь, это надолго?

— Не знаю.

— Неужели нельзя послать кого-нибудь из инспекторов?

Комиссар распахнул в столовой буфет, и она поняла, что он нацедил себе стопку кальвадоса. Затем муж вернулся за трубками: забыл их захватить.

Такси уже ожидало Мегрэ. Большие Бульвары были безлюдны. Над зеленоватым куполом Оперы плыла огромная, необыкновенно яркая луна. На площади Согласия, около сада Тюильри, впритык к тротуару стояли две машины и сновали люди.

Первое, что заметил комиссар, выбравшись из такси, был бежевый плащ, казавшийся темным пятном на серебряном тротуаре. Полицейские в пелеринах раздались по сторонам, инспектор из Первого округа заторопился навстречу Мегрэ, и комиссар проворчал:

— Это был не розыгрыш. Беднягу-таки достали. Совсем рядом слышался прохладный плеск Сены, и машины, вылетающие с улицы Руайяль, бесшумно скользили к Елисейским полям. В ночи ярко пылала красная вывеска «Максима».

— Удар ножом, господин комиссар, — доложил инспектор Леке, давний знакомый Мегрэ. — Труп мы не увезли — ждали вас.

Почему с первой минуты Мегрэ почувствовал: тут что-то не так?

Площадь Согласия с белой иглой обелиска посередине чересчур просторна, открыта, освещена. Она как-то не вяжется с утренними телефонными звонками, с «Погребями Божоле», «Вогезским табаком», «Четырьмя сержантами» на бульваре Бомарше. До последнего своего звонка, до записки, оставленной в почтовом отделении на улице Фобур-Сен-Дени, покойный держался в пределах района с узкими и людными улочками. Разве тот, кто чувствует, что его преследуют, что за ним по пятам идет убийца и с минуты на минуту его настигнет смертельный удар, ринется на чуть ли не космический простор площади Согласия?

— Вот увидите: он убит не здесь.

Подтвердилось это час спустя, когда полицейский Пьебеф, дежуривший у ночного кабаре на улице Дуэ, представил свое донесение.

У кабаре остановилась машина, из которой вышли двое мужчин в смокингах и две дамы в вечерних туалетах. Все четверо были в отличном настроении и малость навеселе, особенно один из них; дойдя с остальными до дверей, он вдруг вернулся обратно.

— Не знаю, сержант, правильно ли я делаю, рассказывая вам об этом: будет жаль, если нам испортят вечер... Ну да ладно!.. Используйте то, что я скажу, как сочтете нужным... Только что, когда мы пересекли площадь Согласия, перед нами остановилась машина. Нашу вел я, решил, что у передних авария, и затормозил. Но они что-то вытащили из салона и положили на тротуар. Думаю, что труп. Это был желтый «Ситроен», номер парижский, последние цифры — тройка и восьмерка.

С какого момента муж Нины превратился в «мертвеца комиссара Мегрэ», как его прозвали в уголовной полиции? Пожалуй, с первой же их встречи, если можно так выразиться, этой ночью на площади Согласия. Во всяком случае, поведение комиссара поразило инспектора Леке. В чем оно было не совсем обычным — объяснить трудно. В полиции привыкли к насильственной смерти, к самым неожиданным преступлениям, к трупам, к которым относятся с профессиональным безразличием, а подчас и отпускают на их счет шуточки казарменного пошиба. К тому же Мегрэ не выказал волнения в полном смысле этого слова.

Но почему, например, он не начал с самого простого — не наклонился над телом? Нет, он несколько раз пыхнул трубкой и остался среди полицейских в мундирах, разговаривая с Леке и поглядывая на молодую даму в парчовом платье и норковом манто, которая вышла из очередной машины в обществе двух мужчин и, вцепившись в рукав одного из них, ждала, словно вот-вот случится что-нибудь еще.

Лишь спустя некоторое время комиссар медленно приблизился к распростертому на асфальте телу в бежевом плаще и все так же медленно склонился над ним, словно над родственником или другом, как позднее рассказывал инспектор Леке. А когда Мегрэ выпрямился с нахмуренным лицом и — это сразу почувствовалось, — весь кипит от ярости, спросил таким тоном, как будто возлагал на окружающих ответственность за случившееся:

— Кто это сделал?

Кулаками или ногами — трудно сказать, но до или после удара ножом пострадавшего жестоко били: лицо вспухло, губа рассечена, голова с одной стороны совершенно обезображена.

— Сейчас придет фургон из морга, — доложил Леке. Не изуродуй убийцы покойника, лицо у него было бы самое заурядное — молодежливое, веселое. Даже после смерти оно дышало какой-то наивностью. Почему даму в норковом манто взволновало не это, а нога в сиреневом носке? Конечно, разутая нога на тротуаре рядом с другой в черном шевровом полуботинке — это несколько смешно. Это наводит на мысль о наготы, интимности. В этом не ощущается ужас смерти. Мегрэ отошел в сторону и метрах в шести-семи от тела подобрал на тротуаре второй полуботинок. Потом опять замер в ожидании, не выпуская трубки изо рта. К группе, перешептываясь, присоединялись новые любопытные. Наконец к тротуару подкатил фургон, и два санитары подняли тело. Крови под ним не оказалось.

— Леке, донесение направите мне.

Мегрэ сел в кабину фургона и уехал. Не означало ли это, что он как бы вступил во владение мертвецом? Так длилось всю ночь. Утром тоже ничего не переменялось. Со стороны казалось, что труп принадлежит Мегрэ, что этот мертвец — его. Комиссар распорядился, чтобы Мер, один из специалистов отдела идентификации, ждал его в Институте судебной медицины. Мере был молод, худ, высок, никогда не улыбался и прятал робкие глаза за толстыми стеклами очков.

— Приступай, мальш.

Мегрэ вызвал также доктора Поля — тот прибудет с минуты на минуту. Если не считать «безвестных трупов» подобранных в Париже за последние дни и покоившихся теперь в боксах холодильника, кроме комиссара и Мера в морге находился только сторож.

Свет был резкий, слова скупые, движения точные. Оба походили на старательных рабочих, выполняющих сложное ночное задание. В карманах почти ничего: пакет табака, книжечка папиросной бумаги, коробок спичек, дешевый перочинный нож, дверной ключ старинной формы, карандаш, платок без метки, немного мелочи, но ни бумажника, ни документов, удостоверяющих личность Мере осторожно, одну за другой, брал вещи, укладывая каждую в

отдельный мешок из воценой бумаги, и накрепко завязывал его. То же он проделал с рубашкой, ботинками, носками. Все они были довольно дешевые. На пиджаке обнаружилась метка магазина готового платья на Севастопольском бульваре; брюки — поновее — были другого цвета.

Мертвец лежал уже голый, когда появился доктор Поль: бородка расчесана, глаза ясные, хотя его и подняли среди ночи.

— Ну-с, дорогой Мегрэ, что-то нам расскажет этот бедный парень?

Иными словами, им предстояло заставить мертвеца заговорить. Все шло заведенным порядком. В обычных условиях Мегрэ мог бы отправиться спать: утром все бумаги и без того лягут к нему на стол. Однако комиссар, не двигаясь с места, стоял рядом: взгляд тусклый и сонный, руки в карманах, трубка в зубах.

Прежде чем пустить в ход ланцет, доктору Полю пришлось дожидаться фотографа. Тот запаздывал, и Мере, воспользовавшись отсрочкой, тщательно вычистил труп ногти на руках и ногах и осторожно ссыпал частицы грязи в мешочки, на которых начертил кабалистические знаки.

— Непросто будет придать ему веселенький вид! — заметил фотограф, осмотрев лицо.

Обычная работа... Первым делом снимки тела и раны. Потом — для публикации в газетах с целью опознания — фотография лица, насколько возможно более живая. Вот почему техник гримирует убитого, который в ледяном свете выглядит особенно бледным, хотя скулы у него тронуты румянцем, а губы накрашены, как у уличной девки.

— Ваш черед, доктор.

— Остаются Мегрэ?

Комиссар остался. До конца. Было уже половина седьмого утра, когда они с Полем выпили кофе с коньяком в маленьком баре, где только что открыли ставни.

— Полагаю, вы не собираетесь дожидаться моего заключения?.. А скажите, дело крупное?

— Не знаю.

Вокруг них рабочие ели рогалики. Было холодно. Утренний туман оседал на пальто каплями влаги. На разных этажах домов одно за другим загорались окна.

— Скажу для начала, что это человек скромного положения. В детстве, судя по костям и зубам, жил, вероятно, бедно, вниманием не избалован. Руки ни на какую определенную профессию не указывают. Они сильные, относительно ухоженные. Рабочим он не был. Служащим тоже: на пальцах никаких деформаций, говорящих о том, что покойник много писал или печатал на машинке. Ступни, напротив, уплощенные, чувствительные, как у человека, который проводит много времени стоя.

Мегрэ не записывал: слова доктора и без того запечатлевались в его памяти.

— Перейдем к главному: время преступления. Не боясь ошибиться, могу утверждать: от восьми до десяти вечера.

Мегрэ уже уведомили по телефону о показаниях ночных гуляк и о появлении желтого «Ситроена» на площади Согласия сразу после часа ночи.

— Вы не заметили ничего ненормального, доктор?

— В каком смысле?

Врач с бородкой состоял судебно-медицинским экспертом тридцать пять лет и в уголовных делах разбирался основательней, нежели большинство полицейских.

— Преступление совершено не на площади Согласия.

— Безусловно нет.

— Оно, видимо, произошло в каком-то отдаленном месте.

— Вероятно.

— Как правило, на риск, связанный с перевозкой трупа, особенно в таком городе, как Париж, идут для того, чтобы спрятать тело, попытаться уничтожить его или отсрочить обнаружение.

— Вы правы, Мегрэ. Я об этом не подумал.

— В данном случае, напротив, преступники, рискуя попасться или по меньшей мере навести нас на след, везут труп в сердце Парижа, на самое видное место, где он даже ночью десяти минут не пролежит, как его обнаружат.

— Иными словами, убийцам нужно было, чтобы его обнаружили. Вы это хотите сказать? Тем не менее они приняли меры, чтобы затруднить опознание. Улары по лицу нанесены не кулаками, а тяжелым инструментом, форму которого я, к сожалению, затрудняюсь определить.

— Нанесены до смерти?

— После. Через несколько минут. Во всяком случае, меньше чем через полчаса... А теперь вот это, Мегрэ: есть еще одна деталь, о которой я, видимо, умолчу в заключении, потому что не уверен в ней и не хочу, чтобы адвокаты оспорили мое мнение, когда дело дойдет до суда. Вы видели, я долго изучал рану. Я вообще изучил несколько сот ножевых ранений. И я утверждаю, что это нанесено не наугад. Представьте себе: два человека стоят лицом к лицу, разговаривают, и вдруг один бьет другого ножом. Ему ни за что не нанести рану вроде той, что я сейчас осмотрел. Вообразите, напротив, что человек сидит или даже стоит, но занят чем-то своим. Другой подкрадывается сзади, обхватывает жертву рукой и с силой вонзает нож в намеченное место. Или еще точнее: предположим, жертву связали или крепко держат и злоумышленник как бы «оперирует» ее. Ясно?

— Ясно.

Мегрэ и без того знал, что на мужа Нины напали не внезапно: он целые сутки пытался уйти от убийц. То, что для доктора Поля составляло, так сказать, чисто теоретическую задачу, представало глазам комиссара в куда более человеческом плане. Он, Мегрэ, слышал голос покойного. Почти что видел его, следил за каждым его броском от быстро к быстро, пока несчастный отчаянно кружил по одним и тем же кварталам Парижа между площадями Шатле и Бастилии.

Комиссар и врач шли по набережным, один с трубкой, другой с сигаретой во рту: Поль курил даже во время вскрытия, утверждая, что табак — лучший антисептик. Занималась заря. Вдоль Сены спускались первые караваны барж. По каменным лестницам с трудом поднимались клошары, окоченевшие после проведенной под мостами ночи.

— Беднягу убили вскоре после того, как он поел. Может быть, даже сразу.

— Что он ел, знаете?

— Гороховый суп и треску по-провансальски с картофелем. Пил белое вино. В желудке я обнаружил следы и кое-чего покрепче.

Ба! Они как раз поравнялись с «Погребями Божоле», где хозяин только что распахнул деревянные ставни. С улицы был виден темный зал, откуда тянуло винным запахом.

— Вы домой? — осведомился доктор, собираясь поймать такси.

— Нет, загляну в отдел идентификации.

Огромное здание на набережной Орфевр было покамест безлюдно, если не считать уборщиков на лестницах и в коридорах, еще пропитанных зимней сыростью. У себя в кабинете Мегрэ застал Люкаса, дремавшего в кресле комиссара.

— Что нового?

— Фотография разослана по газетам, но поместят ее в утреннем выпуске только некоторые

из них: она доставлена слишком поздно.

— Машина?

— Проверил уже три желтых «Ситроена». Ни один не подходит.

— Ты звонил Жанвье?

— Явится к восьми и сменит меня.

— Если будут спрашивать, я наверху. Предупреди коммутатор: соединять со мной по любому звонку.

Спать Мегрэ не хотелось, но он как бы отяжелел и двигался медленней, чем обычно. Комиссар взобрался по узкой, запретной для посторонних лестнице под крышу Дворца правосудия. Приоткрыл дверь с матовым стеклом, заметил Мерса, склонившегося над своей аппаратурой, и направился к нему, но не успел даже заговорить, как дактилоскопист покачал головой.

— Ничего, господин комиссар.

Мегрэ, заглянул в картотеку, потом вернулся к Мерсу, снял пальто и, поколебавшись, развязал галстук, давивший ему шею.

Мертвец был не здесь, а в Институте судебной медицины, где служитель поместил его в холодильный бокс j 17, но люди все равно ощущали его незримое присутствие. Говорили они мало. Каждый занимался своим делом, не замечая, что сквозь чердачное оконце уже пробивается солнечный луч. В углу стоял раздвижной манекен, которым постоянно пользовались. На этот раз прибег к нему и Мегрэ.

Мере, уже успевший выбить одежду прямо в мешках, исследовал теперь собранную таким способом пыль, а комиссар занялся самими вещами. Тщательно, как торговец, украшающий витрину, он одевал манекен, — высота которого примерно соответствовала росту пострадавшего. Начал он с рубашки и кальсон и уже взялся за пиджак, когда вошел свежий, отдохнувший Жанвье: он-то до самого утра спал в собственной постели.

— Они таки добрались до него, шеф. — Жанвье отыскал глазами Мерса и подмигнул ему, намекая на то, что комиссар сегодня в «неразговорчивом» настроении. — Мы засекали еще одну желтую машину. Люкас проверил ее и утверждает, что она не представляет для нас интереса.

— Нет, тут что-то не так. Ты не находишь? — вздохнул Мегрэ, отступив на шаг и критически осмотрев свое произведение.

— Минутку... Нет, ничего не замечаю... Правда, покойник был чуть повыше. Пиджак кажется малость коротким.

— Это все?

— Разрез от ножа узковат.

— Больше ничего?

— Покойник был без жилета.

— А вот меня удивляет, что пиджак не из того же материала, что брюки, да и цвета другого.

— Ну, это бывает.

— Погоди-ка. Присмотрись к брюкам. Они почти новые. Они от одного костюма, а пиджак от другого, который старше первого самое малое на два года.

— Похоже.

— Судя по носкам, рубашке и галстуку, парень любил прифрантиться... Звони в «Погреба Божоле» и другие быстро. Постарайся выяснить, был ли вчера покойный в пиджаке и брюках от разных костюмов.

Жанвье устроился в углу, и голос его создал в помещении своего рода звуковой фон. Инспектор поочередно вызывал разные кафе, до бесконечности повторяя:

— Уголовная полиция... Да, я был у вас вчера... Не скажете ли...

К несчастью, покойный нигде не снимал плащ. Расстегивал, возможно, но никто не обратил внимания, какого цвета на нем пиджак.

— Что ты делаешь, вернувшись домой?

— Целую жену, — ухмыльнувшись, отозвался Жанвье: он женился всего год назад.

— А потом?

— Сажусь, а она приносит мне шлепанцы.

— Потом?

— Понял! — стукнул себя по лбу инспектор. — Меняю пиджак.

— У тебя есть домашняя куртка?

— Нет. Я надеваю старый пиджак, который стал мне маловат, Эта деталь сразу сделала незнакомца человечней и ближе. Они представили себе, как он возвращался домой и, может быть, подобно Жанвье, целовал жену. Во всяком случае, снимал новый пиджак и надевал старый. Потом ел.

— Какой сегодня день?

— Четверг.

— Значит, вчера была среда. Тебе часто случается есть в ресторанах? В дешевых, вроде тех, где бывал наш незнакомец?

Разговаривая, Мегрэ натягивал на плечи манекену бежевый плащ. Накануне в такое же время, нет, пожалуй, чуть позднее этот плащ был еще на живом человеке, зашедшем в «Погреба Божоле» почти что у них на глазах: им и сейчас довольно выглянуть в чердачное оконце, чтобы увидеть витрину этого заведения на другом берегу Сены.

Незнакомец зывал к Мегрэ. Требовал разговора не с кем-нибудь из инспекторов или комиссаров, не с самим начальником уголовной полиции, как делают порой те, кто считает свое дело особо важным. Ему нужен был Мегрэ. Правда, он предупредил: «Меня вы не знаете». Но ведь и добавил: «Хотя знавали мою жену Нину».

Жанвье раздумывал, куда гнет комиссар со своими разговорами о ресторанах.

— Треску по-провансальски любишь?

— Обожаю. Желудок, правда, не принимает, но при случае все-таки ем.

— Вот именно!.. Жена тебе охотно ее готовит?

— Нет, слишком хлопотно. Такое блюдо редко получишь у себя дома.

— Значит, берешь его в ресторане, когда оно есть в меню?

— Да.

— А оно там часто встречается?

— Не знаю. Дайте сообразить... По пятницам бывает.

— А вчера была среда. Соедини-ка меня с доктором Полем.

Врач, дописывавший заключение, не удивился вопросу Мегрэ.

— Можете сказать, доктор, треска была с трюфелями или нет?

— Разумеется нет. Я обнаружил бы кусочки.

— Благодарю... Так вот, Жанвье, трюфелей не было. Следовательно, дорогие рестораны отпадают: там обычно добавляются трюфели. Спустись к ребятам, возьми себе в помощь Торранса и еще двух-трех. Телефонист на коммутаторе, конечно, разорется: вы надолго заблокируете линию. Вызывай все рестораны подряд, начиная с тех кварталов, где вчера мотался. Узнай, не было ли в вечернем меню трески по-провансальски.

И Жанвье удалился, отнюдь не в восторге от доверенного ему задания.

— Нож у тебя есть, Мере?

Было уже утро, а Мегрэ все не расставался со своим мертвецом.

— Введи лезвие в разрез на плаще... Теперь замри. — Комиссар слегка приподнял край плаща, чтобы видеть под ним пиджак. — Разрезы на обеих вещах не совпадают... Теперь нанеси удар как-нибудь по-другому... Зайди слева... Зайди справа... Бей сверху... Снизу...

— Понял.

Техники и служащие, приступившие к работе в огромной лаборатории, украдкой наблюдали за Мегрэ и Мерсом, обмениваясь насмешливыми взглядами.

— Опять не совпали. Между разрезами на пиджаке и на плаще добрых пять сантиметров разницы... Принеси-ка стул и помоги мне.

С бесконечными предосторожностями они усадили манекен.

— Порядок... Когда человек сидит, скажем, за столом, пальто иногда встопорщивается... Пробуй.

Как они ни бились, разрывы не совпадали, хотя по логике должны были бы точно накладываться друг на друга.

— Все! — заключил Мегрэ с таким видом, словно решил сложное уравнение.

— Вы считаете, что его убили, когда он был без плаща?

— Почти наверняка.

— Однако плащ безусловно разрезан ножом.

— Это сделано после, чтобы сбить нас со следа. Итак, люди не сидят в плаще ни дома, ни в ресторане. Разрез на нем — маскировка, чтобы убедить нас, будто удар ножом нанесен на улице. А раз на это пошли...

— ...значит, преступление совершено не на улице, — договорил Мере.

— По той же причине труп рискнули перевезти на площадь Согласия, хотя убийство произошло вовсе не там.

Мегрэ выбил трубку о каблук, разыскал свой галстук и опять уставился на манекен. В сидячем положении тот был совсем как человек. Со спины и в профиль, откуда незаметно, что у него нет лица, картина получалась ошеломляющая.

— Что-нибудь выяснил?

— Почти ничего, но я еще не закончил. Правда, в трещины подошв набилось немного довольно любопытной грязи. Похоже на пропитанную вином землю, какая бывает в деревенском погребке, где только что пробуравили бочку с вином.

— Продолжай и звони мне в кабинет.

Едва комиссар вошел к начальнику, как тот выпалил:

— Ну, Мегрэ, как ваш мертвец?

Так впервые и прозвучали слова «ваш мертвец». Начальнику уголовной полиции уже доложили, что с двух часов ночи комиссар неотрывно идет по следу.

— Добрались-таки до бедняги! А я, признаться, подумал вчера вечером, что вы имеете дело с шутником или психом.

— Что вы! Я с первого звонка верил каждому его слову.

Почему — Мегрэ вряд ли сумел бы объяснить. Не потому, конечно, что человек обратился лично к нему. Разговаривая с начальником, комиссар блуждал взглядом по залитой солнцем набережной напротив.

— Прокурор поручил ведение дела следователю Комелью. Сегодня утром они отправляются в Институт судебной медицины. Поедете с ними?

— Зачем?

— Повидайтесь все-таки с Комелью или позвоните ему. Он человек амбициозный.

Мегрэ и сам мог бы кое-что порассказать об этом.

— А вы не думаете, что здесь сведение счетов?

— Не знаю. Надо будет проверить, хотя у меня не сложилось такого впечатления.

Уголовники обычно не дают себе труда выставлять свои жертвы на площади Согласия.

— Словом, действуйте по своему усмотрению. Уверен, что кто-нибудь не замедлит опознать труп.

— Буду очень удивлен, если этого не случится. Еще одно впечатление, которое комиссар затруднился бы объяснить. Внутренне он был убежден в своей правоте, но чуть попробуешь как-нибудь это обосновать хотя бы для самого себя, — все сразу расползается. Главная трудность — история с площадью Согласия. Выходит, преступники заинтересованы в обнаружении трупа, и притом скорейшем? Но ведь им было бы куда проще и куда менее рискованно бросить, например, тело в Сену, где его выловили бы лишь через много дней, а то и недель.

Дело идет не о богаче, не о знаменитой личности, а о маленьком, незначительном человеке. Но если убийцам нужно, чтобы им занялась полиция, зачем задним числом уродовать ему лицо и вынимать у него из карманов все, что может облегчить опознание? Напротив, марка на пиджаке не срезана. Это потому, что преступники знают: на покойнике готовая одежда, продающаяся тысячами штук.

— Вы чем-то обеспокоены, Мегрэ?

— Кое-что не сходится, — коротко ответил тот. Что-то слишком много противоречивых деталей. Особенно комиссара раздражала, чтобы не сказать задевала, одна из них.

В котором часу покойный звонил в последний раз? Последним признаком жизни, который он подал, была записка, оставленная им в почтовом отделении на улице Фобур-Сен-Дени, случилось это еще днем. С одиннадцати утра незнакомец не упускал ни одной возможности связаться с комиссаром. В записке тоже взывал к нему, только особенно настойчиво. Просил даже предупредить постовых на улицах, чтобы любой из них мог по первому же сигналу прийти к нему на помощь.

Его убили между восемью и десятью вечера. Что же он делал с четырех до восьми? Никаких следов, никаких фактов. Полное молчание, которое поразило Мегрэ еще вчера, хотя комиссар никак этого не показал. Это напоминает ему одну катастрофу с подводниками, при которой благодаря радио присутствовал, так сказать, весь мир. В определенные часы от людей, запертых в подводной лодке на дне моря, еще поступали сигналы. Радиослушатели представляли себе, как снуют по поверхности спасательные суда. Постепенно сигналы становились все реже, потом внезапно прекратились.

У незнакомца не было серьезных причин молчать. Похитить среди бела дня на оживленных парижских улицах его не могли. В восемь вечера он был еще жив. Все указывало на то, что бедняга вернулся домой — не даром он сменил пиджак. Пообедал тоже дома или в ресторане. И пообедал спокойно, раз успел съесть суп, треску по-провансальски и яблоко — вот оно как раз и наводит на мысль, что ничто его во время обеда не беспокоило.

Почему он молчал по меньшей мере четыре часа? Он же не побоялся неоднократно беспокоить комиссара, даже умолять его привести в движение весь полицейский аппарат. А затем, после четырех дня, словно изменил свои намерения и решил оставить полицию вне игры? Это раздражало Мегрэ, как если бы покойный выказал неверность по отношению к нему, хотя такое выражение и не передавало того, что чувствовал комиссар.

— Ну что, Жанвье?

В инспекторской клубился синий дым, четверо мужчин с мрачным видом висели на телефонах.

— С треской по-провансальски дело швах, шеф! — комически вздохнул Жанвье. — А ведь мы уже вышли за пределы района. Я добрался до улицы Фобур-Монмартр, Торранс — до

площади Клиши.

Мегрэ тоже позвонил из своего кабинета, но вызвал не кафе, а маленькую гостиницу на улице Лепик.

— Да, на такси... Немедленно...

На столе у него лежали сделанные ночью фотографии трупа, утренние газеты, донесения, записка следователя Комельо.

— Госпожа Мегрэ... Неплохо... Не знаю, приеду ли завтракать... Нет, побриться не успел... Попытаюсь забежать к парикмахеру... Да, поел. Пока.

Комиссар предупредил служителя, старого Жозефа, чтобы тот велел подождать посетителя, который скоро придет, и действительно отправился к парикмахеру. Для этого нужно было только перейти мост. Мегрэ вошел в первый же салон на бульваре Сен-Мишель и помрачнел, увидев в зеркале большие мешки у себя под глазами.

Он знал, что на обратном пути не удержится и пропустит стаканчик в «Погребках Божоле». Во-первых, он просто любит атмосферу таких вот маленьких кабачков, где всегда малоллюдно и хозяин готов поболтать с вами. Во-вторых, он любит и вино божоле, особенно когда его, как здесь, подают в глиняных кувшинчиках. Но двигало комиссаром не только это. Он шел по следу своего мертвеца.

— Очень мне стало не по себе, господин комиссар, когда я сегодня прочел газету. Вы знаете, видел я его недолго. Но насколько помнится, парень был симпатичный. Так и представляю себе, как он входит, размахивая руками. Он, конечно, очень волновался, но голова у него варила. Пари держать готов, что в нормальной обстановке он был весельчак. Хотите смеяться, хотите нет, но чем дальше, тем его лицо мне кажется комичней. Что-то оно мне напоминает. Я уже который час ломаю себе голову...

— Напоминает кого-то похожего?

— Нет, это сложнее. Не кого-то, а что-то, только вот что, не могу сообразить. Его еще не опознали?

Это тоже любопытно, хотя покамест не выходит за пределы нормального. Газеты появились утром. Конечно, лицо изуродовано, однако не настолько, чтобы стать неузнаваемым для близких, матери или жены например. Покойник где-то жил — пусть даже в гостинице. Ночевать он не вернулся. Логически рассуждая, кто-то в ближайшие часы должен либо опознать его фотографию, либо сообщить о его исчезновении.

Мегрэ, однако, на это не надеялся. Он вновь перешел через мост, все еще храня во рту приятный, чуточку терпкий вкус божоле. Поднялся по унылой лестнице, провожаемый почтительными и боязливыми взглядами. На миг заглянул через застекленную дверь в приемную. Нужный ему человек уже стоял там, непринужденно попыхивая сигаретой.

— Заходи. — Мегрэ впустил посетителя в свой кабинет, указал на стул, сбросил пальто и шляпу, украдкой посматривая на вошедшего, которого усадил так, чтобы у того перед глазами оказались фотографии покойника. — Ну что, Фред?

— К вашим услугам, господин комиссар. Вот уж не ждал, что вы меня вызовете. Не знаю, чем...

Посетитель был тощий, очень бледный, элегантный и чуточку изнеженный. Время от времени ноздри его конвульсивно сжимались — верный признак наркомана.

— Не знаешь этого?

— Я как вошел и увидел снимки, так тут же все и понял... Скажите, его здорово разукрасили?

— Ты его не встречал?

Фред добросовестно выполнял обязанности осведомителя — это сразу чувствовалось. Он

внимательно пересмотрел фотографии, с некоторыми даже подходил к окну, чтобы разглядеть их на свету.

— Нет... Минутку... Нет. Ручаюсь, никогда не встречал, а все-таки он мне что-то напоминает, хотя и смутно. Во всяком случае, он не из преступного мира. Будь он гам даже новичок, я все равно бы его уже видел.

— На какую мысль он тебя наводит?

— Об этом-то я и думаю. Вам не известно, чем он занимался?

— Нет.

— А где жил?

— Тоже нет.

— Он не провинциал, это видно.

— Я в этом убежден.

Накануне Мегрэ заметил, что у незнакомца отчетливо выраженный парижский говорок, тот, который слышится в метро, окраинных кафе и на трибунах Зимнего велодрома.

К делу. У Мегрэ появилась идея. Сейчас он ее проверит.

— Некой Нины ты тоже не знаешь?

— Минутку... Есть одна Нина в Марселе, помощница хозяйки в одном из домов терпимости на улице Сен-Ферреоль.

— Не подходит. Эту я знаю. Ей самое меньшее пятьдесят — Ну, возраст, положим, не помеха, — отшутился Фред, взглянув на фотографии потерпевшего, — тому было лет тридцать.

— Возьми одну. Ищи. Показывай ее всюду, где сумеешь.

— Положитесь на меня. Думаю, что через несколько дней что-нибудь разнюхаю. Нет, не по этому поводу, а насчет одного крупного торговца наркотиками. До сих пор я знаю его только по имени — господин Жан. В лицо не видел. Но мне известно, что он стоит за целой шайкой продавцов зелья. Я его у них регулярно покупаю, и мне это влетает в копеечку. Так что если у вас заведутся лишние деньжонки...

Жанвье за стеной все еще искал треску по-провансальски.

— Вы были правы, шеф. Везде отвечают, что это блюдо готовят только по пятницам. Да и то не всегда. Иногда, на страстной, еще и в среду, но до Пасхи нам пока далеко.

— Дальше пусть ищет Торранс... Что сегодня днем на Зимнем велодроме?

— Сейчас посмотрю газету... Сегодня гонки за лидером.

— Захвати с собой фотографию. Потолкуй с билетерами, с торговцами апельсинами и арахисом. Обойди быстро по соседству. Затем пошатайся по кафе у заставы Дофины.

— Думаете, он лошадаками интересовался? Мегрэ этого не знал. Как другие, как хозяин «Погребов Божоле» и осведомитель Фред, он что-то чувствовал, но это что-то было расплывчатым, неопределенным. Он не мог себе представить своего мертвеца ни служащим, ни продавцом. По словам Фреда, покойник не принадлежал и к преступному миру. Зато в маленьких барах для простых людей оказывался в родной атмосфере.

У него была жена Нина. И Мегрэ знавал эту женщину. При каких обстоятельствах? Разве незнакомец стал бы хвастаться тем, что он ее муж, если бы ей довелось быть «клиенткой» комиссара?

— Дюбонне, сходишь в отдел охраны нравственности. Попроси список девиц, зарегистрированных в последние годы. Выпиши адреса всех Нин, какие подадутся. Обьезди их... Понял?

Дюбонне был молодой сотрудник, выпускник полицейской школы, чуточку чопорный, всегда с иголочки одетый, со всеми изысканно вежливый, и Мегрэ, вероятно, не без иронии дал ему подобное задание.

Другого инспектора он послал по маленьким кафе вокруг Шатле, Вогезской площади и площади Бастилии.

А тем временем следователь Комельо, руководивший следствием из своего кабинета, с нетерпением ждал комиссара, недоумевая, почему Мегрэ до сих пор не вошел с ним в контакт.

— Желтые «Ситроены»?

— Ими занимается Эрио.

Таков уж заведенный порядок. Его надо соблюдать, даже если это ничего не дает. И на всех дорогах Франции полиция и жандармы останавливали владельцев желтых «Ситроенов». Необходимо было также отрядить кого-нибудь в магазин готового платья на Севастопольском бульваре, где покойный купил пиджак, и в другой магазин на бульваре Сен-Мишель, где был приобретен плащ.

Одновременно с этим инспекторы занимались еще десятками дел. Они входили, выходили, звонили по телефону, печатали донесения. В коридорах ждали люди. Сотрудники бежали из отдела меблированных комнат в отдел охраны нравственности, из отдела охраны нравственности — в отдел идентификации.

— Вот что, шеф, — раздался в трубке голос Мерса. — Выяснилась одна деталь, наверняка не лишняя интереса. Я накопал так мало, что сообщаю ее просто на всякий случай. Как обычно, я взял с трупа пробу волос. Анализ обнаружил следы губной помады.

Это было почти комично, но ни Мегрэ, ни Мере не рассмеялись. Какая-то женщина с накрашенными губами поцеловала покойного в голову.

— Добавлю, что помада дешевая, а женщина, видимо, брюнетка: помада очень темная.

Когда и где женщина поцеловала незнакомца? Не вчера ли? И не у него ли дома, когда он вернулся и сменил пиджак? Но если убитый переоделся, значит, он не собирался больше выходить. Человек, забегающий домой на час, не дает себе труда переодеться. Следовательно, его неожиданно вызвали. Но можно ли допустить, что совершенно затравленный, обезумев от беготни по Парижу и непрерывных звонков в полицию, он все-таки вышел из дома после наступления темноты?

Женщина поцеловала его в голову или прижалась к ней щекой. В любом случае движение это было продиктовано нежностью.

Мегрэ вздохнул, снова набил трубку, взглянул на часы. Начало первого... Вчера, почти в это же время, незнакомец под плеск фонтанов пересекал Вогезскую площадь.

Комиссар распахнул низенькую дверь, ведущую из уголовной полиции во Дворец правосудия. В коридоре большими черными птицами порхали мантии адвокатов.

— Навестим старого павиана, — пробурчал Мегрэ, не выносивший Комельо. Он предвидел, что тот встретит его ледяной фразой, казавшейся следователю самым язвительным из всех мыслимых упреков: «Я ждал вас, господин комиссар...» С него станет сказать и похлеще:

«Я заждался вас...» Впрочем, комиссар плевать на это хотел. С половины третьего ночи он жил только мыслью о своем мертвече.

— Счастлив, что наконец дозвонился до вас, господин комиссар.

— Поверьте, господин следователь, я — и подавно.

Г-жа Мегрэ вскинула голову. Ей всегда становилось не по себе, когда муж начинал говорить таким мирным и благостным голосом, а уж если он выбирал подобный тон с ней самой, она настолько терялась, что ее тут же бросало в слезы.

— Я пять раз звонил вам на службу.

— А меня все не было! — сокрушенно поддакнул Мегрэ.

Жена знаком показала ему: не забывай, что говоришь с судебным следователем, шурин которого вдобавок несколько раз был министром.

— Мне ответили только, что вы больны.

— Люди всегда преувеличивают. Просто немного прихворнул — простуда. Да и то не уверен, что серьезная.

Вероятно, в игривое настроение Мегрэ приводило то обстоятельство, что он дома, в пижаме, теплом халате, шлепанцах и удобно устроился в кресле.

— Меня удивляет, почему вы не сообщили мне, кто вас замещает.

— В каком смысле?

Следователь был сух, холоден, подчеркнута официален, в то время как голос комиссара все больше проникался доброжелательностью.

— Я имею в виду дело о трупе на площади Согласия. Надеюсь, вы не забыли о нем?

— Весь день только об этом и думаю. Минуту назад я как раз говорил жене...

Г-жа Мегрэ еще более энергичными знаками потребовала, чтобы муж не впутывал ее в эту историю. В квартирке было жарко. Мебель мореного дуба, стоявшая в столовой, красовалась там со времен женитьбы Мегрэ. Окна с тюлевыми занавесками выходили на белую стену с надписью большими черными буквами: «Лот и Пепен. Прецизионный инструмент». Вот уже тридцать лет комиссар утром и вечером видел эти буквы, а под ними ворота склада, у которых всегда стояли несколько грузовиков, и, странное дело, этот пейзаж не вызывал у Мегрэ отвращения. Напротив, доставлял ему удовольствие. Он как бы ласкал эту надпись взглядом. Потом переводил его вверх, на заднюю стену дальнего дома, где на окнах сушилось белье; на одно из них в погожие дни выставлялась красная герань.

Вероятно, это была не одна и та же герань. Но в любом случае комиссар мог бы поклясться, что, как и он сам, это г цветочный горшок находится здесь уже тридцать лет. И за все эти годы Мегрэ ни разу не видел, чтобы кто-нибудь оперся о подоконник и полил растение. В комнате, разумеется, кто-то жил, но у него и у комиссара не совпадал распорядок дня.

— Вы полагаете, господин Мегрэ, что ваши подчиненные и без вас ведут расследование с должным старанием?

— Не сомневаюсь в этом, господин Комельо. Более того, уверен. Вы не представляем себе, как удобно руководить подобным расследованием сидя дома, в тихой, хорошо натопленной комнате, вдали от всякой суеты, когда рядом с тобой только телефон да кувшин с лекарственным отваром. Открою вам маленький секрет: мне все кажется, если б не это дело, я не расхворался бы. Конечно нет: я ведь простыл на площади Согласия, где обнаружили тело, или на рассвете, когда мы после вскрытия прошли с доктором Полем по набережным. Но я не то хочу сказать. Понимаем, не начнись расследование, моя простуда осталась бы просто насморком, на который никто не обращает внимания Следователь Комельо у себя в кабинете наверняка пожелтел, а то и позеленел, и бедная г-жа Мегрэ уже не знала, какому святому

молиться. Она ведь питает такое почтение ко всякой иерархии!

— Согласитесь, что здесь, дома, где за мной ухаживает жена, мне гораздо удобнее думать о расследовании и руководить им. Меня никто или почти никто не отвлекает...

— Мегрэ! — вмешалась его половина.

— Цыц!

— Вы находите нормальным, что через три дня после убийства потерпевший еще не опознан? — гнул свое следователь. — Его фотография появилась во всех газетах. Судя по тому, что вы сами мне сообщили, есть какая-то женщина...

— Да, он мне это говорил.

— Пожалуйста, не перебивайте меня. У него была, вероятно, жена, друзья. Были также соседи, домовладелец и еще Бог знает кто. Люди привыкли видеть, как он в определенное время проходит по улице. Однако никто до сих пор не явился опознать его или заявить о его исчезновении. Разумеется, бульвар Ришар-Ленуар известен далеко не каждому...

Бедный бульвар Ришар-Ленуар! Ну почему у него такая дурная репутация? Конечно, он упирается в площадь Бастилии. Конечно, он окружен густонаселенными улочками, а в квартале полно складов и мастерских. Тем не менее бульвар широк, посередине даже разбит газон. Правда, трава там растет над метро, из вентиляционных решеток которого тянет теплом и хлоркой, и через каждые две минуты при проходе поезда окрестные дома как-то странно подрагивают. Но это вопрос привычки. Сотни раз за тридцать лет друзья и коллеги находили Мегрэ квартиры в более «веселых», по их выражению, кварталах. Он ездил по адресам, бурчал:

— Да, недурно.

— А вид какой! А комнаты — просторные, светлые!

— Да, превосходно. Я был бы счастлив жить здесь. Только вот... — И, помолчав, комиссар со вздохом заключал:

— Переезжать придется!

Тем хуже для тех, кому не по вкусу бульвар Ришар-Ленуар. Тем хуже для следователя Комельо.

— Скажите, господин следователь, случилось ли вам заталкивать себе в нос горошину?

— Что?

— Горошину. Была у нас в детстве такая игра. Вы попробуйте, а потом посмотритесь в зеркало. Результат будет поразительный. Бьюсь об заклад, что с горошинкой в ноздре вы пройдете в двух шагах от людей, с которыми ежедневно общаетесь, и они вас не узнают. Ничто так не изменяет внешность, как небольшое отклонение от обычного. Особенно легко обманываются в таких случаях те, кто больше всех к нам привык. А вам ведь известно, что лицо потерпевшего обезображено куда сильнее, чем это можно сделать с помощью горошинки в носу. Учтите и другое. Людям трудно представить себе, что их сосед по лестничной площадке, сослуживец или официант, ежедневно обслуживающий их в кафе, может разом превратиться в нечто совсем иное, в убийцу или жертву например. Мы читаем в газетах о преступлениях, но воспринимаем их так, словно они происходят в ином мире, в другой сфере, не на нашей улице, не в нашем квартале.

— Словом, вы считаете нормальным, что убитый до сих пор не опознан?

— Меня это не слишком удивляет. Я помню одну утопленницу, которую опознали лишь через полгода. А было это еще в старом морге, когда холодильников не существовало и на труп просто пускали струю холодной воды из крана.

Г-жа Мегрэ, вздохнув, отказалась от попыток заставить мужа замолчать.

— Короче, вы удовлетворены ходом следствия. Человек убит, минуло трое суток, а мы не только не вышли на след преступника; но и ничего не знаем о жертве.

— Я знаю целую кучу всяких мелочей, господин следователь.

— Разумеется, настолько незначительных, что о них не стоит ставить в известность даже меня, кому поручено следствие?

— Да вот, к примеру. Незнакомец любил принарядиться. Особым вкусом, пожалуй, не отличался, но был франтоват, о чем можно судить по галстуку и носкам. При серых брюках и плаще носил черные шевровые туфли очень тонкой кожи.

— В самом деле, чрезвычайно интересно!

— Совершенно верно, чрезвычайно. А еще интересней, что рубашка у него была белая. Вам не кажется, что человек, носящий сиреневые носки и галстук с разводами, должен был бы предпочесть цветную рубашку, или хотя бы в полоску, или с мелким рисунком? Зайдите в любое бистро, вроде тех, по которым он нас водил и где чувствовал себя в своей стихии. Немного вы увидите там белых рубашек.

— Какой же вы делаете из этого вывод?

— Минутку. В двух по меньшей мере подобных бистро — Торранс снова побывал в них — незнакомец заказал сюзситрон, словно привык именно к этому аперитиву.

— Итак, теперь мы знаем его вкусы.

— Вы пробовали сюз, господин следователь? Это горький напиток с низким содержанием алкоголя. Он не из тех, что пользуются большим спросом. Я имел случай убедиться, что любители его не относятся к числу тех, кто идет в кафе выпить аперитив для бодрости; нет, это те, кого ведет туда профессиональная необходимость, например коммивояжеры, вынужденные не один раз на дню ставить покупателям выпивку.

— Вы заключаете отсюда, что покойный был коммивояжером?

— Нет.

— Кем же тогда?

— Минутку. Его видели человек пять-шесть, чьими показаниями мы располагаем, но никто из них не сумел подробно его описать. Большинство уверяет, что он был коротышка и отчаянно жестикулировал... Забыл упомянуть об одной детали, которую нынче утром обнаружил Мере. Он — добросовестный парень. Никогда не довольствуется достигнутым и сам, без чьих-либо настояний, возвращается к уже сделанной работе. Так вот. Мере установил, что у потерпевшего утиная походка.

— Какая-какая?

— Утиная. Он выворачивал носки наружу, если угодно. — Комиссар знаком попросил жену набить ему трубку и уголком глаза проконтролировал операцию, женами рекомендуя не слишком уминать табак. — Так вот, я говорил о том, как очевидцы характеризовали покойного. Их описания весьма расплывчаты, и все-таки у двух человек сложилось одинаковое впечатление. «Я не уверен. Все это очень смутно, — сказал хозяин „Погребов Божоле“. — Однако он мне что-то напоминает. Только вот что?» Потерпевший не киноактер. Даже не статист — мой инспектор обошел все студии. Он не политический деятель, даже не судейский...

— Мегрэ! — вскрикнула супруга комиссара. Не прерывая разговора и чередуя слова с затычками, муж ее раскурил трубку.

— Задайтесь вопросом, господин следователь, на мысль о какой профессии наводят эти детали.

— Я не любитель шарад.

— Понимаете, когда поневоле сидишь дома, у тебя есть время поразмыслить... Да, я забыл самое важное. Поиски, разумеется, ведутся в разных сферах. Велотреки и футбольные стадионы ничего не дали. Я распорядился также опросить всех, кто имеет отношение к ПГТ.

— Простите, не понял?

— К Парижскому городскому тотализатору. Вам, без сомнения, знакомы кафе, где можно, не двигаясь с места, поиграть на скачках. Сам не понимаю почему, но покойник представлялся мне завсегдаем агентства ПГТ. Увы, там тоже ничего. — Терпение Мегрэ проявлял ангельское. Со стороны показалось бы, что ему доставляет удовольствие затягивать этот телефонный разговор. — А вот Люкасу на ипподромах повезло больше. Но хотя он потратил много времени, говорить об окончательном опознании и сейчас еще нельзя: все из-за обезображенного лица. Не забывайте, мы привыкаем видеть человека живым, а не мертвым, и превращение в покойника сильно меняет его в наших глазах. Тем не менее на ипподромах кое-кто помнит нашего незнакомца. Он был из тех, кто не сидит на трибунах, а толчется вдоль скакового поля. По словам одного торговца секретами конюшен, покойник довольно усердно посещал скачки.

— И все-таки этого оказалось недостаточно для опознания?

— Да, недостаточно. Но это, равно как и остальное, что я вам изложил, позволяет мне почти наверняка утверждать, что покойный подвизался по части горючего.

— Горючего?

— Так принято говорить, господин следователь. «Горючее» — это профессиональное выражение, обозначающее крепкие напитки, употребляемое всеми, кто связан с торговлей ими, — официантами, мойщиками посуды, барменами, даже хозяевами заведений. Вы замечали, что официанты в кафе неизменно похожи друг на друга? Я не имею в виду физическое сходство, но во всех них есть нечто общее. Вам самому, безусловно, сотни раз казалось, что вы узнаете официанта, хотя в глаза его не видели. У большинства из них плоскостопие, что и понятно. Обувь они носят легкую, тонкую, почти что домашнюю. Вы никогда не встретите официанта или метрдотеля в спортивных ботинках на тройной подошве. Точно так же они профессионально приучены к белым рубашкам. Не скажу, что у всех, но у значительной части их утиная походка. Добавлю еще, что по непонятным мне причинам они отличаются ярко выраженным интересом к скачкам и что многие из них, работающие с раннего утра или, наоборот, по ночам, — завсегдаи ипподромов.

— Короче, вы считаете, что потерпевший был официантом?

— Нет, как раз нет.

— Ничего не понимаю.

— Он имел отношение к горючему, но был не официантом. Я раздумывал об этом много часов. Все, что я сказал вам об официантах, применимо и к содержателям бистро. Не заподозрите меня в тщеславии, но мне все время казалось, что мой мертвец не служил у кого-то, а имел собственное дело. Вот почему сегодня в одиннадцать утра я позвонил Мерсу. Рубашка покойного по-прежнему находится в отделе идентификации, но я уже забыл, в каком она состоянии. Мере обследовал ее снова. Заметьте, здесь нам помог случай: она могла быть и неношеной — любому из нас случается надевать новую рубашку. Эта, к счастью, оказалась неновой. У нее даже изрядно потертый ворот.

— Очевидно, у содержателей баров особенно сильно снашиваются воротники рубашек?

— Не больше, чем у других, господин следователь. Но у них не снашиваются манжеты. Я говорю о маленьких барах для простого народа, а не об американских барах вокруг Оперы или на Елисейских полях. У хозяина рукава всегда засучены — ему постоянно приходится погружать руки в лед и воду. Так вот — и Мере это подтвердил, — у рубашки, ткань которой вытерлась на воротах до основы, целехонькие манжеты.

Г-жа Мегрэ окончательно сбилась с толку: теперь ее муж говорил с глубокой убежденностью.

— Добавьте к этому треску по-провансальски...

— Это — излюбленное блюдо владельцев маленьких баров?

— Нет, господин следователь. Просто в Париже полно заведений, где кормят очень немногих постоянных клиентов. Порой там на стол даже не стелют скатерть. Часто готовит сама хозяйка. Подают только дежурное блюдо. В таких барах, особенно во второй половине дня, бывают часы затишья, когда хозяин свободен. Вот почему с сегодняшнего утра два инспектора обходят все кварталы Парижа, начиная от Ратуши и площади Бастилии. Вы, должно быть, заметили, что наш покойный все время крутился в этом районе. Парижанин дико привязан к своему кварталу, словно лишь там чувствует себя уверенно.

— Вы надеетесь, что вскоре решите загадку?

— Я надеюсь решить ее рано или поздно. Ну, кажется, все сказал. Нет, я не упомянул о пятнышке лака.

— О каком еще пятнышке?

— На брюках. Его обнаружил опять-таки Мере, хотя оно еле заметно. Он утверждает, что лак свежий. Добавил, что мебель этим лаком покрыли самое большее три-четыре дня назад. Я разослал людей по вокзалам, начиная с Лионского.

— Почему именно с Лионского?

— Потому что он представляет собой как бы продолжение района вокруг площади Бастилии.

— А при чем тут вокзал?

Мегрэ вздохнул. Господи, до чего же нудно все это разжевывать! Как может судебный следователь отличаться таким полным отсутствием элементарного чувства реальности? И как люди, ни разу в жизни не бывавшие в бистро, в агентстве ПГТ, на скаковом поле, люди, не понимающие, что означает на жаргоне «горючее», смеют воображать, будто они способны проникнуть в душу преступника?

— У вас должно лежать мое донесение.

— Я перечел его несколько раз.

— Когда в одиннадцать утра в среду потерпевший впервые позвонил мне, его преследовали уже давно. По меньшей мере с вечера. Он не сразу решил уведомить полицию. Надеялся, что сам выкрутится. Однако уже струхнул. Понимал, что дело идет о его жизни. Следовательно, должен был избегать безлюдья: толпа служила ему прикрытием. Не осмелился он и вернуться домой — убийца мог ворваться вслед за ним и прикончить его. Даже в Париже не так уж много мест, открытых всю ночь. Если не считать монмартрских кабаре, это только вокзалы. Они освещены, залы ожидания в них никогда не пустуют. Так вот, в понедельник скамьи в зале ожидания третьего класса на Лионском вокзале были заново покрыты лаком. Мере утверждает, что лак идентичен тому, что на брюках.

— Вокзальных служащих опросили?

— Да, и продолжают опрашивать.

— В общем, несмотря ни на что, известных результатов вы добились.

— Да, несмотря ни на что. Я знаю также, в какой момент пострадавший изменил свои намерения.

— Какие намерения?

Г-жа Мегрэ налила мужу чашку отвара и знаком велела: «Пей, пока горячий».

— Как я уже сказал, сперва он решил, что выпутается сам. Потом, в среду утром, ему пришло на ум обратиться ко мне. Он продолжал эти попытки до четырех дня. Что случилось затем — не знаю. Может быть, послав нам свой последний SOS из почтового отделения на улице Фобур-Сен-Дени, он вообразил, что мы ему не поможем. Во всяком случае, часом

позднее, около пяти, он зашел в пивную на улице Сент-Антуан.

— Выходит, в конце концов какой-то свидетель все-таки появился?

— Нет, господин следователь. Эти сведения — от Жанвье: он предъявлял фотографию и опрашивал официантов во всех кафе. Короче, покойный заказал сюз, деталь, которая подтверждает, что ошибиться насчет него мы не могли, и потребовал конверт. Не почтовую бумагу, а только конверт. Затем сунул его в карман, взял в кассе жетон и бросился в телефонную будку. Дозвониться ему удалось: кассирша слышала, как сработал автомат.

— Но звонил он не вам?

— Нет, — не без обиды признался Мегрэ. — Он обратился не к нам. Что же касается желтой машины...

— Есть сведения?

— Они неточны, но совпадают с остальным. Набережную Генриха Четвертого знаете?

— Это со стороны площади Бастилии?

— Так точно. Как видите, район, где разворачивались события, столь ограничен, что кажется, будто все двигалось по кругу. Набережная Генриха Четвертого — одно из самых тихих и малолюдных мест Парижа. Ни магазинов, ни бистро, одни жилые дома. В среду, ровно в восемь десять вечера, некий юный доставщик телеграмм приметил там желтую машину. Она бросилась ему в глаза потому, что стояла у дома шестьдесят три, куда он как раз нес телеграмму. В моторе, открыв капот, копались двое мужчин.

— Приметы он запомнил?

— Нет. Было темно.

— А номер машины?

— Тоже нет. Людям редко приходит в голову запоминать номера автомобилей. Важно другое: машина была развернута в сторону Аустерлицкого моста, и часы показывали десять минут девятого. А результаты вскрытия дают основания полагать, что убийство произошло между восьмью и десятью вечера.

— Вы считаете, состояние здоровья вскоре позволит вам выйти из дома?

— Следователь поостыл, но сдаваться не собирался.

— Не знаю.

— В каком направлении ведет; вы теперь расследование?

— Да ни в каком. Жду. Что мне еще остается? Согласитесь, мы сейчас на мертвой точке.

Мы, вернее, наши люди, сделали все, что могли. Остается только ждать.

— Чего?

— Не важно чего. Того, что произойдет. Может быть, свидетельских показаний. Может быть, новых фактов.

— Вы думаете, они обнаружатся?

— Надеюсь.

— Благодарю. Я доложу прокурору о нашем разговоре. Поправляйтесь, господин комиссар.

— Благодарю, господин следователь.

Мегрэ положил трубку с важным, как у индюка, видом. Уголком глаза он следил за женой, чувствуя, что она полна глухой тревоги, хотя и взялась опять за вязанье.

— Тебе не кажется, что ты зашел слишком далеко?

— В каком смысле?

— Сознайся, ты над ним потешался.

— Ты находишь?

В голосе комиссара прозвучало неподдельное удивление. В сущности, он говорил совершенно серьезно. Не сказал ни одного неискреннего слова, даже насчет сомнений в

опасности своего недомогания. Время от времени, когда расследование шло не так, как следовало бы, Мегрэ действительно случалось слечь или запереться у себя дома. Тут с ним носились. Ходили вокруг него на цыпочках. Он вырывался из суеты и шума уголовной полиции, уходил от бесконечных вопросов со всех сторон и бесчисленных текущих дел. Сослуживцы навещали его или звонили. Все старались быть с ним потерпеливей, справлялись о здоровье. Ценой нескольких порций проглоченного с гримасой отвара он получал от г-жи Мегрэ несколько стаканов отменного домашнего грога.

Спору нет, у них с его мертвецом есть нечто общее, внезапно подумалось комиссару. В сущности, они держались за свой квартал не из страха черед переездом, а из нежелания менять привычный горизонт. При одной мысли, что, проснувшись, уже не увидишь надпись «Лот и Пенен», не пойдешь на работу обычной дорогой, чаще всего пешком... И он, комиссар, и его мертвец срослись со своим кварталом. Мегрэ приятно было это сознавать. Он выбил трубку, заложил в нее новую порцию табаку.

— Ты вправду думаешь, что покойник был владельцем бара?

— Допускаю, что выразился слишком категорически, но раз я так сказал, хочется, чтобы так и было. А на это похоже. Сперва-то я импровизировал, а потом почувствовал, что все сходится, и стал развивать свою мысль.

— А вдруг это сапожник или портной?

— Доктор Поль сказал бы мне об этом. Мере тоже.

— Им-то откуда знать?

— Доктор Поль установил бы это по деформациям рук и мозолям, Мере — по пыли, выбитой из одежды.

— А если покойный все-таки не был хозяином бара?

— Тем хуже для меня. Передай мне книгу. Это тоже была привычка Мегрэ: болея, он неизменно погружался в один из романов Дюма-отца. У комиссара было полное собрание его сочинений в стареньком дешевом издании с пожелтевшими страницами и романтическими гравюрами, и запах, источаемый этими томами, воскрешал в памяти комиссара те редкие случаи, когда ему удавалось-таки поболеть.

Печка урчала, вязальные спицы позвякивали. Поднимая глаза, Мегрэ видел качание медного маятника часов в футляре из мореного дуба.

— Прими-ка еще аспирина.

— Давай.

— Почему ты думаешь, что он обратился к кому-то другому?

Милая г-жа Мегрэ, как ей хочется ему помочь! Обычно она не позволяет себе расспрашивать мужа о служебных делах, разве что осведомляется, когда он приедет спать или поесть, но когда он болеет и все-таки не перестает работать, она не в силах подавить беспокойство. В душе, только в душе, конечно, она боится, что мужу не хватает серьезности, хотя на службе он, без сомнения, держится по-другому, действует и говорит как настоящий комиссар полиции. Разговор со следователем Комельо особенно всполошил ее, и сейчас, считая про себя петли, она явно думает о нем.

— Знаешь, Мегрэ...

Комиссар, нахмутив лоб, оторвался от книги.

— Я тут кое-чего не понимаю. Говоря о Лионском вокзале, ты утверждал, что покойный не осмелился вернуться домой, потому что преследователи ворвались бы и туда.

— Да, я, вероятно, это сказал.

— Но вчера ты уверял, что он сменил пиджак. А следователю историю с треской по-провансальски изобразил так, словно убитый ел ее у себя в ресторане. Значит, он туда вернулся?

Значит, больше не боялся, что вслед за ним кто-то проникнет в дом?

Обдумал ли Мегрэ это заранее? Или, напротив, сымпровизировал?

— На вокзале он был во вторник вечером. Еще до того, как обратился ко мне. Он надеялся ускользнуть от преследователя.

— А разве на следующий день за ним никто не следил?

— Возможно, да. Даже вероятно. Но я ведь сказал, что около пяти он изменил свои намерения. Не забывай: он куда-то позвонил и еще потребовал конверт.

— Ты, видимо, прав, — вздохнув, согласилась г-жа Мегрэ, хотя и неохотно.

Оба замолчали. Время от времени шелестела перевертываемая страница. Носок на коленях г-жи Мегрэ понемногу удлинялся. Потом она разжала губы, опять поджала. Не поднимая головы, комиссар бросил:

— Выкладывай.

— Да я так... Это пустяки... Я только подумала, что это было ошибкой, раз его все равно убили.

— Что было ошибкой?

— То, что он вернулся домой. Извини. Читай. Но Мегрэ уже не читал, во всяком случае, не читал внимательно, потому что теперь первым поднял голову он.

— Ты забыла об аварии с машиной, — бросил комиссар, и ему показалось, что мысль его обрела новое направление, а глазам сквозь разрыв в завесе мрака забрезжила правда. — Прежде всего надо установить, сколько точно времени простояла машина из-за неисправности. — Комиссар уже не обращался к г-же Мегрэ, а рассуждал вслух, и, понимая это, она остерегалась перебить его вторично. — Авария непредвидима. Это несчастный случай, нечто такое, что по смыслу своему расстраивает все планы. Значит, события развернулись не так, как предусматривалось.

Комиссар как-то странно посмотрел на жену. В конце концов, именно она вывела его на верный путь.

— Что если он и погиб из-за этой аварии?

Мегрэ внезапно захлопнул книгу, положил ее на колени, протянул руку к телефону и набрал номер уголовной полиции.

— Позови-ка Люкаса, старина. Если он не у себя, значит, сидит в моем кабинете... Ты, Люкас?.. Что?.. Есть новости?.. Минутку... — Комиссару не терпелось выговориться первому: он боялся, чтобы ему не сообщили то, до чего он додумался в одиночку. — Пошли человека на набережную Генриха Четвертого — лучше Эрио или Дюбонне, если они под рукой. Пусть опросят всех привратниц, всех жильцов не только в доме шестьдесят три и по соседству, но и в остальных. Набережная не Бог весть какая длинная. Люди наверняка заметили желтую машину. Мне нужно по возможности точнее узнать, когда с ней случилась авария и когда она снова оказалась на ходу. Погоди, это не все. Седокам, возможно, понадобятся запасные части. По соседству должны быть гаражи. Их тоже надо обойти. Пока все... Теперь докладывай.

— Секунду, шеф. Я только перейду в другой кабинет. — Это означало, что Люкас не один и не хочет говорить при собеседнике. — Алло!.. Ну вот, хорошо.

Предпочитаю, чтобы меня не слышали. Это все по поводу машины. Полчаса назад явилась одна старуха, которую я принял в вашем кабинете. К сожалению, она, по-моему, немного чокнутая.

Это неизбежно. Стоит придать расследованию маломальскую гласность, как в уголовную полицию устремляются все психопаты Парижа.

— Она живет на Шарантонской набережной сразу за складами на набережной Берси.

Это напомнило Мегрэ о расследовании, которое, тому уже несколько лет, он вел в странном маленьком доме по соседству. Перед ним ожила набережная Берси, решетка складов слева, большие деревья и каменный парапет Сены — справа. Затем мост, название которого он забыл. За мостом набережная расширялась: вдоль нее тянулись одно-двухэтажные зданьица, наводившие на мысль скорее не о городе, а о его окрестностях. На реке вечно качалась куча шаланд; на причале, сколько хватало глаз, громоздились бочки.

— И чем же занимается твоя старуха?

— В этом-то вся закавыка. Она карточная гадалка и ясновидящая. Словоохотлива до невероятия и смотрит вам в глаза так, что становится не по себе. Сначала она поклялась, что не читает газет, и попробовала убедить меня, что они ей не нужны, — ей, мол, достаточно прийти в транс, как она все и без них узнает.

— Тогда ты ее поприжал...

— Да. В конце концов она призналась, что заглянула одним глазком в газету, которую забыла у нее клиентка. Там она прочла описание желтой машины. Уверяет, что видела «Ситроен» в среду вечером меньше чем в ста метрах от своих окон.

— В котором часу?

— Около девяти вечера.

— Седоков тоже видела?

— Видела, как двое мужчин вошли в дом.

— Дом указала?

— Это небольшое кафе на углу набережной и какой-то улицы. Называется «У Маленького Альбера».

Мегрэ стиснул зубами черенок трубки, стараясь не смотреть на жену, чтобы та не заметила огонек, заплывавший у него в глазах.

— Это все?

— Из интересного — почти все. Тем не менее говорила она целых полчаса и с невероятной быстротой. Может, вы сами с ней повидаетесь?

— Еще бы!

— Привезти ее?

— Минутку. Известно ли, сколько времени машина простояла перед «Маленьким Альбером»?

— Примерно полчаса.

— Уехала в направлении центра?

— Нет, в направлении Шарантонской набережной.

— Груза из дома в машину не выносили?

— Нет. Старуха уверена, что мужчины ничего не выносили. Это-то меня и смущает. И еще — время. Я ломаю себе голову, где эти типы болтались с трупом от девяти вечера до часу ночи. Не отправились же они на прогулку за город!.. Ну так что, привезти вам птичку?

— Привези. Возьми такси и, приехав, не отпускай. Захвати с собой одного из инспекторов. Пусть ждет внизу вместе со старухой.

— Вы собираетесь выйти? А как же ваш бронхит? Деликатный человек, однако, Люкас! Вместо «простуда» говорит «бронхит» — так внушительней.

— Не волнуйся.

Г-жа Мегрэ заерзала на стуле и раскрыла рот.

— Скажи инспектору, чтобы не упустил ее, пока ты поднимаешься ко мне. Люди склонны подчас внезапно менять решения.

— Думаю, это не тот случай. Старухе хочется увидеть в газетах свой портрет со всеми титулами. Она интересовалась у меня, где же фотографии.

— Распорядись сфотографировать ее до отъезда. Доставим ей удовольствие.

Комиссар положил трубку, с мягкой иронией посмотрел на г-жу Мегрэ и перевел взгляд на своего Дюма, которого не дочитал и наверняка в этот раз не дочитает. Что ж, пусть книга ждет, пока он опять расхворается. Глянул комиссар, правда, презрительно и на чашку с отваром.

— За работу! — громыхнул он, вставая и направляясь к буфету, откуда достал бутылку кальвадоса и рюмку с золотым ободком.

— Стоило пичкать тебя аспирином, чтобы ты пропотел!

В фольклоре уголовной полиции бытуют истории о подвигах сыска, и новичков непременно угощают ими. Героем одной такой истории лет пятнадцать тому назад стал Мегрэ. Дело было поздней осенью, а это самое скверное время года, особенно в Нормандии, где под низким свинцовым небом дни кажутся еще короче. В течение двух с половиной суток комиссар проторчал у садовой калитки на пустынной дороге в Фекан, ожидая, пока из дачи выйдет интересующий его субъект. Вокруг, сколько хватало глаз, не было другого жилья. Одни поля. Коров и тех загнали в хлева. До ближайшего телефона, чтобы вызвать смену, пришлось бы идти пешком два километра. Никто не знал, что Мегрэ караулит дачу. Он и сам не предвидел, что его туда занесет. Три дня и две ночи лил ледяной дождь, от которого отсырел даже табак в трубке. За все время мимо прошли от силы трое крестьян в сабо, опасно косившихся на незнакомца и ускорявших шаг. Мегрэ нечего было есть и пить, и, что хуже всего, к концу второго дня у него кончились спички.

В активе у Люкаса числилось другое приключение, известное как история калеки с каменным лицом. Для слежки за небольшой гостиницей на углу улицы Бирага и Вогезской площади его поместили в доме напротив, заgrimировав под старика паралитика, которого сиделка каждое утро подкатывала к окну, где он оставался весь день. Ему приделали роскошную бороду лопатой, кормили с ложечки. Длилось это десять дней, так что бедняга едва не разучился ходить.

В ту ночь Мегрэ вспомнил эти и другие истории, предчувствуя, что новая его акция станет не менее знаменитой. Во всяком случае, лестной для него. Это была игра, которой комиссар предавался как нельзя более серьезно.

Около семи, когда Люкас собрался уходить, комиссар невозмутимо осведомился:

— Рюмочку примешь?

Ставни в кафе оставили закрытыми — как было. Однако зажгли лампы. Обстановка была такая же, как в любом маленьком кафе после закрытия: столы расставлены по местам, пол посыпан опилками. Мегрэ направился к стойке за рюмками и, словно силясь еще глубже вжиться в роль хозяина заведения, налил себе сыза.

— Как по-твоему, кто способен взять это на себя?

— Шеврие. Его родители содержали гостиницу в Море-сюр-Луэн, и он помогал им до самого призыва в армию.

— Немедленно свяжись с ним — пусть готовится. Твое здоровье!.. Пусть также подберет женщину, умеющую стряпать. Еще вермуту?

— Нет, благодарю. Я пошел.

— Сразу же направь сюда Мерса. Скажи, чтобы прихватил свой инструмент.

Мегрэ проводил инспектора до дверей и с минуту смотрел на безлюдную набережную, шеренги бочек и пришвартованные на ночь баржи.

Это было маленькое кафе, каких много не в самом Париже, а в предместьях, настоящее маленькое кафе с почтовой открытки или лубочной картинки. Оно располагалось в угловом двухэтажном доме под красной черепичной крышей; с фасада на выкрашенных желтым стенах была выведена надпись большими коричневыми буквами «У Маленького Альбера», по бокам ее — незамысловатые завитушки: «Вина — закуски в любое время». Во дворе под навесом комиссар наткнулся на зеленые кадки с деревьями, которые летом, вместе с несколькими

столиками, выносились на тротуар, так что получалась своего рода терраса.

Мегрэ как бы обосновался здесь на жительство. Бар несколько дней не топили, воздух был промозглый, холодный, и комиссар уже не раз поглядывал на водруженную посреди зала пузатую печку с блестящей черной трубой, уходившей вверх к стене. Почему бы, в конце концов, не затопить ее, коль скоро рядом полное ведро угля? Под тем же навесом во дворе комиссар разыскал дрова, топор и колоду для колки. В углу кухни нашлись старые газеты. Еще через несколько минут в печке заурчало, и Мегрэ встал перед ней в характерной для неги позе — плечи расправлены, руки заложены за спину.

В сущности, эта старуха Люкаса не такая уж сумасшедшая. Они поехали к ней. В такси она болтала без умолку, но иногда украдкой присматривалась к спутникам, проверяя, какое впечатление производит на них ее рассказ. Дом ее, расположенный меньше чем в ста метрах от кафе, маленький, двухэтажный, с садиком, тоже был того типа, который именуют «особнячком». Сперва Мегрэ недоумевал, как, живя на той же стороне набережной, старуха могла увидеть то, что происходило на улице в известном удалении от нее, тем более после наступления темноты.

— Вы что же, все время стояли на тротуаре или на пороге?

— Нет, сидела дома.

Она оказалась права. В передней комнате, на редкость аккуратной и чистенькой, были не только окна на реку, но еще одно, боковое, через которое просматривался большой кусок набережной в направлении «Маленького Альбера». А так как ставен на окнах не было, фары остановившейся неподалеку машины не могли не привлечь внимания старухи.

— Вы были дома одна?

— У меня была госпожа Шофье.

Г-жа Шофье, акушерка, жила на соседней улице. Это проверили, все подтвердилось. Вопреки тому, что можно было предположить по облику старухи, в доме все напоминало жилье обычной одинокой женщины. Никакого хлама, которым так охотно окружают себя гадалки. Напротив, светлая мебель, явно купленная на бульваре Барбес, пол покрыт желтым линолеумом.

— Так должно было случиться, — твердила старуха. — Вы прочли, что написано на фасаде его кафе? Он либо был посвящен в тайны нашего ремесла, либо совершил святотатство.

Она поставила греться воду для кого-то: ей хотелось, чтобы Мегрэ непременно выпил чашечку. Потом она объяснила, что «Маленький Альбер» — название трактата по магии, восходящего не то к XIV, не то к XV веку.

— А если его действительно зовут Альбер и он действительно низенький? — возразил комиссар.

— Я знаю: он маленького роста. Я часто его видела. Но только этим дело не объяснишь. Есть вещи, с которыми опасно шутить.

О жене Альбера старуха отозвалась так:

— Брюнетка, высокая, не очень опрятная — от нее вечно разит чесноком. Я не польстилась бы на ее стряпню.

— Давно у них закрыты ставни?

— Не знаю. Я пролежала в постели весь следующий день после того, как видела машину, — грипп. А когда встала, кафе было уже закрыто, и я подумала: «Так-то лучше».

— Там бывало шумно?

— Нет. Туда мало кто заглядывал. Приходили завтракать рабочие с крана, вон того, на набережной. Потом кладовщик из подвалов Сесса, виноторговца-оптовика. Еще забегали матросы с речных судов пропустить стаканчик у стойки, и все.

Она настойчиво допытывалась, в каких газетах появится ее фотография.

— Главное, я запрещаю сообщать, что гадаю на картах. Это равно как пропечатать, что вы — полицейский.

— А что тут обидного?

— Ничего, но мне это повредит.

На этом Мегрэ и расстался со старухой. Он допил кофе и вместе с Люкасом направился к угловому дому. Люкас машинально нажал на ручку двери, и та открылась.

Странное дело! Это маленькое быстро простояло незапертым по меньшей мере четыре дня, и никто не покусился ни на бутылки на стеллаже за стойкой, ни на деньги в ящике под кассовым» аппаратом. Стены здесь были выкрашены коричневой масляной краской примерно на метр от пола, а выше — светло-зеленой, повсюду висели рекламные календари, которые можно встретить в любом деревенском кафе. В сущности. Маленький Альбер был не таким уж законченным парижанином; вернее сказать, он, как большинство парижан, сохранил крестьянские вкусы. Такое же кафе, как у него, можно найти чуть ли не в каждой французской деревне.

То же относилось и к спальне наверху. Засунув руки в карманы, Мегрэ облазил весь дом. Люкас следовал за ним, втихомолку посмеиваясь: без пальто и шляпы комиссар выглядел сейчас так, словно действительно въезжал в новую квартиру. Меньше чем за полчаса он совершенно освоился, время от времени становился даже за стойку.

— Ясно пока одно: Нины здесь нет. Они искали ее от погреба до чердака, обшарив двор и садик, загроможденный старыми ящиками и пустыми бутылками.

— Что ты об этом думаешь?

— Не знаю, шеф.

В кафе было всего восемь столиков: четыре вдоль одной стены, два у другой и еще два посередине, около печки. На один из последних Мегрэ с Люкасом и поглядывали, потому что опилки вокруг ножки его были тщательно подметены. Зачем, как не для того, чтобы уничтожить следы крови? Но кто же убрал прибор жертвы, вымыл тарелки и стаканы?

— Может, они вернулись после? — предположил Люкас.

В любом случае налицо любопытная деталь: всюду в доме прибрано, но на стойке одиноко стоит раскупоренная бутылка. Мегрэ постарался не прикасаться к ней. В бутылке был коньяк. Оставалось предположить, что тот или те, кто пил из нее, обошелся без рюмки и глотнул прямо из горлышка.

Неизвестные посетители побывали и наверху. Все перерыли, кое-как побросали обратно белье и прочие вещи, но ящики все-таки задвинули. Самое же странное заключалось в том, что две рамки на стене, в которых несомненно были фотографии, оказались пусты. К тому же вынули из них вовсе не портрет Маленького Альбера, карточка которого по-прежнему стояла на комод: круглая, веселая физиономия, спереди хохолок, во всем облике что-то комичное, как выразился хозяин «Погребов Божоле».

Подъехало такси. На тротуаре раздались шаги. Мегрэ подошел к двери и отодвинул засов.

— Входи, — бросил он Мерсу, державшему в руке довольно увесистый чемодан. — Обедал? Нет? Рюмочку аперитива?

Этот вечер стал одним из самых памятных моментов в жизни комиссара. Время от времени он подходил и смотрел на Мерса, принявшегося за долгую и трудную работу — снятие пальцевых отпечатков по всему дому: в кафе, кухне, спальне, прочих помещениях.

— На том, кто первым притронулся к этой бутылке, были резиновые перчатки, — категорически объявил Мере.

Он взял также пробу опилок около столика посередине кафе, а Мегрэ отыскал в помойном ведре остатки трески.

Всего несколько часов тому назад мертвец оставался еще безмянным и представлял собой для Мегрэ довольно расплывчатую фигуру. Теперь комиссар не только располагал его фотографией, но и жил в его доме, среди его мебели, щупал принадлежавшую ему одежду, трогал руками его личные вещи. Сразу же по приезде он не без самодовольства указал Люкасу на вешалку в спальне: там висел пиджак из той же ткани, что и брюки, которые были на мертвце. Иными словами, Мегрэ оказался прав: Альбер вернулся-таки домой и по привычке переоделся.

— Как ты считаешь. Мере, давно здесь побывали?

— По-моему, сегодня, — ответил молодой человек, изучив пятна спиртного на стойке, рядом с откупоренной бутылкой.

Вполне возможно. Дом был не заперт, только вот прохожие этого не знали. А при виде закрытых ставен редко кому придет в голову повернуть ручку и проверить, на замке ли дверь.

— Те, кто приходил, что-то искали, верно?

— Я тоже так думаю.

Что-то маленькое, видимо какую-то бумагу, потому что открыто все вплоть до крошечной картонной коробочки из-под сережек.

Забавно пообедал комиссар наедине с Мерсом в этом кафе! Обслуживал он сам. Отыскал на кухне колбасу, коробки сардин, голландский сыр. Спустился в подвал, нацедил густого голубоватого вина из бочки. Были там и закупоренные бутылки, но их он не тронул.

— Остаетесь, шеф?

— Обязательно. Правда, сегодня ночью вряд ли сюда явятся, но домой ехать все равно неохота.

— Хотите, я тоже останусь?

— Нет, малыш, лучше езжай и займись своими анализами.

Мере не пренебрег ничем — даже женскими волосами, застрявшими в гребне. Набережная была почти безмолвна, прохожие — редки. Время от времени, особенно после полуночи, раздавался грохот грузовика, катившего из окрестностей к Центральному рынку.

Мегрэ позвонил жене.

— Ты уверен, что снова не простудишься?

— Не бойся. Я затопил печку. Сейчас приготовлю себе грог.

— Ночью спать не будешь?

— Обязательно буду. Даже выбирать могу — постель или раскладное кресло.

— Простыни чистые?

— Возьму свежие в шкафу на лестнице.

Комиссар чуть было не застелил кровать свежим бельем, но, поразмыслив, предпочел обойтись креслом.

Мере уехал около часа. Мегрэ набил печку углем, приготовил себе грог покрепче, проверил, все ли в порядке, закрыл дверь на засов и, тяжело ступая по винтовой лестнице, отправился спать. Отыскал в шкафу голубой мольтоновый халат с отворотами из искусственного шелка, но тот оказался слишком мал и узок. Домашние туфли, стоявшие в изножье кровати, тоже не подошли. Комиссар прямо в носках завернулся в одеяло и, подложив под голову подушку, устроился в раскладном кресле. Ставней на втором этаже не было, и свет уличного фонаря, проникая сквозь занавески со сложным рисунком, вычерчивал на стене арабески. Мегрэ смотрел на них, полузакрыв глаза и неторопливо докуривая последнюю трубку. Он привыкал. Притерпевался к дому, как претерпеваются к новой одежде, осваивался с его острым и вместе с тем мягким запахом, чем-то напоминавшим деревню.

Почему все-таки похищены фотографии Нины? Почему она исчезла, бросив дом, не взяв

даже выручку из кассового ящика? Правда, набирается там еле сотня франков. Альбер, несомненно, хранил деньги в другом месте, откуда их изъяли со всеми его личными бумагами. Но вот что любопытно: дом обыскан тщательнейшим образом, а следов беспорядка или применения силы почти нет. Одежду щупали, но с плечиков не сняли. Фотографии вынули из рамок, но рамки снова повесили на гвоздики.

Мегрэ так разоспался, что, услышав внизу стук в ставни, готов был голову прозакладывать — прошло всего несколько минут. Было, однако, семь утра, и солнце озаряло Сену, где уже пришли в движение баржи и звучали гудки буксиров. Комиссар наспех, не завязав шнурки, сунул ноги в ботинки и спустился вниз, непричесанный, в расстегнутом воротничке, помятом пиджаке.

Прибыл Шеврие, всего несколько лет назад поступивший в уголовную полицию; его сопровождала довольно миленькая особа в светло-синем английском костюме и красной шляпке на растрепанных волосах.

— Вот и мы, шеф.

Спутница дернула его за рукав. Он понял и спохватился:

— Прости... Позвольте представить вам, мою жену, господин комиссар.

— Не беспокойтесь, мне это дело знакомо, — храбро заверила та. — Моя мать держала у нас в деревне постоянный двор, и нам случалось с помощью всего двух служанок управляться со свадьбами на пятьдесят, а то и больше гостей.

И г-жа Шеврие устремила к кофеварке, бросив на ходу мужу:

— Дай-ка спички.

Газ вспыхнул, и через несколько минут по дому поплыл запах кофе. Шеврие, устроившись за стойкой, что-то на ней переставлял.

— Открываем?

— Конечно. Самое время.

— Кому закупать продукты? — поинтересовалась г-жа Шаврие.

— Берите такси и езжайте, только куда-нибудь поближе.

— Шпигованная телятина со щавелем вас устроит? Она привезла с собой белый фартук. Вела себя весело и оживленно. Все пока что смахивало на игру, на вылазку за город.

— Открывайте ставни. Если клиенты начнут задавать вопросы, отвечайте, что перекупили заведение у прежних хозяев, — распорядился Мегрэ, поднялся в спальню и разыскал бритву, крем, кисточку. Почему бы нет? Судя по всему. Маленький Альбер был человек здоровый и опрятный.

Комиссар не спеша привел себя в порядок, а когда спустился вниз, жена Шеврие уже укатила за покупками. У стойки, облокотясь на нее, пили кофе с ромом два речника. Их нисколько не интересовало, кто теперь хозяйничает в бистро. Они наверняка были в Париже проездом, и разговор у них шел о каком-то шлюзе, ворота которого накануне едва не протаранил буксир.

— Что вам налить, шеф?

Мегрэ предпочел сделать это собственноручно. Он ведь впервые в жизни наливал себе ром, стоя за прилавком бара. Неожиданно комиссар расхохотался и тут же пояснил:

— Я подумал о следователе Комельо.

Он пытался представить себе, как следователь входит в бар «У Маленького Альбера» и видит за стойкой комиссара с одним из его инспекторов. Однако, если им желательно что-нибудь разузнать, другого способа нет: тех, кто убил хозяина кафе, не может не заинтересовать тот факт, что заведение опять, как обычно, открыто.

А Нину, если, конечно, она жива?

Около девяти мимо кафе несколько раз прошла старуха гадалка, прижалась даже носом к окну и наконец удалилась, таща в руке сумку с провизией и рассуждая сама с собой.

Потом позвонила г-жа Мегрэ — ей не терпелось узнать, как там муж.

— Тебе что-нибудь привезти? Зубную щетку, например.

— Благодарю, уже купил.

— Звонил следователь.

— Надеюсь, ты не дала ему мой здешний телефон?

— Нет, только сказала, что ты ушел еще вчера. На такси, выгрузив из него кучу пакетов и ящиков с овощами, вернулась жена Шеврие. Услышав от Мегрэ слово «сударыня», она запротестовала:

— Зовите меня просто Ирма. Вот увидите, клиенты сразу же начнут обращаться ко мне именно так. Не возражаешь, Эмиль?

Посетителей почти не было. Зашли перекусить три каменщика со стройки на соседней улице. Хлеб и колбасу принесли с собой, заказали два литра красного.

— Очень неплохо, что ваше заведение снова открылось, а то до ближайшей забегаловки, где можно выпить, минут десять топать.

Новые лица ничуть их не встревожили.

— Препятствия удалились от дел? — любопытно спросил один. — Хороший был парень.

— Давно его знаете?

— Ровно две недели — с тех пор как началась стройка. Сами понимаете, наш брат привык то и дело кормушки менять.

Правда, каменщиков заинтриговал Мегрэ, слонявшийся по дому.

— Кто это? Вроде бы не здешний.

— Тсс! Это мой тесть, — с невинным видом отпарировал Шеврие.

На плите в кухне что-то урчало. Дом оживал. Сквозь широкие окна в зал, хотя и скуповато, проникало солнце. Шеврие, подтянув рукава и надев на них резинки, подмел опилки.

Телефон.

— Вас, шеф. Это Мере.

Бедняга Мере всю ночь не смыкал глаз. Отпечатки мало что дали. Они, притом самые разные, сильно стертые и беспорядочно налегшие друг на друга, имелись на всех бутылках и всей мебели. Наиболее отчетливые были переданы в антропометрическую службу, но не совпали ни с одной дактокартой.

— Весь дом обыскивали в резиновых перчатках. Надежда одна — опилки. При анализе я обнаружил на них следы крови.

— Человеческой?

— Точно отвечу через час, но почти уверен — да. Около одиннадцати появился Люкас, успевший за утро выполнить свою долю работы. Настроен он был игриво, галстук, как заметил Мегрэ, выбрал светлый.

— Один экспоркассис! — скомандовал он, подмигнув Шеврие.

Ирма повесила на дверях грифельную доску, на которой под словами «Дежурное блюдо» вывела мелом:

«Шпигованная телятина со щавелем». Слышно было, как она озабоченно рассказывает взад-вперед. Сегодня она ни с кем на свете не поменялась бы ролью!

— Пошли наверх, — позвал Мегрэ Люкаса. Они уселись в спальне у окна, которое рискнули открыть — больно уж теплый был день. У самого берега работал кран, выгружавший бочки из трюма баржи. Слышались свистки, скрип цепей и пыхтение буксиров, деловито сновавших взад и вперед по сверкавшей на солнце реке.

— Зовут его Альбер Рошен. Я побывал в Управлении косвенных налогов. Лицензию он получил четыре года назад.

— Не узнал, как зовут его жену?

— Нет. Лицензия выдана на его имя. Я отправился в мэрию, но там нет никаких сведений о нем. Если он состоял в браке, значит, женился до того, как перебрался в этот округ.

— А в комиссариате?

— Тоже ничего. Похоже, заведение было тихое. Полицию сюда не вызывали ни разу.

Мегрэ то и дело посматривал на портрет своего мертвеца, улыбавшегося ему с комода.

— Не сомневаюсь, Шеврие скоро выпытает у клиентов что-нибудь посущественней...

— Остаетесь здесь, шеф?

— Мы могли позавтракать внизу, как случайные прохожие... Что у Торранса и Жанвье?

— По-прежнему занимаются завсегдаями скачек.

— Если позвонят, передай, чтобы поглубже копнули в Венсене.

Опять то же самое. Венсенский ипподром находится, можно сказать, в интересующем их районе. А Маленький Альбер, как и Мегрэ, отличался постоянством привычек.

— Люди не удивляются, что дом отперт?

— Не слишком. Кое-кто из соседей постоял на тротуаре, заглянул в окна и, понятное дело, решил, что Альбер продал свое заведение.

В полдень Мегрэ с Люкасом перебрались вниз и заняли столик у окна, а Ирма самолично обслужила их. За другими столиками расположились немногочисленные посетители, в том числе крановщики.

— Альбер, он что, на верную лошадь наконец поставил? — любопытствовал один из них у Шеврие.

— Нет, просто уехал в деревню.

— Выходит, вы его сменили? А Нину он взял с собой? Тоже неплохо, может, здесь поменьше чесноку класть станут. Не то чтобы получалось невкусно, да запах чересчур уж густой.

Клиент ущипнул проходившую мимо Ирму за ягодицу, но Шеврие не моргнул глазом, более того — выдержал иронический взгляд Люкаса.

— В общем-то, он славный мальш, только во г зря на скачках помешался. Но скажите, чего это он кафе на четыре дня закрыл, хотя нашел себе подмену? Да еще клиентов не предупредил! В первый день нам пришлось до Шарантонского моста тащиться, чтобы заправиться... Нет, мальшка, я камамбера не ем — ежедневно только ломтик швейцарского. А Жюлю — рокфор.

Тем не менее заинтригованные посетители продолжали шушукаться. Особенный интерес вызвала у них Ирма.

— Шеврие долго не вытерпеть, — шепнул Люкас на ухо Мегрэ. — Он всего два года женат, и если эти типы не перестанут тянуть лапы к его половине, он, глядишь, им в рожу залепит.

До этого не дошло, но инспектор, подавая рабочим выпивку, отчеканил:

— Это моя жена.

— С чем и поздравляем, приятель. Да ты не беспокойся: нам она тоже нравится, — расхохотались они. Это были неплохие ребята, сразу почувствовавшие, что хозяину не по себе. — Альбер, тот, правда, заранее меры принял и мог не опасаться, что Нину у него уведут.

— Почему?

— Ты ее видел?

— Ни разу.

— И ничего не потерял, друг. Такую можно без опаски в землянке, полной сенегальцев, ночевать оставить, хотя женщина она мировая, верно, Жюль?

— Сколько ей лет?

— А у ней нет возраста, правда, Жюль?

— Правда. Может, ей тридцать, может, все пятьдесят. Все зависит, с какого боку на нее смотреть. Со стороны здорового глаза — баба как баба. Зато с другой...

— Она что, косит?

— Спрашиваешь, папаша! Еще как! Да она зараз носки твоих ботинок и верхушку Эйфелевой башни видит.

— Альбер любил ее?

— Альбер такой парень, который больше всего свое удобство любит, понял? Жаркое у твоей хозяйки что надо, даже замечательное. Но ручаюсь: это ты шлепаешь в шесть утра на Центральный рынок. А может, и картошку помогаешь чистить. И посуду через час не она мыть пойдет, чтобы дать тебе прошвырнуться на ипподром. А вот с Ниной Альбер жил, как паша. Не говорю уж о том, что деньжонки у нее определено водились...

Почему в этот момент Люкас украдкой глянул на Мегрэ? Уж не потому ли, что комиссара слегка задела в лице его мертвеца?

— Не знаю уж, как она его подцепила, только не на тротуаре, — данные у ней не те, — продолжал крановщик.

Мегрэ невозмутимо слушал. Даже слегка улыбался. Не упускал ни единого слова, и фразы автоматически превращались в образы. Портрет Маленького Альбера пополнялся все новыми штрихами, ничуть не умаляя симпатии комиссара к человеку, который оживал перед ним.

— Вы с женой из каких краев?

— Я из Берри, — отозвалась Ирма.

— А я из Шера, — ответил Шеврие.

— Значит, познакомились с Альбером не у себя в захолустье. Он-то был настоящий северянин. Не из Туркуэна ли, Жюль?

— Нет, из Рубэ.

— Один черт!

— Он часом не работал около Северного вокзала? — вступил в разговор Мегрэ, что было естественно в кафе, рассчитанном на немногих завсегдатаев.

— Да, в «Циферблате». Прослужил лет десять официантом в одной пивной, а уж потом тут обосновался.

Мегрэ задал свой вопрос не случайно. Он знал, что перебравшиеся в Париж северяне стараются селиться поближе к своему вокзалу, образуя форменную колонию в районе Мобежской улицы.

— Не там ли он Нину и подцепил?

— Там или не там, а повезло ему крупно. Не в смысле разных пустяков, конечно... А вот что касается жизни без забот...

— Она южанка?

— Южнее не бывает.

— Марсель?

— Тулуза... Выговор у нее такой, что диктор ихнего радио и тот за парижанина сойдет... Счет, малышка... А как насчет традиций, хозяин?

Шеврие растерянно поднял брови. Мегрэ, сообразив, в чем дело, поспешил ему на помощь:

— Верно. Когда заведение переходит в другие руки, полагается это обмыть.

Завтракать пришли всего семь человек. Кладовщик из подвалов Сесса, хмурый субъект в возрасте, сел в углу, злясь на все сразу — на непривычную кухню, на чужой прибор, который ему подсунули вместо его собственного, на белое вино, которое ему подали вместо привычного

красного.

— Лавочка становится похожа на все остальные. Всюду одно и то же, — пробурчал он, уходя.

Шеврие утратил свою утреннюю оживленность. Одна лишь Ирма воспринимала жизнь в розовом свете, весело жонглируя блюдами и стопками тарелок, а за мытьем посуды даже замурлыкала песенку.

К половине второго в кафе остались только Мегрэ с Люкасом. Начинались пустые часы, когда в заведении не бывает посетителей, разве что завернет утолить жажду прохожий да заглянет пара речников, ожидающих конца погрузки.

Мегрэ переел — вероятно, чтобы сделать приятное Ирме, — и теперь, выставив живот, неторопливо покурил трубку. Луч солнца грел ему ухо, и комиссар, казалось, блаженствовал, как вдруг его ботинок чуть не отдал Люкасу пальцы на ноге.

По тротуару прошел человек. С любопытством заглянул в окно кафе, помедлил, повернул назад и направился к двери. Роста он был среднего. На голове ни шляпы, ни кепки. Волосы рыжие, лицо веснушчатое, глаза голубые, губы мясистые. Он повернул ручку и все так же неторопливо вошел. В походке его чувствовалось что-то звериное, в каждом движении — предельная настороженность. Его вконец стоптанные ботинки были нечищены уже много дней. Костюм поношенный, рубашка сомнительной свежести, галстук плохо повязан.

Он напоминал кота, который входит в незнакомую комнату и озирается, чуя неведомую опасность. Интеллект у него был, видимо, ниже среднего: такие глаза, где читаются только инстинктивная хитрость и недоверчивость, часто бывают у деревенских дурачков.

Мегрэ и Люкас явно встревожили его. Не сводя с них глаз, он бочком подобрался к стойке и постучал монетой об оцинкованное железо. Появился Шеврие, подкреплявшийся в кухне.

— Что желаете?

Незнакомец опять заколебался. Он, вероятно, потерял голос, потому что, выдавив из себя хриплый звук, отказался от попыток объясниться и ткнул пальцем в направлении бутылки с коньяком, стоявшей на стеллаже.

Шеврие в свой черед посмотрел ему в глаза. В них было что-то непонятное инспектору, недоступное его пониманию. Мегрэ, внешне все такой же бесстрастный, пригвоздил ботинком ногу Люкаса к полу.

Сцена длилась всего мгновение, хотя показалась бесконечной. Незнакомец левой рукой нащупал в кармане деньги, правой поднес рюмку к губам, выпил и закашлялся. На ресницы у него навернулись слезы. Он бросил на стойку несколько монет, сделал несколько не очень крупных, но быстрых шагов, вышел и, оглядываясь на ходу, устремился к набережной Берси.

— Давай! — крикнул Мегрэ Люкасу. — Боюсь только, уйдет.

Люкас выскочил на улицу. Комиссар скомандовал Шеврие:

— Лови такси! Живо!

Набережная Берси длинная, прямая, поперечных улиц нет. Быть может, на машине он успеет догнать незнакомца, прежде чем тот ускользнет от Люкаса.

По мере того как погоня набирала темп, Мегрэ все упорнее казалось, что он вторично переживает происходящее. Такое иногда случалось с ним во сне, и подобных снов он еще в детстве боялся больше всего. Он как бы двигался неким сложным путем, и внезапно у него появлялось ощущение, что он уже здесь был, делал те же движения, говорил те же слова. От этого у него начиналось что-то вроде головокружения, особенно в момент, когда он сознавал, что вновь переживает время, прожитое им в прошлом. Охоту на человека, начавшуюся на Шаратонской набережной, он уже наблюдал во всех ее перипетиях из окна собственного кабинета в день, когда в его ушах ежечасно звучало эхо нарастающего страха — отчаянный голос Маленького Альбера.

Страх нарастал и сегодня. Незнакомец, шедший упругим размашистым шагом по бесконечной и почти пустынной набережной Берси, время от времени оборачивался и, неизменно видя позади маленькую фигуру Люкаса, ускорял ход. Мегрэ, сидя в такси рядом с шофером, нагонял их. Какая все-таки разница между обоими! У первого и в глазах, и в походке есть что-то звериное. Даже когда он припускается бегом, его движения остаются слаженными. Висящий у него на пятках Люкас шагает, выпятив уже заметное брюшко и напоминая собой таксу-бассета, которая хоть и смахивает на сардельку с лапами, а все-таки держит звериный след лучше самых породистых гончих.

Любой прозакладывал бы голову, что рыжий уйдет. Сам Мегрэ, увидев, как незнакомец, воспользовавшись безлюдностью набережной, рванулся вперед, велел шоферу газануть. Но это оказалось излишним, хотя, как ни странно, Люкас вроде бы и не бежал, сохраняя вид маленького парижского буржуа, который степенно прогуливается и никуда не спешит.

Когда незнакомец услышал за спиной шаги и, слегка повернув голову, заметил поравнявшееся с ним такси, он понял, что ему нет смысла нестись сломя голову и обращая на себя внимание прохожих, и убавил шаг. И хотя преследуемый и преследователь разминулись в тот день с тысячами встречных, никто из последних, как и в случае с Маленьким Альбером, не догадался, какая драма разыгрывается перед ними.

Уже на Аустерлицком мосту лицо иностранца, — а Мегрэ нутром чувствовал, что рыжий — иностранец, — стало тревожным. Теперь они были на набережной Генриха Четвертого. Судя по всему, парень что-то задумал. Действительно, добравшись до квартала Сен-Поль, но так и не сумев ускользнуть от наседавшего сзади такси, незнакомец сделал новый бросок, на этот раз — в сеть улочек, раскинутую между улицей Сент-Антуан и набережными. Мегрэ едва не потерял его из-за грузовика, загородившего въезд в один из переулков.

Дети, игравшие на тротуарах, недоуменно смотрели на бегущих мужчин, которых Мегрэ нагнал через две улицы. Люкас, почти не запыхавшись, в застегнутом на все пуговицы пальто, покамест до такой степени владел собой, что даже подмигнул комиссару, словно просигналив: «Не беспокойтесь!» Он ведь еще не знал, что эта охота, за которой, не утруждая себя, Мегрэ наблюдал с сиденья машины, займет долгие часы, с каждой минутой становясь все более жестокой.

Уверенность незнакомца в себе поколебалась лишь после телефонного звонка, который он сделал в маленьком баре на улице Сент-Антуан. Люкас зашел туда вслед за ним.

— Он его возьмет? — любопытно спросил шофер, узнавший Мегрэ.

— Нет.

— Почему?

Для таксиста человек, которого преследуют, был человеком, которого в конце концов

арестуют. К чему же эта погоня, эта излишняя жестокость? Он реагировал так, как реагировал бы любой непосвященный при виде мчащейся мимо него псовой охоты.

Не обращая внимания на инспектора, неизвестный взял жетон и закрылся в телефонной кабине, чем воспользовался Люкас, чтобы пропустить кружку пива, и Мегрэ, наблюдавшему за сценой через окно, тоже захотелось пить. Разговор был долгий — почти пять минут Раза два-три обеспокоенный Люкас подходил и смотрел в окошечко кабины, проверяя, не стряслось ли что-нибудь с его подопечным.

Затем, не обменявшись ни словом и словно впервые увидев друг друга, оба примостились бок о бок у стойки. Выражение лица у незнакомца изменилось. Он растерянно озирался, словно выжидая благоприятного момента, хотя, без сомнения, уже понял, что такой момент больше ему не представится.

Наконец неизвестный расплатился и вышел. Направился к площади Бастилии, сделал по ней почти полный круг, проследовал по бульвару Ришар-Ленуар в трех минутах ходьбы от дома Мегрэ и свернул направо по улице Рокетт. Еще через несколько минут потерял ориентировку: квартал явно был ему незнаком. Несколько раз он порывался скрыться, но либо улица оказывалась слишком людной, либо он замечал на ближайшем углу кепи постового.

Тогда он принялся пить. Заглядывал подряд во все бары, но уже не звонил по телефону, а залпом опрокидывал рюмку дешевого коньяку, и Люкас предпочел не входить вслед за ним, а ждать снаружи. В одном из баров с неизвестным кто-то заговорил, но тот не ответил, как не отвечает любой из нас, когда к нему обращаются на незнакомом языке.

Неожиданно Мегрэ понял, почему он почуял в этом человеке иностранца, едва лишь незнакомец зашел в бар «У Маленького Альбера». Дело не в том, что покроей костюма и черты у него не французские, а скорее в настороженности, присущей человеку, который попал в чужую среду, не понимает окружающих и не может с ними объясниться.

Погода стояла солнечная, очень теплая. Преследуемый долго петлял, прежде чем добраться до бульвара Вольтер, а затем до площади Республики, которую наконец узнал. Он спустился в метро, все еще, вероятно, надеясь оторваться от Люкаса. Однако вскоре убедился в бесплодности своего маневра, потому что Мегрэ увидел, как оба они опять поднялись на улицу со стороны выхода.

Улица Реомюра... Опять петляет... Улица Тюрбиго... Потом улицы Шапон и Бобур.

«Он в своем квартале», — подумал комиссар.

Это чувствовалось. По взглядам, которые бросал вокруг неизвестный, нетрудно было угадать, что он узнает любую лавку. Тут он у себя. Тут, вероятно, и живет в одной из бесчисленных дешевых гостиниц.

Он колебался. То и дело останавливался на углах. Что-то мешало ему сделать то, чего хотелось. Так он добрался до улицы Риволи, границы этого убогого района. Но не пересек ее, а по Архивной улице вновь повернул в гетто, затем двинулся по улице Розье.

— Не хочет, чтобы мы узнали его адрес.

— Но зачем и кому он звонил? Просил помощи у сообщников? И на какую помощь мог рассчитывать?

— Жаль беднягу! — вздохнул шофер. — Вы хоть уверены, что он злоумышленник?

Нет, даже в этом уверенности не было. Но охотиться на него все-таки следовало. Это был единственный способ узнать что-либо новое о смерти Маленького Альбера.

Неизвестный отчаянно потел. Из носу у него текло. Время от времени он вытаскивал из кармана большой зеленый платок. И опять заходил выпить, упорно держась на дистанции от сердцевины района, которую образовывали улицы Сицилийского Короля, Экуф и Веррери, около которой он кружил и в которую не решался войти. Он то отдалялся от нее, то, повинувшись

какому-то непреодолимому зову, приближался к ней. В таких случаях шаги его становились медленней, неуверенней. Он оборачивался и смотрел на Люкаса. Потом отыскивал глазами машину и злобным взглядом провожал ее. Почем знать, не попытался ли бы он избавиться от Люкаса, не следуй за ними такси? Завлек бы инспектора в какой-нибудь темный уголок, и дело с концом.

Надвигались сумерки, и улицы становились все оживленнее. Тротуары вдоль низких и мрачных домов кишели гуляющими: с самого начала весны обитатели этих кварталов как бы переселяются на улицу. Двери магазинов были распахнуты, окна квартир открыты. От запаха грязи и бедности перехватывало дыхание, кое-где женщины выплескивали помой прямо на мостовую.

Люкас наверняка сдавал, хотя и не показывал этого. Мегрэ решил при первой же возможности подменить его. Комиссару было немножко стыдно, что он следует за ним в такси, как гость, приглашенный на охоту, но следующий за охотниками на автомобиле.

Им все чаще попадались перекрестки, где они побывали уже по несколько раз, и тут неизвестный придумал новую хитрость. Он нырнул в какую-то темную подворотню, и Люкас остановился перед ней. Мегрэ знаком приказал ему не отставать и вдогонку крикнул из машины:

— Осторожно!

Минуту спустя оба вновь выскочили на тротуар. Сомнений не оставалось: в надежде сбить полицейских со следа неизвестный забежал в первый попавшийся дом. К этой уловке он прибег дважды. Во второй раз Люкас нашел его сидящим на верхней площадке лестницы.

Около шести они вновь оказались на перекрестке улиц Вьей-Тампль и Сицилийского Короля. Неизвестный опять заколебался, затем нырнул в улицу, запруженную нищей толпой. По обеим ее сторонам над дверями гостиниц тускло освещивали матовые плафоны. Магазины были узенькие, подворотни упирались в таинственные дворы.

Далеко неизвестный не ушел. Он не пробежал и десяти метров, как щелкнул выстрел, сухой, негромкий, похожий на хлопок лопнувшей шины. Толпа по инерции продвинулась еще на несколько шагов и замерла. Такси — тоже, словно оно от удивления остановилось само по себе. Затем раздался топот бегущего человека: Люкас рванулся вперед. Грохнул второй выстрел.

Разглядеть ничего не удалось — люди в толпе заматались. Мегрэ не знал, цел инспектор или нет. Он выскочил из машины и ринулся к неизвестному. Еще живой, тот сидел на тротуаре, одной рукой опираясь об асфальт, другой держась за грудь. Его голубые глаза с упреком уставились на комиссара.

— Какой ужас! — вскрикнул женский голос. Неизвестный качнулся и рухнул поперек тротуара. Он был мертв.

Люкас вернулся несолоно хлебавши, зато невредимый. Вторая пуля не задела его. Убийца попытался выстрелить в третий раз, но оружие, видимо, дало осечку, Разглядеть его инспектор не успел.

— Опознать не смогу. Сдается только, он брюнет. Толпа невольно помогла убийце скрыться: Люкасу как нарочно все время преграждали дорогу. И теперь сыщиков окружало кольцо осуждающих, почти враждебных лиц. В здешних кварталах люди нюхом чуют полицейских в штатском.

Вскоре к комиссару и Люкасу подоспел постовой, отстранивший любопытных.

— «Скорую помощь»! Но сначала свисток соседним постам, — распорядился Мегрэ и с озабоченным видом проинструктировал Люкаса, которого оставил с полицейскими на месте

происшествия. Потом еще раз взглянул на мертвеца. Комиссару не терпелось обшарить карманы убитого, но какая-то странная стыдливость помешала ему осуществить в присутствии зевак эту слишком откровенную, слишком профессиональную процедуру, которая выглядела бы здесь кощунством, а то и вызовом.

— Осторожно! Остались другие, — тихо бросил он инспектору.

От места происшествия было рукой подать до набережной Орфевр, куда такси и подбросило комиссара. Он быстро поднялся в кабинет начальника, вошел без доклада и объявил:

— Еще один труп. Этого подстрелили, как кролика, прямо на улице, у нас на глазах. Как только тело увезут, Люкас прибудет сюда. Могу я взять человек двадцать? Придется перевести на осадное положение целый квартал.

— Какой?

— Улицу Сицилийского Короля.

Мегрэ прошел в инспекторскую, отобрал нескольких сотрудников и проинструктировал их. Потом заглянул к комиссару, возглавляющему отдел охраны нравственности.

— Можешь одолжить мне инспектора, основательно знающего улицу Сицилийского Короля, улицу Розье и соседние кварталы? Там ведь тоже есть публичные девки?

— Более чем достаточно.

— Через полчаса твоему инспектору вручат фотографию.

— Еще один жмурик?

— К несчастью, да. Но лицо у него не изуродовано.

— Ясно.

— Эти типы прячутся где-то там. Их несколько. Только осторожно: они убийцы.

Затем Мегрэ проследовал в отдел мебелированных комнат, где попросил коллегу о примерно такой же услуге.

Действовать надлежало быстро. Комиссар проверил, отправились ли инспекторы на указанные им посты вокруг квартала. Потом позвонил в Институт судебной медицины.

— Как с фотографиями?

— Через несколько минут присылайте за ними. Тело привезли. С ним работают.

Мегрэ, казалось, что-то забыл. Он стоял, готовый к уходу, и в раздумье потирал подбородок, как вдруг перед его мысленным взором встал следователь Комельо.

— Алло... Добрый вечер, господин следователь. Говорит Мегрэ.

— Ну, что с вашим хозяином маленького кафе, господин комиссар?

— Он действительно содержал маленькое кафе, господин следователь.

— Он опознан?

— Точнее не бывает.

— Расследование продвигается?

— У нас уже новый мертвец.

Мегрэ живо представил себе, как подскочил в кресле следователь.

— Что такое?

— У нас новый мертвец. Только на этот раз из враждебного клана.

— Вы хотите сказать, что его убила полиция?

— Нет, эти господа.

— Какие еще господа?

— По всей видимости, сообщники.

— Они задержаны?

— Нет, господин следователь, — понизил голос Мегрэ. — Боюсь, это потребует труда и

времени. Дело очень, очень серьезное. Они убивают, понятно?

— Я думаю, не будь они убийцами, не было бы и дела вообще.

— Вы не поняли меня. Они убивают с полным хладнокровием, чтобы спастись самим. А это, знаете ли, бывает нечасто, хотя публика и другого мнения. Они без колебаний прикончили одного из своих.

— Зачем?

— Вероятно, затем, что он засветился и мог вывести нас на их логово. А скрываются они в скверном районе, одном из самых скверных в Париже. Он кишит иностранцами вообще без документов или с поддельными.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Следовать рутине, потому что я обязан это сделать — на кону моя репутация. Ночью проведу облаву, хотя она ничего не даст.

— Надеюсь, по крайней мере она не будет стоить новых жертв?

— Я тоже надеюсь.

— В котором часу начнете?

— Как обычно — в два ночи.

— Сегодня у меня бридж. Постараюсь задержаться подольше. Позвоните мне сразу после облавы.

— Слушаюсь, господин следователь.

— А когда вы пришлете мне донесение?

— Как только позволит время. Вероятно, не раньше завтрашнего дня.

— Как ваш бронхит?

— Какой бронхит?

Комиссар начисто забыл о своей болезни, тем более что в кабинете появился Люкас с красной книжечкой в руке. Мегрэ знал, что это такое. Это была профсоюзная карточка на имя Виктора Польенского, по национальности чеха, разнорабочего на заводах Ситроена.

— Адрес, Люкас?

— Набережная Жавель, сто тридцать два.

— Погоди-ка, что-то знакомое. По-моему, это грязная мебелирашка на углу набережной и какой-то улицы. Года два назад мы там уже побывали. Проверь, есть ли в доме телефон.

Да, это была убогая мебелирашка дальше по течению Сены, расположенная в мрачном заводском районе и набитая недавно прибывшими иностранцами, которые, в обход полицейских предписаний, селились порой по несколько человек в одной комнате. Самое удивительное, что заведение принадлежало женщине, несмотря ни на что умело управлявшейся с подобными жильцами. Они даже столовались у нее.

— Алло... Дом сто тридцать два по набережной Жавель?

Хриплый женский голос.

— Польенский у вас? Виктор Польенский? Женщина помолчала, соображая, что ответить.

— А вы кто такой?

— Я его друг.

— Шпик — вот вы кто.

— Ладно, я из полиции. Польенский все еще живет у вас? Имейте в виду, ваши слова будут проверены.

— Не страшайте. Он вот уже полгода как съехал.

— Где он работал?

— У Ситроена.

— Давно он во Франции?

— Откуда мне знать?

— По-французски говорит?

— Нет.

— Долго у вас прожил?

— Месяца три.

— Приятели у него были? В гости кто-нибудь приходил?

— Нет.

— Документы у него были в порядке?

— Наверно, потому как ваш отдел меблированных комнат не имел ко мне претензий.

— Еще один вопрос. Питался он у вас?

— Обычно да.

— По девкам таскался?

— По-вашему, свинья вы этакая, я суюсь в подобные пакости?

Комиссар положил трубку и скомандовал Люкасу:

— Позвони в службу регистрации иностранцев. В делах префектуры полиции на Польенского не оказалось и намека. Иными словами, чех въехал в страну нелегально, как многие до него, как десятки тысяч ему подобных, которыми переполнен трущобный Париж. Естественно, по примеру большинства раздобыл себе поддельное удостоверение личности. В районе улицы Сент-Антуан хватает лавочек, где эту липу продают пачками по твердой цене.

— Созвонись с Ситроеном.

Принесли фотографии убитого, и Мегрэ раздал их инспекторам отдела охраны нравственности и отдела меблированных комнат. А сам поднялся на чердачный этаж, прихватив с собой отпечатки пальцев. Они не сошлись ни с одной дактокартой.

— Мерса нет? — осведомился «комиссар, приоткрыв дверь лаборатории.

Мере не должен был находиться на месте: он работал всю ночь и утро. Но сна ему требовалось немного. Семьи у него нет, подруги, насколько известно, тоже, живет он одной страстью — своей лабораторией.

— Я здесь, шеф.

— Для тебя еще один труп. Но сначала зайдём ко мне. В кабинет комиссара они спустились вместе. Люкас говорил по телефону с бухгалтерией Ситроена.

— Старуха не соврала. Он числился на заводе разнорабочим в течение трех месяцев. В платежной ведомости не фигурирует уже больше полугода.

— Работал хорошо?

— Невыходов мало, но на Ситроене столько народу, что там никто никого не знает. Я спросил, не стоит ли завтра повидаться с мастером участка, где работал чех, — быть может, тот даст более подробные сведения. Мне отсоветовали. Будь это специалист — другое дело. А разнорабочие почти сплошь иностранцы. Нанимаются, увольняются, и никто их не помнит. Несколько сотен их всегда толпятся у ворот в ожидании найма. Работают три дня, три недели, три месяца, потом исчезают. По мере надобности их перебрасывают из цеха в цех.

— Это из его карманов?

На столе комиссара лежал затрепанный бумажник из кожи, бывшей когда-то зеленой, а в нем, кроме профсоюзной карточки, фотографии девушки: лицо круглое, очень свежее, на голове венки тяжелых кос. Без сомнения, чешская крестьянка. И деньги — две бумажки по тысяче франков, три по сто.

— Приличная сумма! — проворчал Мегрэ. Длинный кнопочный нож с тонким, отточенным, как бритва, лезвием...

— Тебе не кажется, что этим ножом вполне могли убить Маленького Альбера?

— Пожалуй, шеф.

Носовой платок, тоже зеленоватый: Виктор Польенский явно любил зеленый цвет.

— Забирай. Вещичка не из аппетитных, но почему знать, может, твои анализы что и покажут.

Пачка сигарет, зажигалка немецкой работы, мелочь. Ключа нет...

— Ты уверен, Люкас, что ключа не было?

— Твердо, шеф.

— Его раздели?

— Еще нет. Ждут Мерса.

— Иди, старина. На этот раз присутствовать не могу — время поджигает. Да гляди не надорвись: тебе ведь до глубокой ночи дела хватит.

— Я свободно продержусь двое суток без сна. Не впервой.

Мегрэ позвонил в кафе «У Маленького Альбера».

— Ничего нового, Эмиль?

— Ничего, шеф. Работаем помаленьку.

— Народу много?

— Меньше, чем утром. На аперитив еще зашли, обедать — никто.

— Твоей жене не разонравилось изображать хозяйку бистро?

— Она в восторге. Произвела в спальне генеральную уборку, сменила простыни, и мы недурно устроимся. А что ваш рыжий?

— Убит.

— Как?!

— Когда ему захотелось вернуться домой, один из его дружков всадил в него пулю.

Еще один заход в инспекторскую. Надо обо всем подумать.

— Что с желтым «Ситроеном»?

— Ничего нового. Однако поступают кое-какие сигналы из района Барбес-Рожешуар.

— Не пренебрегайте. По такому следу стоит пойти. Опять-таки в силу топографических соображений: от бульвара Барбес два шага до Северного вокзала. А Маленький Альбер долго работал официантом в одной из пивных в этой части города.

— Есть хочешь, Люкас? — спросил комиссар.

— Не очень. Могу потерпеть.

— Что скажет жена?

— Ничего не скажет. Надо только позвонить ей и предупредить.

— Давай. Я звоню своей, и ты остаешься со мной. Мегрэ все-таки несколько утомился и предпочитал работать не в одиночку, тем более что ночь обещала быть напряженной. Они зашли в пивную «У дофины», выпить аперитив и, как всегда, простодушно удивились, почему даже теперь, когда розыск идет полным ходом, вокруг них продолжается нормальная жизнь, люди занимаются своими маленькими делами и шутят. Что им до того, что какой-то чех убит на улице Сицилийского Короля? Десятки строк в газетах — и только. А еще через несколько дней они прочтут, что убийца схвачен.

Никто, кроме посвященных, не знал, что готовится облава в одном из наиболее густонаселенных и беспокойных районов Парижа. Вряд ли кто-нибудь замечал и расставленных на всех перекрестках инспекторов, старательно напускавших на себя безразличие. Пожалуй, одни лишь проститутки, жавшиеся по темным углам, откуда они время от времени выныривали на тротуар в надежде подцепить прохожего, растерянно хлопали глазами, узнавая по характерному облику сотрудников службы охраны нравственности: они уже догадывались, что им предстоит провести часть ночи в участке. Впрочем, они привычные — такое случается с

ними по меньшей мере раз в месяц. Если они не больны, к десяти утра их отпустят. Велика важность!

Хозяева мебелированных комнат тоже не любят, когда к ним вваливаются в неурочный час для проверки регистрационных книг. Ну уж книги у них в порядке, всегда в порядке. Им суют под нос фотографию. Хозяева делают вид, что внимательно всматриваются в нее, подчас идут даже за очками.

— Знаете этого субъекта?

— В жизни не видел.

— Чехи у вас проживают?

— Есть поляки, итальянцы, один армянин, а вот чехов нет.

— Ладно.

Рутину! Инспектор на бульваре Барбес, у которого одно задание — желтая машина, опрашивает содержателей гаражей, механиков, постовых, торговцев, привратниц.

Рутину! На Шаратонской набережной Шеврие с женой играют роль владельцев бара и сейчас, закрыв ставни, наверняка болтают у пузатой печки, а потом мирно улягутся в постель Альбера и косоглазой Нины. Вот кого еще нужно разыскать. Что с ней? Известно ли ей, что муж убит? Если да, почему она не явилась опознать труп после опубликования фото в газетах? Другие могли его и не опознать, но она?.. Что если убийцы увезли ее с собой? Ее ведь не было в желтой машине, которая доставила тело на площадь Согласия.

— Голову на отсечение даю, что в один прекрасный день мы обнаружим ее где-нибудь в деревне, — пробормотал Мегрэ, вслух заканчивая свои размышления.

— Просто диву даешься, сколько людей, чуть дело запахло жареным, испытывают потребность подышать деревенским воздухом, чаще всего в какой-нибудь спокойной гостинице с хорошим столом и добрым кларетом.

— Берем такси?

Это, конечно, сулит объяснение с кассиром, который с раздражающим упорством обкарнывает счета на оперативные расходы и вечно твердит: «Но я же не разъезжаю на такси!» Но уж лучше нервотрепка, чем переть через Новый мост и ждать автобуса.

— Мобежская улица, «Циферблат».

Отличная пивная, вполне во вкусе Мегрэ: еще не модернизирована, по стенам классический круг зеркал, темно-красные молескиновые банкетки, светлые мраморные столики, там и сям никелированные шары для тряпок. Вкусный запах пива и кислой капусты. Правда, всегда чуточку многовато слишком торопливых, обремененных багажом посетителей, которые пьют и едят наспех, нетерпеливо окликают официанта и не сводят глаз с больших светящихся часов на здании вокзала. Внешность хозяина, который занимает позицию возле кассы, зорко, но с достоинством наблюдая за происходящим, тоже отвечает традиции: маленький, упитанный, лысый; костюм просторный, на легких полуботиночках ни пылинки.

— Две порции сосисок с капустой, две кружки пива и позовите, пожалуйста, хозяина.

— Желаете поговорить с мсье Жаном?

— Да.

Бывший официант или метрдотель, обзаведшийся в конце концов собственным делом?

— Чем могу служить?

— Мы хотели бы получить справку. У вас здесь работал некий Альбер Рошен, по прозвищу, если не ошибаюсь, Маленький Альбер?

— Слышал о таком.

— Но сами его не знали?

— Я перекупил это заведение три года назад. Тогдашняя кассирша знавала Альбера.

— Вы хотите сказать, что больше она здесь не служит?

— Она умерла в прошлом году, просидев сорок с лишним лет на этом месте.

И хозяин указал на кассу в полукабине из лакированного дерева, где восседала белокурая особа лет тридцати.

— А официанты?

— Был у нас один старик, Эрнест, но с тех пор вышел на пенсию и вернулся в родные края

— куда-то в Дордонь, насколько помнится.

Хозяин стоял, глядя, как оба клиента поедают сосиски с капустой, но замечал каждую мелочь вокруг.

— Жюль! Номер двадцать четвертый...

Он улыбнулся вслед уходящему посетителю.

— Франсуа! Вещи мадам...

— Прежний владелец жив?

— Чувствует себя лучше, чем вы и я.

— Не знаете, где можно с ним повидаться?

— У него дома, разумеется. Иногда он навещает меня. Скучает, твердит, что не прочь бы снова заняться коммерцией.

— Адрес не дадите?

— Вы из полиции? — без обиняков поинтересовался хозяин.

— Я комиссар Мегрэ.

— Прошу прощения. Номер дома я не помню, а как туда добраться — пожалуйста: он несколько раз приглашал меня к завтраку. В Жуэнвиле бывали? Представляете себе остров Любви, чуть дальше моста? Он живет не на острове, а на вилле, прямо против стрелки. На другом берегу лодочная стоянка. Вы ее сразу увидите.

В половине девятого такси остановилось у виллы. На белой мраморной доске с резной надписью печатными буквами «Гнездышко» была изображена сидящая на краю гнезда тропическая птица или нечто, долженствующее изображать таковую.

— Пришлось ему побегать, прежде чем он откопал дачку с таким названием! — заметил Мегрэ, нажимая на звонок. Дело в том, что фамилия бывшего хозяина «Циферблата» была под стать наименованию виллы — его звали Луазо, Дезире Луазо^[1]. — Вот увидишь: он с Севера и угостит нас старым джином.

Визит оказался удачным. Первым делом они увидели маленькую розовую толстушку-блондинку, на которую надо было смотреть вблизи, чтобы разглядеть мелкие морщинки под толстым слоем пудры.

— Мсье Луазо! — позвала она. — К вам пришли. Однако это оказалась не служанка, а сама г-жа Луазо, Она провела гостей в пахнущую лаком гостиную.

Луазо, как и мсье Жан, был толст, зато шире в плечах и выше, чем Мегрэ, что не мешало ему двигаться с ловкостью танцовщика.

— Присаживайтесь, господин комиссар. И вы, господин...

— Инспектор Люкас.

— Скажите на милость! В школе я знал одного парнишку с такой же фамилией. Вы не бельгиец, инспектор? А я из тех краев. Это чувствуется, верно? Ну и что? Я этого не стыжусь — что тут зазорного? Милочка, дай нам чего-нибудь выпить.

Подали по стопке джина.

— Альбер? Разумеется, помню. Парень с севера, как и я. По-моему, мать у него тоже была бельгийка. Я очень жалел о его уходе. Понимаете, в нашем деле самое важное — приветливость. Люди, которые ходят в кафе, любят видеть улыбающиеся лица. Был у меня, к примеру, один

официант, честнейший человек, отец кучи детей. Закажет клиент содовую, виши или что-нибудь еще безалкогольное, а он наклоняется и шепотом спрашивает: «У вас тоже язва?» Он прямо-таки жил своей язвой, говорил только о ней, и мне пришлось от него избавиться, потому что, когда он подходил к столику, посетители пересаживались за другой. С Альбером все было наоборот. Он вечно балагурил, напевал, шляпу носил так, словно жонглирует ею для забавы. Любой пустяк вроде: «Хорошая сегодня погодка!» — умел как-то по-особенному сказать.

— Он ушел от вас, потому что открыл собственное дело?

— Да, где-то в Шарантоне.

— Получил наследство?

— Не думаю: он бы мне сказал. По-моему, просто удачно женился.

— Перед уходом от вас?

— Чуть раньше.

— Вас не пригласили на свадьбу?

— Я обязательно был бы приглашен, если бы она состоялась в Париже: мои служащие для меня все равно что члены семьи. Но Альбер со своей невестой уехали венчаться в провинцию, не помню уж куда.

— И не можете припомнить?

— Нет. Признаюсь честно: все, что за Луарой, для меня уже юг.

— Жену его знали?

— Как-то он привел и представил мне ее. Брюнетка, не слишком интересная.

— Она косила?

— Да, глаза у нее были с косинкой. Но это не отталкивало. Одних косоглазие уродует, других не очень портит.

— Девичьей фамилии ее не знаете?

— Нет. Помню только, что она была его родственница — кузина или что-то в том же духе. Альбер посмеивался: «Раз все равно приходится жениться, почему не взять ту, кого знаешь?» Не умел он обойтись без шуточки! Песенки исполнял тоже неподражаемо, и многие клиенты всерьез уверяли, что он бы мог зарабатывать на жизнь, выступая в мюзик-холлах. Еще рюмочку?.. А у меня здесь, сами видите, тихо, слишком даже тихо, и не исключено, что рано или поздно я вернусь к своей профессии. Одна беда: такие служащие, как Альбер, редко попадают. А вы его знаете? Как он? Процветает?

Мегрэ предпочел не сообщать о смерти Альбера: он предвидел добрый час охов и вздохов.

— Не знаете, были у него близкие друзья?

— Да он со всеми дружил.

— Никто, допустим, не заходил за ним после работы?

— Нет. Он был завсегдаем скачек. Часто устраивался так, чтобы освободиться ко второй половине дня. Но проявлял осторожность. Денег у меня никогда не занимал. Играл по своим возможностям. Если увидите его, передайте, что я...

Г-жа Луазо, ни разу не раскрывавшая рот с самого появления мужа, по-прежнему улыбалась, как восковая фигура в витрине парикмахера.

Еще стаканчик? Охотно, тем более что джин недурен. А теперь в дорогу. Во время облавы улыбаться уже не придется.

На перекрестке улиц Риволи и Вьей-дю-Тампль остановились два крытых грузовика, и в свете уличных фонарей на мгновение засверкали посеребренные пуговицы полицейских. Наряды разошлись по указанным местам, перекрыв улицы, где уже дежурили инспекторы уголовной полиции. Вслед за грузовиками подкатили и встали рядом арестантские фургоны. Полицейский офицер на углу улицы Сицилийского Короля вперился в наручные часы. Прохожие на улице Сент-Антуан оборачивались и ускоряли шаг. В оцепленном районе еще светились отдельные окна, тусклые лампы у входа в меблированные пансионы, фонарь публичного дома на улице Розье.

Полицейский офицер, не отрывая глаз от хронометра, отсчитывал последние секунды; рядом, засунув руки в карманы, безразличный ко всему, а может быть, чуточку сконфуженный, стоял Мегрэ и смотрел в сторону. Сорок... Пятьдесят... Шестьдесят... Два пронзительных свистка, на которые тут же отозвались другие. Полицейские в форме цепью двинулись по улицам, инспекторы начали обход подозрительных гостиниц.

Как всегда в таких случаях, повсюду распахнулись окна, и в черных прямоугольниках забелели фигуры, встревоженно или раздраженно высовывавшиеся наружу. Послышались первые голоса. Один из полицейских уже подталкивал к машине девицу, выловленную в подворотне и поливавшую его непристойностями. Там и сям раздавались торопливые шаги: люди пробовали удрать и бросались в темные переулки, но напрасно, потому что наталкивались в них на новые полицейские кордоны.

— Документы!

Вспышки карманных фонариков озаряли подозрительные физиономии, засаленные паспорта и удостоверения личности. В окнах маячили старожилы квартала, давно приученные к тому, что в такие ночи долго не удастся заснуть, и наблюдавшие за облавой, как за спектаклем.

Самая крупная дичь была уже поймана. Эти не стали дожидаться облавы, которую почуяли с той минуты, когда в квартале убили человека. С наступлением ночи вдоль стен заскользили тени, но субъекты со старыми чемоданами или странными узлами в руках неизменно наталкивались на инспекторов Мегрэ. Среди этой публики попадались всякие: сутенеры, лица, лишенные права проживания в Париже, обладатели фальшивых документов — как правило, итальянцы и поляки без въездной визы.

— Куда направляешься?

— Переезжаю.

— Почему?

О, эти боязливые или налитые злобой глаза в темноте!

— Нашел работу.

— Где?

Кое-кто сочинял насчет сестры, проживающей на севере или под Тулузой.

— В машину!

Арестантский фургон. Ночь в участке и проверка личности. В большинстве случаев голь перекатная с замаранным прошлым.

— До сих пор ни одного чеха, шеф, — доложили Мегрэ, который не двигался с места, мрачно посасывая трубку, глядя на мечущиеся тени и слушая крики, топот бегущих, иногда глухие звуки ударов кулаком по лицу.

Больше всего суетни было в меблирашках. Хозяева наспех натягивали брюки и угрюмо ждали в своих конторах; чаще всего они и ночевали там на раскладушках. Кое-кто из них

пытался поднести стаканчик полицейским, дежурившим в коридоре, в то время как инспекторы тяжелыми шагами поднимались на верхние этажи. Вот тут разом оживали и приходили в движение все зловонные клеточки дома. Сотрясалась от ударов первая дверь.

— Откройте! Полиция!

Заспанные мужчины и женщины в одних рубашках, бледные лица, испуганные, подчас бегающие глаза.

— Документы!

Все так же босиком, постояльцы доставали бумаги из-под подушки или из ящика комода; порой им приходилось перерывать облезлые старомодные чемоданы, привезенные с другого конца Европы.

В гостинице «Золотой лев» на кровати, не доставая ногами до пола, сидел совершенно голый мужчина: его партнерша-проститутка предъявила свой регистрационный билет.

— А ты?

Мужчина тарасился на инспектора, явно ничего не понимая.

— Паспорт?

Мужчина не шелохнулся. Тело его, поросшее густыми черными волосами, казалось из-за этого особенно белым. Соседи по лестничной площадке со смехом глядели на него.

— Кто он? — осведомился инспектор у девицы.

— Не знаю.

— Он тебе ничего не говорил?

— Да он слова по-французски сказать не может.

— Где ты его подцепила?

— На улице.

В предварилку! Мужчине сунули в руки его одежду. Знаком показали: «Одеваться!» Он долго не понимал, пытался спорить, чего-то требовал от своей дамы — очевидно, деньги назад. Не исключено, что он только нынче вечером приехал во Францию и теперь проведет остаток ночи на набережной Орлож!

Распахивались двери обшарпанных комнат, откуда несло уже не только миазмами, подпитывавшими все заведение, но и запахом жильцов — где недельным, где суточным.

У арестантских фургонов теснилось человек по пятнадцать — двадцать. Девиц поодиночке подсаживали туда, те, что попривычней, перешучивались с полицейскими. Иные плакали. Некоторые для забавы сопровождали реплики похабными жестами. Мужчины сжимали кулаки. Среди них выделялся молоденький бритоголовый блондин, у которого не оказалось документов, зато был револьвер.

Однако и в гостиницах, и на улице происходила лишь первичная сортировка. Настоящая работа начнется в предварилке — может быть, еще ночью, может быть, с утра.

— Документы!

Больше всего нервничали держатели мебелишек — они рисковали своими лицензиями. Нарушения обнаруживались у каждого: у всех до одного были незарегистрированные постояльцы.

— Вы же знаете, господин инспектор, я всегда соблюдаю порядок, но если клиент появляется в полночь, когда все уже спят...

В «Золотом льве», молочный плафон которого светился ближе всего от Мегрэ, запахнулось окно. Раздался свисток. Комиссар шагнул вперед, поднял голову.

— В чем дело?

Совсем еще юный инспектор, как нарочно оказавшийся наверху, пролепетал:

— Вам, по-моему, лучше подняться самому.

Мегрэ взбирался по узкой лестнице, Люкас — впритирку за ним. Одной рукой комиссар держался за перила, другой — за стену. Ступеньки скрипели. Подобные дома, эти питомники для вшей и блох со всех концов мира, следовало бы снести или, еще лучше, сжечь ее не десятилетия, а еще целый век тому назад.

Номер находился на третьем этаже. Дверь была распахнута, лампа без абажура, до того тусклая, что нить накаливания казалась желтой, освещала пустую комнату, где стояли две железные кровати, одна из них — неразобранная. На полу валялись матрац и жидкие одеяла серой шерсти; на стуле висел пиджак; на столе стояли спиртовка, нехитрая еда, пустые литровые бутылки.

— Сюда, шеф.

Сквозь раскрытую дверь в смежную комнату Мегрэ увидел лежащую женщину, чьи великолепные огненно-черные глаза с ненавистью уставились на него с подушки.

— Это еще что такое? — изумился он. Ему случалось встречать выразительные лица, по столь дикое никогда.

— Вы только полюбуйтесь на нее! — пожаловался инспектор. — Я велю ей встать, говорю с ней, а она даже не дает себе труда ответить. Я подхожу к постели, пробую тряхнуть ее за плечи, и, пожалуйста, она прокусывает мне палец.

Инспектор показал пострадавшую руку, но женщина не улыбнулась. Напротив, лицо ее исказилось, словно от нестерпимой боли.

— Да она же рождает! — нахмурился, рывкнул Мегрэ, наблюдавший за постелью, и повернулся к Люкасу. — Звони в «скорую». Эту — в родилку. Хозяина — ко мне.

Юный инспектор, залившись краской, отводил глаза от постели. Потолок дрожал — на других этажах продолжалась охота.

— Не хочешь говорить? Или не понимаешь по-французски? — спросил Мегрэ у женщины.

Она по-прежнему смотрела на него, и угадать, что у нее на уме, было невозможно. Лицо ее выражало одно чувство — беспредельную ненависть. Она была молода, безусловно моложе двадцати пяти, и ее длинные шелковистые черные волосы обрамляли круглое свежее лицо. На лестнице послышались прерывистые шаги. В дверном проеме нерешительно остановился хозяин.

— Кто она?

— Зовут Марией...

— А дальше как?

— По-моему, другого имени у нее нет.

Внезапно Мегрэ охватил гнев, за который ему тут же стало стыдно. Он вытащил из-под кровати мужской ботинок, швырнул его под ноги содержателю заведения и заорал:

— А это? Это тоже никак не называется? А это?.. А это?..

Он выволок из стенного шкафа пиджак, грязную рубашку, другой ботинок, кепку. Выскочил в соседнюю комнату, указал на два чемодана в углу:

— А это?

Потом на кусок сыра в пергаментной бумаге, четыре стакана, рюмки и остатки колбасы.

— Выходит, все, кто жил у тебя, зарегистрированы в твоей книге? А? Отвечай! И прежде всего — сколько их было?

— Не знаю.

— Эта женщина говорит по-французски?

— Не знаю... Нет. Понимает отдельные слова.

— Давно она здесь?

— Не знаю.

На шею у хозяина безобразно вздулся синеватый фурункул, вид был нездоровый, волосы редкие. Подтяжки пристегнуть он не успел, брюки сползли с бедер, и он поддерживал их руками.

— Когда это началось? — указал Мегрэ на кровать.

— Меня не предупредили.

— Врешь!.. А где остальные?

— Наверно, съехали.

— Когда? — стиснув кулаки, неумолимо наседал Мегрэ. В эту минуту он способен был даже ударить. — Сознайся, они удрали сразу же, как только пристрелили того типа на улице. Оказались хитрей остальных. Не стали дожидаться, пока полиция оцепит квартал.

Хозяин не поднимал глаз.

— Взгляни на карточку и не отрицай, что знаешь его, — комиссар сунул ему под нос фотографию Виктора Польенского. — Ну, знаешь?

— Да.

— Он жил в этой комнате?

— Рядом.

— Вместе с остальными? А кто спал с этой женщиной?

— Клянусь вам, мне известно одно — их было несколько.

Вернулся Люкас. Почти одновременно с ним на улице завывала сирена «скорой помощи». Женщина вскрикнула от боли, но тут же прикусила губу и с вызовом посмотрела на мужчин.

— Слушай, Люкас, я побуду тут. Поезжай с ней. Не оставляй ее. Я хочу сказать: не отлучайся в больнице из коридора. Я попытаюсь добыть переводчика с чешского.

Другие задержанные жильцы тяжело спускались по лестнице, наталкиваясь на санитаров с носилками. В тусклом свете все это казалось какой-то фантазмагорией, походило на кошмар, но кошмар, воняющий немытым телом и потом. Санитары захопотали вокруг роженицы, и Мегрэ счел за благо отойти в сторону.

— Куда ты ее? — поинтересовался он у Люкаса.

— К Лаэннеку. Я обзвонил три больницы, прежде чем нашел свободное место.

Содержатель гостиницы, не смея шелохнуться, уныло смотрел в пол.

— Останься и закрой дверь, — приказал Мегрэ, когда плацдарм очистился. — А теперь рассказывай.

— Клянусь, я мало что знаю.

— Вечером к тебе приходил комиссар, показывал фотографию. Так?

— Так.

— Ты заявил, что не знаешь этого типа.

— Прощу прощения! Я ответил, что он не из моих клиентов.

— Как так?

— Ни он, ни женщина не зарегистрировались. Комнаты снял на свое имя другой.

— Давно?

— Месяцев пять будет.

— Как его зовут?

— Сергей Мадош.

— Это главарь?

— Какой главарь?

— Прими добрый совет: не строй из себя идиота, иначе мы продолжил разговор в другом месте, и завтра же твою лавочку прикроют. Ясно?

— Я никогда не нарушал порядок.

— Кроме нынешнего вечера. Рассказывай о своем Сергее Мадоше. Он чех?

— Так написано в его документе. Все они говорили на одном языке. Но это не польский: с поляками я имел дело.

— Возраст?

— Лет тридцать. Сперва он говорил, что работает на заводе.

— Действительно работал?

— Нет.

— Откуда знаешь?

— Он же целыми днями дома торчал.

— А остальные?

— Тоже. Выходил на улицу всегда кто-нибудь один, чаще всего женщина, делавшая все покупки на улице Сент-Антуан.

— Чем же они занимались с утра до вечера?

— Ничем. Спали, ели, пили, дулись в карты. Вели себя довольно смирно. Время от времени пели, но ночью — никогда, и мне было не на что жаловаться.

— Сколько их было?

— Четверо мужчин и Мария.

— И все четверо спали с ней?

— Не знаю.

— Врешь. Говори.

— Между ними что-то происходило, но что — толком не понимаю. Им случалось ссориться — по-моему, из-за Марии.

— Кто был за главного?

— Похоже, тот, кого звали Карелом. Слышал я и фамилию, но не запомнил да и выговорить-то никогда не мог — на ней язык сломаешь.

— Минутку. — Мегрэ вытащил из кармана блокнот, какой бывает у прачек, и, словно школьник, помусолил карандаш. — Итак, женщина, которую ты называешь Марией. Потом Карел. Потом Сергей Мадощ, на чье имя сняты комнаты. И покойный Виктор Польенский. Это все?

— Еще мальчишка.

— Что за мальчишка?

— Думаю, брат Марии. Во всяком случае, похож на нее. Они всегда называли его Петром — сам слышал. Лет ему шестнадцать — семнадцать.

— Тоже не работал?

Хозяин покачал головой. Он был без пиджака, и его пробирала дрожь, потому что Мегрэ распахнул окно в надежде проветрить комнату, хотя воздух на улице был почти таким же зловонным, как в гостинице.

— Никто из них не работал.

— Но ведь они много тратили, — удивился Мегрэ, указав на угол, где громоздились пустые бутылки, в том числе из-под шампанского.

— По меркам нашего квартала — много. Но смотря когда. В иные периоды им приходилось затягивать пояс. Это легко было заметить. Если мальчишка по несколько раз в день выносит и продает пустые бутылки, значит, они сидят на мели.

— Кто-нибудь их навещал?

— Вероятно.

— Хочешь продолжить разговор на набережной Орфевр?

— Нет. Я скажу все, что знаю. Несколько раз к ним приходил один человек.

— Кто?

— Какой-то хорошо одетый господин.

— Он поднимался в номер? Что говорил, проходя через твою контору?

— Ни слова. Наверняка знал, на каком они этаже. Просто проходил.

— Это все?

Сумятица на улицах постепенно улеглась. Свет в окнах погас. Слышались лишь шаги полицейских, заканчивавших обход последних домов.

Полицейский офицер поднялся по лестнице.

— Жду ваших распоряжений, господин комиссар. Все сделано. Оба фургона полны.

— Отправляйте. И пришлите сюда двух моих инспекторов.

— Мне холодно, — заныл хозяин гостиницы.

— А мне жарко, — отрезал Мегрэ, не снявший пальто только потому, что не решился положить его куда-нибудь в такой грязной дыре. — Ты больше нигде не встречал человека, приходившего к ним? Портрета его в газетах тоже не видел? Не этот?

Комиссар предъявил фотографию Маленького Альбера, которую всюду таскал с собой.

— Ничего похожего. Тот был красивый элегантный мужчина с черными усиками.

— Возраст?

— Лет тридцать пять. На пальце золотой перстень с печаткой.

— Француз? Чех?

— Наверняка не француз. Он говорил с ними на их языке.

— Ты подслушивал?

— Случалось. Предпочитаю, понимаете, знать, что происходит у меня в доме.

— Тем более что быстро во всем разобрался.

— В чем я разобрался?

— Ты что, за идиота меня принимаешь? Чем могут заниматься типы, которые отсиживаются в таком клоповнике и не ищут работы? На что живут? Отвечай.

— Это меня не касается.

— Сколько раз они отлучались все вместе? Хозяин покраснел, заколебался, но взгляд Мегрэ быстро расположил его к откровенности.

— Раза четыре-пять.

— Подолгу? На ночь?

— Как вы узнали, что они отлучались на ночь? Да, обычно на ночь. Правда, один раз пропадали двое суток, и я уже подумал, что они вообще не вернутся.

— Подумал, что их взяли, так ведь?

— Пожалуй.

— Сколько они давали тебе по возвращении?

— Сколько положено за номер.

— С одного человека? Зарегистрирован-то был всего один.

— Чуть больше, чем с одного.

— Сколько? Не забывай, приятель: я могу упечь тебя за соучастие.

— Однажды они заплатили мне пятьсот франков. Другой раз — две тысячи.

— А потом принимались гулять?

— Да. Кучами закупали провизию.

— Кто дежурил?

Теперь содержатель смутился настолько явственно, что машинально посмотрел на дверь.

— У твоей лавочки два выхода?

— Если пойти дворами и перемахнуть через две стены, попадаешь на улицу Вьей-дю-

Тампль.

— Так кто дежурил?

— На улице?

— Да, на улице. И, похоже, еще один всегда торчал у окна. Когда Мадош снимал номер, он наверняка потребовал такой, чтобы комнаты выходили на улицу?

— Верно. И один из них все время отирался на улице. Они сменяли друг друга.

— Еще подробность: кто из них грозился прикончить тебя, если ты будешь болтать?

— Карел.

— Когда?

— Сразу же после их первой ночной отлучки.

— Почему ты решил, что угроза серьезна, что эти люди способны на убийство?

— Я зашел в комнату. Я часто обхожу номера, делая вид, что проверяю, исправно ли электричество, сменили простыни или нет.

— Их часто меняют?

— Каждый месяц... Я застал женщину, когда она стирала в тазу рубашку, и сразу увидел, что та в крови.

— Чью рубашку?

— Кого-то из мужчин.

На лестничной площадке два инспектора ожидали приказов Мегрэ.

— Один из вас позвонит Мерсу. Сейчас он, наверно, уже спит, если только не заканчивает работу. Не окажется его на Набережной — звоните домой. Пусть летит сюда со своими причиндалами.

Не обращая больше внимания на хозяина, Мегрэ расхаживал по обеим комнатам, то открывая шкаф, то выдвигая ящик комода, то вороша ногой кучу грязного белья. Обои на стенах выцвели и местами отклеились. Черные кровати были нищенски убоги, одеяла — удручающе серого казарменного цвета. Всюду царил беспорядок. Удирая впопыхах, постояльцы захватили с собой самое ценное, но из боязни привлечь к себе внимание не решились взять ничего громоздкого.

— Они смотались сразу после выстрела? — уточнил Мегрэ.

— Сразу же.

— Ушли через подъезд?

— Нет, дворами.

— Кто был в тот момент на улице?

— Виктор, естественно. Еще Сергей Мадош.

— Кого вызывали к телефону?

— Откуда вы знаете, что им звонили?

— Отвечай.

— Звонили около половины пятого. Это точно. Голос я не узнал, но говорил человек, понимающий по-ихнему.

Сказал только, кого ему нужно, — Карела. Я позвал. До сих пор вижу, как он, взбешенный, стоит у меня в конторе и отчаянно жестикулирует. В трубку он орал... Потом поднялся к себе, стал опять ругаться и шуметь; потом сразу вслед за этим вниз спустился Мадош.

— Выходит, это Мадош пристрелил своего дружка?

— Очень похоже.

— Они не пытались увести с собой женщину?

— Я заговорил с ними о ней, когда они шли по коридору. Я догадывался, что все это пахнет для меня неприятностями, и радовался, что они исчезнут. Но я не знал, что ей вот-вот рожать.

Поднялся в номер, сказал, чтобы она уходила вместе с остальными. Она лежала и спокойно поглядывала на меня. Понимаете, она знает по-французски лучше, чем нам кажется. Она не дала себе труда ответить, но тут у нее начались схватки, и я сообразил, в чем дело.

— Дождешься Мерса, мальш, — приказал Мегрэ оставшемуся с ним инспектору. — В номер не впускать никого, особенно эту обезьяну. Оружие с собой?

Инспектор похлопал себя по оттопыренному карману пиджака.

— Пусть Мере для начала займется отпечатками. Потом унесет все, что может дать информацию. Бумаг нам здесь, разумеется, никаких не оставили. Я проверил.

Старые носки, кальсоны, губная гармоника, ящичек с иголками и нитками, одежда, несколько карточных колод, резные деревянные фигурки...

Комиссар сошел вниз по лестнице, пропустив вперед содержателя гостиницы. Помещение, именовавшееся конторой, представляло собой плохо освещенную комнатку без всякой вентиляции, где стояли раскладушка и стол со спиртовкой и остатками еды.

— Полагаю, ты не записал даты отлучек этой публики?

Хозяин поспешил дать отрицательный ответ.

— Так я и думал. Не беда. До утра у тебя хватит времени вспомнить. Слышишь? Утром я приеду сюда или пошлю за тобой, и тебя доставят ко мне в кабинет. Вот тогда мне потребуются даты, слышишь, точные даты. В противном случае, к вящему сожалению, ты сядешь.

— А если они вернутся, вы... вы разрешаете мне воспользоваться своим револьвером? — запинаясь, выдавил хозяин.

— А, сообразил, что знаешь слишком много и что им может прийти в голову убрать тебя так же, как Виктора?

— Мне страшно.

— Поставим агента на улице.

— А если они проберутся дворами?

— Я подумал и об этом. Поставлю другого на улице Вьей-дю-Тампль.

Улицы были безлюдны, и после сумятицы последних часов тишина воспринималась особенно остро. Никаких следов облавы. Свет в окнах погас. Спали все, кроме тех, кого увезли в предварилку, Марии, рожавшей сейчас в больнице, и Люкаса, караулившего у дверей ее палаты. Комиссар выставил, как обещал, двух человек у «Золотого льва», тщательно их проинструктировал и довольно долго прождал такси на улице Риволи. Ночь была ясная и прохладная. Сев в машину, Мегрэ заколебался. Правда, эту ночь он совсем не спал, но разве ему не удалось отдохнуть целых трое суток во время своего пресловутого бронхита? И разве спит Мере, хотя сейчас уже четыре?

— Какое-нибудь заведение еще открыто? — спросил Мегрэ шофера.

Ему внезапно захотелось есть. И есть, и пить. Он представил себе кружку пива с серебристой пеной, и у него потекли слюнки.

— Кроме ночных кабаков, могу предложить только «Купол» да маленькие бары у Центрального рынка.

Комиссар это знал. И зачем он только задал свой вопрос?

— В «Купол».

Большой зал был заперт, но бар еще работал — там клевало носом несколько завсегдатаев. Комиссар взял два великолепных сэндвича с ветчиной, опорожнил почти одну за другой три кружки пива. Такси он не отпустил. Было четыре утра.

— Набережная Орфевр, — бросил он шоферу, но по дороге передумал:

— Поезжайте-ка лучше на набережную Орлож.

Все его подопечные уже были там, в доме предварительного заключения, и запах в нем напоминал ароматы улицы Сицилийского Короля. Мужчин и женщин разместили порознь, вперемежку с клошарами, пьяницами и проститутками, задержанными за ночь в Париже. Одни спали вповалку на полу. Другие, кто по привычке, разулись и растирали натруженные ноги. Женщины через решетку перешучивались с надзирателями, и порой одна из них вызывающе задирала юбку до пупа.

Полицейские играли в карты вокруг печки, на которой варился кофе. Инспекторы ждали распоряжений Мегрэ. Тщательная проверка документов задержанных, после которой последних отправят наверх, где разденут донага для медицинского осмотра и антропометрических обмеров, теоретически должна была начаться в восемь утра.

— Принимайтесь за дело, ребята. Возню с бумагами предоставьте дежурному комиссару. Я хочу, чтобы вы одного за другим допросили всех задержанных на улице Сицилийского Короля. Особенно тех, кто живет в гостинице «Золотой лев», если такие имеются...

— Одна женщина, двое мужчин.

— Прекрасно. Вытяните из них все, что им известно о чехах и Марии.

Комиссар кратко описал членов банды, и инспекторы уселись каждый за отдельный стол. Начался допрос, которому предстояло занять весь остаток ночи, а Мегрэ, на ощупь отыскивая выключатели, проследовал темными коридорами через весь Дворец правосудия к себе в кабинет.

Встретил его Жозеф, ночной служитель, и комиссар обрадовался, вновь увидев его доброе лицо. В инспекторской, где горел свет, зазвонил телефон. Мегрэ вошел. Боден, стоявший у аппарата, сказал:

— Передаю трубку. Он как раз вернулся. Звонил Люкас, сообщивший, что Мария только что родила мальчика весом в девять фунтов. Когда сестра выносила младенца из палаты, чтобы обмыть его, чешка пыталась соскочить с постели.

Выбравшись из такси на Севрской улице напротив больницы Лаэннека, Мегрэ увидел лимузин с дипломатическим номером. У подъезда ждал высокий тощий человек, одетый до уныния изысканно и с такими безупречно отрепетированными жестами, с таким непогрешимым выражением лица, что хотелось не столько слушать медленно цедимые им слова, сколько любоваться им, как картиной. К тому же это был не секретарь чехословацкого посольства, пусть даже последний по рангу, а всего-навсего простой сотрудник канцелярии.

— Его превосходительство поручил мне... — начал он. Мегрэ, для которого последние часы оказались едва ли не самыми напряженными в жизни, ограничился тем, что пробурчал, увлекая за собой встречавшего:

— Пошли.

Правда, поднимаясь по больничной лестнице, он обернулся и задал спутнику вопрос, от которого тот чуть не подскочил:

— Вы хоть по-чешски-то говорите?

В коридоре, облокотясь на подоконник и глядя в сад, стоял Люкас. Утро было дождливое, пасмурное. Инспектора просили не курить, и теперь он со вздохом указал Мегрэ на его трубку:

— Вас заставят погасить ее, шеф.

Им пришлось подождать, пока к ним выйдет сестра. Она оказалась женщиной в годах, совершенно нечувствительной к известности Мегрэ — видимо, не любила полицию.

— Ее нельзя утомлять. Когда я подам знак, что пора уходить, прошу не задерживаться.

Мегрэ пожал плечами и первым вошел в маленькую белую палату, где Мария, казалось, дремала, а ее малыш посапывал в колыбели рядом с койкой. Однако, несмотря на полуприкрытые веки, женщина настороженно следила за каждым движением обоих мужчин. Она осунулась, но была так же красива, как ночью на улице Сицилийского Короля. Волосы ей заплели в толстые косы, уложив их вокруг головы.

— Спросите, как ее зовут, — обратился Мегрэ к чеху, кладя шляпу на стул, и выждал, хотя не питал особых надежд на успех. Женщина действительно ограничилась ненавидящим взглядом, который бросила на человека, заговорившего с ней на родном языке.

— Она не отвечает, — развел руками переводчик. — Насколько могу судить, это не чешка, а словачка. Я обратился к ней на обоих языках, и, когда заговорил по-словацки, она вздрогнула.

— Втолкните ей, что я настоятельно советую отвечать на мои вопросы, иначе, невзирая на ее состояние, она будет сегодня же препровождена в больницу при тюрьме Санте.

Чех напыжился с видом джентльмена, оскорбленного в лучших чувствах; сестра, расхаживавшая по палате, уронила, словно в пространство:

— Хотела бы я посмотреть, как это получится! — И ту же адресовалась к Мегрэ:

— Разве вы не прочли внизу под лестницей, что у нас запрещено курить?

Комиссар с неожиданным смирением вынул трубку изо рта и дал ей погаснуть. Мария произнесла наконец несколько слов.

— Переведите, пожалуйста.

— Она отвечает, что ей все равно и что она всех нас ненавидит. Я не ошибся: она словацкая крестьянка, вероятно с юга.

Переводчик сообщил это с видимым облегчением. Достоинство его, чистокровного чеха-пражанина, больше не стояло на карте: речь шла лишь о словацкой крестьянке.

Мегрэ вытащил свой черный блокнот.

— Спросите, где она была в ночь с двенадцатого на тринадцатое октября прошлого года?

На этот раз удар попал в цель. Глаза Марии помрачнели и впелись в комиссара, но с губ все-таки не сорвалось ни звука.

— Тот же вопрос применительно к ночи с восьмого на девятое декабря.

Мария заволновалась. Грудь ее начала вздыматься. Она невольно потянулась к колыбели, словно для того, чтобы схватить ребенка и защищать его. Это был зверь, великолепная самка. Одна лишь сестра милосердия не понимала, что перед ней существо иной породы, и продолжала видеть в ней обыкновенную женщину да еще роженицу.

— Скоро вы кончите задавать ей глупые вопросы?

— В таком случае я задам другой, который, возможно, заставит вас изменить свое мнение, мадам. Или мадмуазель?

— Мадмуазель, с вашего позволения.

— Так я и предполагал. Переводите, пожалуйста, сударь.

В ночь с восьмого на девятое декабря на одной пикардийской ферме в окрестностях Сен-Жиль-де-Водрез зверски зарубили топором целую семью. В ночь с двенадцатого на тринадцатое октября двое стариков крестьян, муж и жена, были убиты тем же способом на своей ферме в Сент-Обене, тоже в Пикардии. В ночь с двадцать первого на двадцать второе ноября опять-таки топором умерщвлены два старика и несчастный дурачок, их батрак.

— Вы что же, считаете, это она?..

— Минутку, мадмуазель. Дайте перевести. Чех переводил с таким отвращением, словно перечисление этих зверств пачкало ему руки. При первых же его словах Мария приподнялась на койке, вывалив одну грудь, которую и не подумала прикрыть.

— До восьмого декабря об убийцах ничего не знали, потому что они не оставляли никого в живых. Ясно, мадмуазель?

— Мне ясно, что врач разрешил вам свидание всего на несколько минут.

— Зря беспокоитесь: она крепкая. Взгляните-ка на нее.

Заслоня малыша, словно волчица или львица детеныша, Мария была так же прекрасна, как и в ту пору, когда предводительствовала своими мужчинами.

— Прошу переводить дословно. Восьмого декабря убийцы недосмотрели. Девятилетняя девочка, босиком, в одной рубашке, успела выскользнуть из кровати, прежде чем ее заметили, и спряталась в таком закоулке, где искать ее никому не пришлось в голову. Она все видела, все слышала. Она видела, как молодая красивая брюнетка подносила зажженную свечу к ступням ее матери, как один из мужчин раскроил череп ее деду, а другой в это время поил сообщников. Фермерша кричала, молила, корчилась от боли, а эта тварь, — указал Мегрэ на койку — с улыбкой прижигала вдобавок несчастной груди горячей сигаретой.

— Довольно! — запротестовала сестра.

— Переведите, — распорядился Мегрэ, наблюдая за Марией, не сводившей с него глаз, но, казалось, ушедшей в себя. — Спросите, имеет ли она что-нибудь сказать.

Еще одна презрительная улыбка вместо ответа.

— Девочка-сирота, уцелевшая в этой бойне, взята на воспитание чужой семьей в Амьене. Сегодня утром ей показали фотографию этой женщины, переданную по бильдаппарату. Бедняжка со всей определенностью опознала ее. Девочку ни о чем не предупредили. Ей просто дали взглянуть на карточку, и ребенок так разволновался, что у нее начался нервный криз. Переведите, господин чех.

— Она словачка, — отозвался сотрудник посольства. Тут младенец заплакал, сестра, посмотрев на часы, вынула его из колыбели и принялась менять пеленки под неотступным взглядом матери.

— Позволю себе напомнить, господин комиссар, что время истекло.

— А для людей, о которых я говорю, оно тоже истекло?

— Матери нужно покормить младенца.

— Пусть кормит при нас.

Никогда еще Мегрэ не допрашивал убийцу, к чьей белой груди жадно приник новорожденный!

— Что, по-прежнему не отвечает? Думаю, она ничего не скажет, даже когда вы заговорите о вдове Риваль, убитой, как и остальные, у себя на ферме девятого января. Вместе с ней погибла ее сорокалетняя дочь. Уверен, Мария побывала и там. Как всегда, на трупе обнаружены следы ожогов. Переводите.

Комиссар ощущал вокруг себя атмосферу глубокой неприязни, глухой враждебности, но уже ни на что не обращал внимания. Он был на пределе. Стоит ему присесть на пять минут, и он заснет.

— Теперь перечислите ее сообщников и любовников:

Виктор Польенский, этакий деревенский дурачок с мускулами гориллы, Сергей Мадощ, у которого толстая шея и жирная кожа. Карел и мальчишка, которого они зовут Петром.

Мария ловила слетавшие с губ Мегрэ имена и при каждом вздрагивала.

— Мальчишка тоже был ее любовником?

— Переводить и это?

— Сделайте одолжение. В краску вам ее все равно не вогнать.

Даже припертая к стене, она все-таки улыбнулась при упоминании о юноше.

— Спросите, не брат ли он ей?

Странное дело! Порой глаза Марии начинали светиться теплотой и нежностью, и случалось это не только тогда, когда она подносила младенца к груди.

— А теперь, господин чех...

— Меня зовут Франтишек Легел.

— Мне это безразлично. Прошу вас точно, слово в слово, перевести то, что я скажу. От этого, возможно, зависит жизнь вашей соотечественницы. Начните именно с этого: жизнь ее зависит от того, как она себя поведет.

— Экая мерзость! — негромко возмутилась сестра. Зато Мария ухом не повела. Побледнела чуть-чуть сильнее, но все-таки сумела улыбнуться.

— Есть еще один субъект, которого мы не знаем и который был у них за главаря.

— Переводить?

— Да, пожалуйста.

На этот раз Мария ответила иронической ухмылкой.

— Она, конечно, не заговорит. Я знал это с самого начала. Таковую не запугаешь. Есть тем не менее одна деталь, которую мне нужно выяснить во что бы то ни стало: ставка — человеческие жизни.

— Переводить?

— А для чего я вас пригласил?

— Простите. Перевожу.

— Между двенадцатым октября и двадцать первым ноября примерно полтора месяца. Между двадцать первым ноября и восьмым декабря чуть больше двух недель. От двадцать первого ноября до девятнадцатого января пять недель. Не понимаете? Да это же срок, за который банда проживала добычу. Сейчас конец февраля... Обещать я ничего не могу. Когда дойдет до суда, судьбу ее будут решать другие. Переводите.

— Будьте добры, повторите даты. Переводчик еще раз, как заученный урок, отбарабанил свою тираду и смолк.

— Добавьте, что, если, ответив на мои последние вопросы, она поможет избежать нового кровопролития, это ей зачтется.

Мария не шелохнулась, только скорчила презрительную гримасу.

— Я не спрашиваю, где сейчас ее дружки. Не спрашиваю даже, как зовут главаря. Я хочу знать одно — много ли у них осталось денег и готовят ли они новое дело в ближайшее время.

И на этот вопрос Мария лишь сверкнула глазами.

— Ладно, пусть молчит. Думаю, я все понял. Остается узнать, действительно ли жертвы убивал Виктор Польенский.

Мария выслушала перевод с большим вниманием, опять не сказала ни слова, и необходимость общаться с ней через сотрудника посольской канцелярии все сильнее бесила Мегрэ.

— Орудовать топором умел не каждый из них, и если эта обязанность была возложена не на Виктора, не понимаю, зачем банда таскала с собой полудурка. В конечном-то счете Марию сцапали из-за него, по его же вине возьмут и остальных.

Снова перевод. Теперь женщина торжествовала. Полицейские ничего не знают. Знает только она. Пусть она сейчас лежит без сил и к ее груди припал новорожденный — она ничего не сказала и не скажет. Непроизвольный взгляд, брошенный ею на окно, выдал ее сокровенную мысль. В ту минуту, когда ее бросили одну на улице Сицилийского Короля, — и, похоже, она сама настояла на этом — ей кое-что обещали. Она знала своих мужчин, верила в них. Пока они на свободе, ей ничто не страшно. Они появятся. Вытащат ее и отсюда, и даже из тюремной больницы Санте.

Она была великолепна. Ноздри ее раздувались, губы искривила непередаваемая гримаса. Она и ее мужчины — люди другой породы, не такие, как те, кто ее сейчас окружает. Они раз навсегда избрали себе уделом жизнь за гранью общества. Они — крупные хищники, и бляные баранов не находят в них сочувственного отклика.

На каком дне, в какой пропасти нищеты сложился их союз? Их всех мучил голод. Мучил до такой степени, что, совершив злодейство, они делали одно — ели, ели целыми днями, ели, пили, спали, занимались любовью и опять ели, не замечая ни убожества своего пристанища на улице Сицилийского Короля, ни того, что их одежда превратилась почти в лохмотья. Они убивали не ради денег. Деньги были для них лишь средством, позволявшим досыта есть и мирно спать в своем углу, в своей берлоге, не думая об остальном человечестве.

Мария не была даже кокетлива. Платья, найденные в номере, — та же дешевка, какую она носила у себя в деревне. Она не пудрилась, не красила губы, не обзавелась бельем. В другом веке и в других широтах они с таким же успехом могли бы жить нагишом в тропических джунглях.

— Скажите ей, что я вернусь, а пока предлагаю ей подумать. У нее же теперь ребенок. — Произнося последние слова, комиссар невольно понизил голос. Потом обратился к сестре:

— Мы расстаемся с вами. Я немедленно пришлю сюда еще одного инспектора и позвоню доктору Букару. Он ведь ее лечащий врач, не так ли?

— Он заведующий отделением.

— Если она транспортабельна, ее сегодня вечером или завтра утром перевезут в Санте.

Несмотря на все рассказанное комиссаром, сестра по-прежнему недобро поглядывала на него.

— До свидания, мадмуазель. Идемте, сударь. В коридоре Мегрэ перемолвился с Люкасом — инспектор был совершенно не в курсе происходящего. В стороне ждала другая сестра, та, что провела комиссара с первого этажа наверх. У одной из палат стояло с полдюжины ваз со свежими цветами.

— Для кого они? — любопытствовал Мегрэ.

— Теперь уже ни для кого, — отозвалась сестра, молодая пухленькая блондинка. — Дама, занимавшая эту палату, только что выписалась, а цветы оставила — у нее много друзей.

Комиссар что-то тихо сказал девушке. Она с явным удивлением кивнула. Но еще больше удивился бы чех, узнай он, что сделал Мегрэ. А тот просто, хотя и чуточку смущенно распорядился:

— Отнесите немного цветов в двести семнадцатую. В палате было пусто и неудобно, а там все-таки лежала женщина с новорожденным.

Было половина двенадцатого. В длинном, скудно освещенном коридоре, по сторонам которого располагались кабинеты следователей, на скамейках в ожидании вызова томились между жандармами мужчины в наручниках и без галстуков. Сидели там и женщины, и свидетели, всячески выражавшие свое нетерпение.

Следователь Комельо, еще более чопорный и озабоченный, чем обычно, велел своему письмоводителю принести дополнительные стулья из соседнего кабинета, а потом отправляться завтракать. Начальник уголовной полиции, явившийся сюда по просьбе Мегрэ, расположился в кресле, а на табурете, который обычно занимает допрашиваемый, поместился комиссар Коломбани из Сюрте «Общенациональная уголовная полиция Франции.». Поскольку уголовная полиция занимается в принципе только Парижем и прилегающим районом, именно Коломбани вместе с провинциальными опербригадами вот уже пять месяцев расследует дело «пикардийских убийц», как журналисты окрестили банду после ее первого преступления. Ранним утром он встретился с Мегрэ и передал ему свои материалы.

Тем же ранним утром, около девяти, один из инспекторов, оставленных на улице Сицилийского Короля, постучался в кабинет комиссара и доложил:

— Он здесь.

Речь шла о содержателе «Золотого льва». Утро оказалось для него мудреней вечера. Испитой, небритый, помятый, он окликнул инспектора, расхаживающего перед домом:

— Мне надо на набережную.

— Идите.

— Боюсь.

— Я вас провожу.

Но разве Виктора не завалили прямо на улице, в толпе?

— Возьмем лучше такси. Плачу я.

Когда он вошел в кабинет, Мегрэ листал его дело: у хозяина было на счету три судимости.

— Даты вспомнил?

— Да. Я подумал: будь что будет. Коль скоро вы обещаете меня защитить...

От него разило трусостью и хворью. Весь его облик наводил на мысль о худосочии. А ведь этого субъекта дважды судили за развратные действия.

— На первую их отлучку я не обратил особого внимания, а вот вторая меня насторожила.

— Вторая? То есть двадцать первого ноября?

— Откуда вы знаете?

— Оттуда, что я тоже умею думать и читаю газеты. Я заподозрил, что это они, но никак этого не показал.

— А они догадались, что ты их расколол?

— Не знаю. Но сунули мне тысячу франков.

— Вчера ты сказал — пятьсот.

— Я ошибся. А пригрозил мне Карел в следующий раз, когда они вернулись.

— Уезжали они на машине?

— Не знаю. Из дома, во всяком случае, они уходили пешком.

— А другой, тот, кого ты знаешь, появлялся за несколько дней до отъезда?

— Сейчас вспоминаю, что да.

— Он тоже спал с Марией?

— Нет.

— Теперь будь любезен мне кое в чем признаться. Две свои первые судимости помнишь?

— Я же молодой был!

— Тем это омерзительней... Так вот, насколько я тебя себе представляю, ты не мог не положить глаз на Марию.

— Я пальцем ее не тронул.

— Еще бы! Ты их боялся.

— Ее тоже.

— Ладно. На этот раз ты хоть не врешь. Только ты не ограничился тем, что время от времени заглядывал к ним в номер. Ну, признавайся!

— Верно. Я провертел дырку в стене и старался, чтобы соседнюю комнату занимали как можно реже.

— Кто спал с Марией?

— Все.

— И мальчишка?

— Он в особенности.

— Вчера ты сказал, что он, возможно, ее брат.

— Но он же на нее похож. Он был влюблен сильнее всего. Часто плакал — я сам видел. Оставаясь с ней, умолял ее.

— О чем?

— Не знаю. Они говорили не по-французски. Когда с ней ночевал другой, парень, случалось, уходил и напивался в одиночку в маленьком бистро на улице Розье.

— Мужчины ссорились?

— Да, не жаловали друг друга.

— Ты вправду не знаешь, кому принадлежала испачканная кровью рубашка, которую на твоих глазах стирали в тазу?

— Не уверен. Я видел ее на Викторе, но им случалось меняться тряпками.

— Кто из тех, что жили у тебя, был, по-твоему, за главного?

— Главного у них не было. Если возникала драка, Мария прикрикивала на них, и они унимались.

Содержатель мебелишки вернулся к себе в трущобу, по-прежнему сопровождаемый инспектором, к которому он, исходя потом от страха, робко жался на улице. Разило от него еще противней, чем обычно: страх всегда дурно пахнет.

И теперь следователь Комельо в стоячем воротничке, темном галстуке и безупречном костюме смотрел на Мегрэ, взгромоздившегося на подоконник, спиной ко двору.

— Женщина ничего не сказала и не скажет, — говорил комиссар, перемежая слова мелкими затяжками. — А у нас со вчерашнего вечера по Парижу бродят три вырвавшихся на свободу хищника — Сергей Мадош, Карел и маленький Петр, который, несмотря на нежный возраст, отнюдь не похож на мальчика из церковного хора. Я уж не говорю о том, кто их навещал и, вероятно, управляет ими.

— Надеюсь, вы приняли необходимые меры? — перебил следователь.

Ему не терпелось уличить Мегрэ в каком-нибудь промахе: слишком уж много и слишком быстро, словно играючи, разнюхал комиссар. Сделал вид, будто занимается исключительно своим мертвецом, этим Маленьким Альбером, и, пожалуйста, — вышел на банду, которую полиция тщетно разыскивает целых пять месяцев.

— Не беспокойтесь, вокзалы предупреждены. Это ничего не даст, но так уж положено. Усилено наблюдение на дорогах и границах. Опять-таки как положено. Отправлены ориентировки и телеграммы. Всем, кому следует, позвонили. Тысячи людей подняты на ноги, но...

— Это необходимо.

— Потому и сделано. Взят под контроль все мебелирашки, особенно того же разряда, что «Золотой лев». А этим типам где-то надо ночевать.

— Только что мне по телефону жаловался на вас один мой приятель, редактор газеты. Вы якобы наотрез отказали репортерам в информации.

— Так точно. Я полагаю ненужным будоражить население Парижа сообщением о том, что по улицам города бродят испуганные нами бандиты.

— Я солидарен с Мегрэ, — вставил начальник уголовной полиции.

— Я никого не критикую, господа. Просто стараюсь составить себе определенное мнение. У вас свои методы. Особенно у комиссара Мегрэ, который предпочитает подчас идти совсем уж особыми путями. Он не всегда спешит ввести меня в курс дела, а ведь в конечном-то счете вся ответственность на мне. По моей просьбе прокурор объединил в одно производство дела Маленького Альбера и «пикардийской банды». Вот мне и хотелось бы уяснить ситуацию.

— Нам уже известно, как выбирались жертвы, — нарочито монотонно начал Мегрэ.

— Поступила информация с севера?

— В ней не было нужды. В обеих комнатах на улице Сицилийского Короля Мере обнаружил многочисленные отпечатки пальцев. На фермах эти господа орудовали в резиновых перчатках и не оставляли свидетелей, убийцы Маленького Альбера тоже были в перчатках, но постояльцы «Золотого льва» ходили дома с голыми руками. В картотеке отыскивались отпечатки одного из них.

— Кого именно?

— Карела. Фамилия его Липшиц, он уроженец Чехии и пять лет назад въехал во Францию на законных основаниях с паспортом установленного образца. Был включен в группу сельскохозяйственных рабочих, направленных на крупные фермы Артуа и Пикардии.

— Почему его дактилоскопировали?

— Два года назад он привлекался по обвинению в изнасиловании и убийстве девочки в Сент-Обене, где работал на одной из ферм. Арестованный под давлением общественного мнения, он был через месяц освобожден за отсутствием улик. Потом след его теряется. Он, без сомнения, перебрался в Париж. Мы проверим крупные заводы в предместьях, и я не удивлюсь, если окажется, что он тоже работал у Ситроена. Я уже отрядил туда инспектора.

— Значит, опознан всего один?

— Это, конечно, немного, но вы сейчас убедитесь, что именно он стоит у истоков дела. Коломбани любезно передал мне свои материалы, и я тщательно их изучил. В одном из его донесений я прочел, что в деревнях, где совершены преступления, не проживает ни одного чеха. Зато там есть несколько поляков, и кое-кто заговорил о «банде поляков», относя на их счет смерть фермеров. Когда те, с кем позже снюхался Карел, прибыли во Францию, никакой группы еще не существовало. В то время в районе к югу от Амьена мы находим лишь его одного. А как раз в этом районе и были совершены первые три убийства, причем всегда на богатых и отдаленных фермах с хозяевами-стариками.

— А четвертое?

— Оно произошло чуть дальше к востоку, в окрестностях Сен-Кантена. Вот увидите, скоро непременно выяснится, что в этих краях у Карела была приятельница или приятель. Он мог ездить гуда на велосипеде. Три года спустя, когда банда сформировалась...

— И где же, по-вашему, она сформировалась?

— Не знаю, но следы большинства ее членов просматриваются в районе набережной Жавель. Виктор Польенский, например, еще за несколько недель до первого преступления работал у Ситроена.

— Вы упомянули о главаре.

— Позвольте мне сперва закончить свою мысль. До смерти Маленького Альбера, вернее, до обнаружения его трупа на площади Согласия, — я не случайно вношу это уточнение, и дальше вы поймете почему, — банда, имея на счету уже четыре преступления, чувствовала себя в полной безопасности. Присмет ее членов не знал никто. Единственным очевидцем была маленькая девочка, видевшая женщину, которая пыталась ее мать. Мужчин она едва разглядела, к тому же лица у них были обмотаны черными тряпками.

— Вы разыскали эти тряпки на улице Сицилийского Короля?

— Нет... Итак, банда наслаждалась безнаказанностью. Никому и в голову бы не пришло искать пикардийских убийц в трущобах парижского гетто. Верно, Коломбани?

— Безусловно.

— Внезапно Маленький Альбер замечает, что ему грозит опасность со стороны преследующих его незнакомцев. Вспомните: он сказал по телефону, что их несколько и они сменяют друг друга. Так вот, после того как Маленький Альбер обратился ко мне за помощью, его закалывают в его же собственном бистро. Он хотел прийти ко мне. Значит, имел что сообщить, и негодяи это знали. Встает вопрос: зачем они дали себе труд перевезти труп на площадь Согласия?

Присутствующие молча переглядывались, ища ответа на вопрос, который Мегрэ столько раз задавал себе.

— Я по-прежнему опираюсь на материалы Коломбани, отличающиеся исключительной точностью. При налетах на фермы банда пользовалась автомашинами, преимущественно ворованными грузовичками. Почти всегда их угоняли с улиц, прилегающих к площади Клиши, или, во всяком случае, расположенных в восемнадцатом округе. В том же районе, только чуть-чуть дальше, за Городской чертой, отыскивались на следующий день угнанные автомобили.

— Что из этого следует?

— Что у банды нет своей машины. Автомобиль надо парковать, а припаркуешься — наследись.

— Таким образом, желтый «Ситроен»...

— Желтый «Ситроен» никто не знал. Мы знали бы об этом, потому как владелец подал бы жалобу, тем более что автомобиль был почти новый.

— Понял, — негромко уронил начальник уголовной полиции, и ничего не понявший Комельо обиженно насупил.

— Мне следовало догадаться об этом раньше. На минуту я допустил такую возможность, но потом отбросил свое предположение: оно казалось мне слишком сложным, а я убежден, что истина всегда проста. Труп Маленького Альбера перевезли на площадь Согласия не убийцы.

— Кто же тогда?

— Не знаю, но скоро узнаем.

— Как?

— Я распорядился поместить в газетах одно объявление. Вы не забыли, что около четырех

дня Альбер, поняв, что мы бессильны ему помочь, позвонил кому-то, кто не имел к нам отношения?

— По-вашему, он позвал на помощь друзей?

— Возможно. Во всяком случае, назначил кому-то встречу. И этот кто-то не поспел вовремя.

— Откуда вы знаете?

— Напоминаю: на набережной Генриха Четвертого машина испортилась и застряла довольно надолго.

— Поэтому два сидевших в ней человека и приехали слишком поздно?

— Совершенно верно.

— Минутку. Папка с делом у меня тоже перед глазами. По словам вашей гадалки, машина стояла у «Маленького Альбера» с половины девятого примерно до девяти. А труп был положен на тротуар площади Согласия лишь в час ночи.

— Они, наверное, вернулись, господин следователь.

— Чтобы погрузить и перевезти в другое место жертву преступления, которого не совершали?

— Возможно. Я ничего не объясняю, а только констатирую.

— А жена Альбера куда на все это время подевалась?

— А вы предположите, что они как раз и отвозили ее в безопасное место.

— Почему ее не убили одновременно с мужем? Она же, без сомнения, тоже знала и, уж во всяком случае, видела убийцу.

— А откуда известно, что она была дома? В сложных переплетах некоторые мужчины стараются убирать жен подальше.

— Вам не кажется, господин комиссар, что все это мешает нам вплотную заняться нашими убийцами, которые, как вы сами выразились, бродят сейчас по Парижу?

— Что вывело нас на них, господин следователь?

— Труп на площади Согласия, разумеется.

— Отчего бы ему не вывести нас на их след и вторично? Видите ли, когда мы все пойдем, взять банду будет нетрудно. Значит, все дело в том, чтобы понять.

— Вы полагаете, они убили бывшего официанта за то, что он слишком много знал?

— Возможно. И я постараюсь узнать, как он узнал. Выяснив это, буду знать, что он знал.

Начальник уголовной полиции, одобрительно улыбаясь, кивнул: он живо чувствовал антагонизм между следователем и комиссаром.

— Быть может, поезд? — вставил Коломбани, которому не терпелось принять участие в разговоре. Дело он знал назубок, и Мегрэ сочувственно встретил его предположение.

— Какой поезд? — заинтересовался Комельо.

— Последний раз, — пояснил Коломбани, поощряемый взглядом коллеги, — преступники дали нам маленькую зацепку, которую мы постарались скрыть от прессы, чтобы не насторожить банду. Обратите внимание на приобщенную к делу справку номер пять. Девятнадцатого января преступление было совершено на ферме супругов Риваль, убитых, к сожалению, вместе с батраком и служанкой. Ферма называется «Монашки» — очевидно, потому, что построена на развалинах старинного монастыря. Находится она в пяти километрах от деревни Годервиль. К деревне примыкает железнодорожная станция, где останавливаются поезда местного сообщения, хотя это на магистрали Париж — Брюссель. Излишне говорить, что парижане редко пользуются такими поездами — кому охота трястись в вагоне долгие часы, останавливаясь на каждом полустанке? Так вот, девятнадцатого января в двадцать семь с поезда сошел человек, имевший билет Париж — Годервиль и обратно.

— Приметами располагаете?

— Очень общими. Довольно молод, хорошо одет.

— Акцент иностранный? — решил внести свою лепту следователь.

— Он ни с кем не заговорил. Прошел по шоссе через деревню, и больше там его не видели.

Зато на следующее утро в шесть с минутами он снова сел в поезд в Муше, другой маленькой станции в двадцати одном километре к югу. Такси он не брал. Ни один крестьянин его не подвозил. Трудно поверить, что он прошагал всю ночь для собственного удовольствия. Он неизбежно должен был пройти поблизости от «Монашек».

Мегрэ полузакрыв глаза, охваченный почти непреодолимой усталостью. Засыпать вот так, наполовину, ему случалось порой даже стоя. Трубка его погасла.

— Получив эти сведения, — продолжал Коломбани, — мы стали разыскивать билет через Компанию Северной железной дороги, поскольку билеты, сдаваемые пассажирами по прибытии поезда, хранятся в течение определенного срока.

— И вы его нашли?

— На Северном вокзале он не был предъявлен. Иными словами, пассажир ушел по путям или, смешавшись с толпой, выходящей на какой-нибудь пригородной станции, сумел скрыться незамеченным, что нетрудно.

— Об этом вы и хотели сказать, господин Мегрэ?

— Да, господин следователь!

— Что же из этого вытекает?

— Не знаю. Маленький Альбер мог ехать тем же поездом. Мог оказаться на вокзале. Впрочем, нет, — покачал головой комиссар, — в таком случае за ним начали бы охотиться раньше. К тому же он располагал каким-то вещественным доказательством — недаром после убийства дом его перерыли сверху донизу.

— Но, очевидно, не нашли того, что искали, почему Польенский и появился вторично?

— Нет, в этом случае они не послали бы туда полудурка. Я поклясться готов: Виктор пошел туда сам, не спросив остальных. И вот доказательство: они, не раздумывая, прихлопнули его, как только сообразили, что полиция села ему на пятки и он рискует всех засветить...

Простите, господа, простите, шеф, я ваюсь от усталости, — извинился Мегрэ и повернулся к Коломбани. — Увидимся в пять?

— Как хочешь.

Мегрэ выглядел таким утомленным, обмякшим, раскисшим, что следователь Комельо ощутил угрызения совести.

— Вы добились существенных результатов, — польстил он и добавил, когда Мегрэ вышел:

— В его годы нельзя не спать целыми ночами. Почему он так стремится делать все сам?

Комельо изрядно удивился бы, если бы увидел, что, садясь в такси, комиссар сначала поколебался и лишь потом назвал адрес:

— Шарантонская набережная. Где остановиться — скажу.

Ему не давало покоя появление Виктора в «Маленьком Альбере». Всю дорогу у него стояли перед глазами рыжий парень и Люкас у него на пятках.

— Чего налить, шеф?

— Чего хочешь.

Шеврие окончательно вошел в роль, а его жена проявила себя неплохой кухаркой: в зале сидели уже человек двадцать.

— Я поднимусь наверх. Пришли мне Ирму. Она поднялась вслед за Мегрэ по лестнице, вытирая руки о передник. Комиссар осмотрелся: окна спальни открыты, в комнате приятно пахнет и чисто.

— Куда вы дели вещи, которые тут были разбросаны? Список их Мегрэ составил еще вместе с Мерсом. Но тогда он искал то, что могли оставить убийцы. Сейчас он задавал себе другой вопрос: за чем мог вернуться лично Виктор?

— Я все засунула в верхний ящик комода. Гребни, коробка шпилек, шкатулка из ракушек с названием нормандского курорта, рекламный разрезной нож для бумаги, испорченный автоматический карандаш, — словом, мелочи, загромождающие любой дом.

— Здесь все?

— Даже недокуренная пачка сигарет и старая треснутая трубка. Нам еще долго тут торчать?

— Не знаю, малышка. Что, наскучило?

— Нет, но клиенты начинают фамильярничать, а муж — терять терпение. Того гляди заедет кому-нибудь по физиономии...

Разговаривая, Мегрэ рылся в ящике и наконец вытащил оттуда старенькую губную гармонику немецкого производства, которую, к изумлению Ирмы, сунул в карман. А еще через несколько минут он по телефону задал г-ну Луазо вопрос, повергший того в ошеломление:

— Скажите, Альбер играл на губной гармонике?

— Насколько помнится, нет. Петь — пел, но я никогда не слышал, чтобы он играл на каком-нибудь инструменте.

Мегрэ вспомнилась гармоника, найденная на улице Сицилийского Короля. Минуту спустя он позвонил содержателю «Золотого льва»:

— Виктор играл на губной гармошке?

— Конечно. Даже на улице, прямо на ходу.

— Играл только он?

— Нет. Еще Сергей Мадощ.

— У каждого была своя?

— По-моему, да... Наверняка своя: им случалось играть дуэтом.

В номере «Золотого льва», когда Мегрэ делал там обыск, отыскался всего один инструмент. Гармошка — вот что дурачок Виктор пришел искать на Шарантонскую набережную без ведома сообщников и в конце концов заплатил за это жизнью.

То, что произошло во второй половине этого дня, пополнило репертуар забавных историй, которые г-жа Мегрэ, улыбаясь, рассказывала во время семейных встреч.

В том, что Мегрэ вернулся в два часа дня и, отказавшись от завтрака, сразу лег спать, не было, в общем, ничего необычного, хотя комиссар, когда бы он ни явился домой, первым делом отправлялся на кухню и заглядывал в кастрюли. Правда, на этот раз он заверил жену, что уже поел. А когда чуть позднее стал раздеваться и она малость его поприжала, он сознался, что стащил ломоть ветчины из кухни на Шарантонской набережной. Г-жа Мегрэ задернула шторы, проверив, под рукой ли у мужа все необходимое, и на цыпочках вышла. Не успела дверь закрыться, как он уже спал глубоким сном.

Перемыв посуду и приведя кухню в порядок, г-жа Мегрэ долго не решалась войти в спальню и забрать забытое там вязанье. Наконец она прислушалась к ровному дыханию, осторожно повернула ручку и вошла беззвучно, как ходят монахини-сиделки. В эту минуту, все так же ровно дыша, он пробормотал несколько отяжелевшим языком:

— Скажи, если бы ты получила два с половиной миллиона за пять месяцев...

Глаза у комиссара были закрыты, лицо раскраснелось. Жена подумала, что он говорит во сне, и замерла, боясь его разбудить.

— На что бы ты их истратила, а?

— Не знаю, — прошептала она. — Сколько ты сказал?

— Два с половиной миллиона. Возможно, много больше. Это самое меньшее, что они взяли на фермах, причем изрядную долю в золоте. Конечно, лошади...

Мегрэ тяжело повернулся на другой бок, приоткрыл один глаз и уставился на жену.

— Понимаешь, каждый раз все упирается в скачки...

Г-жа Мегрэ понимала, что муж говорит не с ней, а сам с собой, и выжидала, пока он снова уснет: тогда она исчезнет, как пришла, пусть даже без вязанья. Комиссар долго молчал, и ей показалось, что он заснул.

— Слушай, есть деталь, которую мне надо немедленно уточнить. Где были скачки в прошлый вторник? Разумеется, в районе Парижа. Звони!

— Куда?

— В ПГТ. Номер найдешь в телефонной книге. Аппарат стоял в столовой, и слишком короткий провод не позволял перенести его в спальню. Г-жа Мегрэ всегда смущалась, когда ей приходилось говорить в эту маленькую металлическую коробку, особенно с незнакомыми.

— Можно сказать, что я звоню от твоего имени? — Покорно осведомилась она.

— Пожалуйста, — А если спросят, кто я?

— Ни о чем тебя не спросят.

В эту минуту Мегрэ открыл оба глаза, значит, полностью проснулся. Жена его вышла в соседнюю комнату и оставила дверь открытой на все время разговора. Он был краток. Служащий, ответивший ей, привык, вероятно, к подобным вопросам и наизусть знал программу скачек, потому что немедленно дал необходимую справку. Когда же г-жа Мегрэ вернулась в спальню с намерением повторить мужу то, что ей сказали, комиссар уже спал сном праведника, издавая при этом звуки, которые были слишком громки, чтобы именоваться храпом. Поколебавшись, она решила дать ему как следует отдохнуть, но на всякий случай не закрыла дверь и время от времени с удивлением поглядывала на часы: Мегрэ редко спал днем подолгу.

В четыре она вышла в кухню и поставила суп греться. В половине пятого заглянула в спальню — муж по-прежнему спал, но даже теперь казалось, что он продолжает размышлять:

брови у него были нахмурены, лоб наморщен, губы странно искривлены. Однако через несколько минут, когда она опять уселась на свое место у окна в кухне, раздался нетерпеливый голос:

— Ну, дозвонилась?

Она торопливо вошла в спальню и увидела, что муж сидит на постели.

— Что, до сих пор занято? — с самым серьезным видом посочувствовал он.

Эти слова произвели на г-жу Мегрэ любопытное действие: она испугалась, уж не бредит ли ее супруг.

— Разумеется, дозвонилась. Еще почти три часа назад.

— Что ты несешь? — недоверчиво вскинулся комиссар. — Который теперь час?

— Без четверти пять.

Мегрэ даже не заметил, как снова заснул, хотя собирался лишь подремать, пока она звонит.

— Где были скачки?

— В Венсене.

— Что я говорил! — возликовал комиссар. Он, правда, никому ничего подобного не говорил, но столько думал об этом, что большой разницы тут не было. — Соедини меня с улицей де Соссэ, два нуля девяносто. Попроси кабинет Коломбани.

— Что ему передать?

— Ничего. Я сам поговорю с ним, если только он уже не выехал.

Коломбани был еще на месте: его всегда отличала привычка опаздывать на встречи. Он проявил учтивость и согласился навестить коллегу дома, а не ехать к нему в уголовную полицию.

По просьбе мужа г-жа Мегрэ приготовила ему чашку крепкого кофе, но и этого оказалось недостаточно, чтобы побороть сонливость. Комиссар столько недосыпал, что у него покалывали воспаленные веки. Ему казалось, что кожа у него слишком натянута. Он так и не набрался решимости одеться, а только влез в брюки и шлепанцы, набросив халат прямо на ночную рубашку с воротом, украшенным красной вышивкой крестом.

Они с Коломбани удобно устроились в столовой за графином кальвадоса, а прямо против них на белой стене по ту сторону бульвара виднелась надпись черными буквами: «Лот и Пепен». Они были знакомы слишком давно, чтобы тратить время на лишние слова. Коломбани, низкорослый, как большинство корсиканцев, носил обувь с высокими каблуками, галстуки яркой расцветки и перстень с бриллиантом — настоящим или фальшивым — на безымянном пальце. По этой причине его порой принимали не за полицейского, а за одного из тех, кого он ловил.

— Я послал Жанвье по ипподромам, — сказал Мегрэ, пыхнув трубкой. — Где сегодня скачки?

— В Венсене.

— Как и в прошлый вторник. Я все думаю, не в Венсене ли истоки истории с Маленьким Альбером. Расследование мы начали именно с ипподромов, хотя и без ощутимых результатов. Но тогда нас интересовал только бывший официант. Сегодня — другое дело. Задача в том, чтобы выяснить в разных кассах, особенно в дорогих, где ставки от пятисот до тысячи, не состоит ли их постоянным клиентом сравнительно молодой человек с иностранным выговором.

— Может быть, его засекли инспекторы, обслуживающие ипподромы?

— Кстати, он, по-моему, ходит туда не один. Два с половиной миллиона за пять месяцев — это много.

— На самом деле сумма куда крупнее, — поправил Коломбани. — В своем донесении я привел только бесспорные цифры. Это деньги, безусловно попавшие в руки бандитов. У

погибших фермеров были, похоже, другие тайники, секрет которых они выдали под пыткой. Не удивлюсь, если общий итог составит миллиона четыре с гаком.

На что тратили деньги голодранцы с улицы Сицилийского Короля? На одежду? Ни гроша. Они никуда не ходили, довольствовались тем, что пили и ели. А чтобы даже впятером проесть и пропить миллион, нужно время. Тем не менее экспедиции следовали одна за другой в том же темпе.

— Главарь наверняка набирал себе львиную долю.

— Интересно, почему остальные безропотно подчинялись?

Были и другие вопросы, которые Мегрэ задавал себе с такой настойчивостью, что бывали минуты, когда он уставал думать и, проведя рукой по лбу, уставлялся на какой-нибудь предмет, например на герань в дальнем окне. Несмотря на все усилия, комиссар даже дома не мог оторваться от расследования, в котором словно увяз, и его ни на минуту не оставляло беспокойство о том, что происходит в Париже и окрестностях. Он еще не переправил Марию в Санте. Устроил так, чтобы дневные газеты сообщили, в какой больнице она помещена.

— Наверное, послал уже инспекторов в засаду?

— Четырех, не считая постовых. В больнице хватает дверей, а сегодня приемный день.

— Полагаешь, рискнут? — Не знаю. Они все сходят по ней с ума. Не удивлюсь, если кто-нибудь сыграет ва-банк. О том, что каждый из них вправе считать себя папашей, уже не говорю. Отсюда неудержимое желание повидать ее и ребенка. Но это опасная игра. И не столько по моей милости, сколько из-за них самих.

— Не понимаю.

— Они убили Виктора Польенского, верно? А почему? Потому что он рисковал их засветить. Если они увидят, что еще кто-нибудь из них может угодить к нам в руки, сомневаюсь, что его оставят в живых.

Мегрэ задумчиво попыхивал трубкой. Коломбани, раскурив сигарету с золотым ободком, заметил:

— Сейчас для них главное — разыскать главаря, особенно если деньги на исходе.

Мегрэ уставился на собеседника, потом глаза его посуровели, он вскочил, грохнул кулаком по столу и рявкнул:

— Идиот! Трижды идиот! Как я не подумал об этом!

— Но ты же не знаешь, где он живет.

— Вот именно! Ручаюсь, они тоже не знают его адреса. Субъект, запустивший такую машину и командуемый этими животными, не мог не принять мер предосторожности. Что мне сказал притонодержатель? Что этот тип приходил инструктировать их на улицу Сицилийского Короля перед каждой поездкой. Вот так-то. Теперь понимаешь?

— Еще не совсем.

— Что мы о нем знаем или хотя бы о чем догадываемся? Мы ищем его на ипподромах. А они, по-твоему, глупее нас? Ты совершенно прав: сейчас он позарез им нужен. Может быть, для того, чтобы потребовать денег. Во всяком случае, чтобы информировать его, попросить совета или указаний. Готов поручиться, ни один из них не провел прошлую ночь в постели. Куда они кинутся?

— В Венсен.

— Более чем вероятно. Если они умышленно разделились, значит, пошлют туда одного. Если разделились, не стовариваясь, значит, наверняка сойдутся там снова. У нас был случай взять их, даже не зная в лицо. Засечь в толпе парней с такой внешностью — легче легкого. Подумать только, Жанвье там, а я не дал ему распоряжений на этот счет! Человек тридцать инспекторов на поле, и мы схватили бы голубчиков за шиворот.

Который час?

— Слишком поздно. Последний заезд кончился еще полчаса назад.

— Вот видишь! Обо всем надо думать заранее. Когда в два часа я прилег, мне казалось, что сделано все возможное. Наши проверяют платежные ведомости Ситроена, трясут набережную Жавель. Больница Лаэннека оцеплена. Просвечиваются все кварталы, где может скрываться публика вроде этих чехов. Задерживают бродяг и клошаров. Обшаривают мебелирашки. Мере наверху у себя в лаборатории изучает вплоть до последнего волоска все, что найдено на улице Сицилийского Короля. А тем временем эти молодцы уже успели, конечно, перемолвиться в Венсене со своим хозяином.

Коломбани, несомненно, сам был завсегдагаем скачек, потому что ошибся он всего на несколько минут. Зазвонил телефон. В трубке раздался голос Жанвье:

— Я все еще в Венсене, шеф. Пытался дозвониться к вам на Набережную.

— Скачки кончились?

— Полчаса назад. Я остался со служащими. Очень-то с ними сейчас не поговоришь: работы у них выше головы. Удивляюсь, как они не делают ошибок в подсчетах.

Я расспросил их о крупных ставках. Один парень из тысячефранковых касс услышал и прямо-таки вскинулся. Он поездил по Центральной Европе и различает на слух тамошние языки. «Чех? — переспросил он. — Есть тут один. Постоянно ставит большие суммы, особенно на аутсайдеров. Я сперва даже подумал — посольский чин».

— Почему? — заинтересовался Мегрэ.

— Похоже, шикарный тип: породистый, изысканно одет. Почти всегда проигрывает, но виду не подает, только криво улыбается. Но заметил его служащий не поэтому, а из-за женщины, обычно появляющейся вместе с ним.

Мегрэ облегченно вздохнул и остановил ликующий взгляд на Коломбани, словно говоря: «Мы их накрыли!»

— Ага, теперь и женщина! — громыхнул он в трубку. — Иностранка?

— Парижанка. Я из-за этого с ипподрома и не ухожу. Поговори я с парнем раньше, он давно показал бы мне эту парочку: они были здесь сегодня днем.

— Опиши женщину.

— Молоденькая, очень, красивая, одевается, видимо, у лучших портных. Но это не все, шеф. Парень уверяет, что она киноактриса. Он-то сам не большой любитель кино, звезд не помнит. Уверяет, впрочем, что это не звезда, а так, на вторых ролях. Я перечислил ему кучу имен — все безрезультатно.

— Который час?

— Без четверти шесть.

— Раз уж ты в Венсене, махни в Жуэнвиль. Это недалеко. Попроси своего конторщика проехаться с тобой.

— Он сам предложил свои услуги.

— Сразу за мостом начнутся киностудии. Обычно у продюсеров хранятся фото всех актеров, включая тех, что на второстепенных ролях: к этим карточкам обращаются при распределении ролей в новых фильмах. Понял?

— Понял. Куда вам звонить?

— Домой, — заключил Мегрэ, опустил в кресло и облегченно вздохнул.

— Кажется, дело пойдет.

— При условии, конечно, что это наш чех. Мегрэ наполнил рюмки с золотым ободком, выбил трубку, заложил новую порцию табаку.

— У меня впечатление, что ночь нам предстоит беспокойная. Девчущку велел привезти?

— Ее отправили сюда три часа назад. Я сам встречу ее на Северном вокзале.

Имелась в виду девочка с фермы Мансо, единственная, кто чудом спасся во время резни и видел одного из налетчиков — Марию, женщину, лежащую теперь со своим малышом на больничной койке.

Опять телефон. Теперь снимать трубку стало даже несколько жутко.

— Алло...

Глаза Мегрэ снова уставились на коллегу, но на этот раз — с досадой. Говорил комиссар приглушенным голосом. С минуту вообще молчал, ограничиваясь поддакиванием через почти равномерные промежутки. Коломбани тщетно силился понять, о чем разговор. Ни о чем не догадываться было тем более обидно, что в трубке слышался голос, в гудении которого можно было иногда различить отдельные слоги.

— Через десять минут? Конечно. Точно, как я обещал. Почему у Мегрэ такой вид, словно он с трудом сдерживается? Его поведение опять полностью изменилось. Ребенок, ожидающий, когда его подпустят к рождественской елке, — и тот меньше дрожал бы от нетерпения, чем комиссар, как ни старался он выглядеть спокойным и даже добродушно-ворчливым. Повесив трубку, он не возобновил беседу с гостем, а распахнул дверь на кухню и объявил:

— Сейчас приедет твоя тетка с мужем.

— Как! Что ты говоришь? Но...

— Сам удивляюсь, — перебил он жену, которой тщетно подмигивал. — Случилось, видимо, что-то серьезное, непредвиденное. Она хочет немедленно поговорить с нами. — И, просунув голову в дверь, Мегрэ принялся строить жене гримасы, чем окончательно сбил ее с толку.

— Вот те на! Только бы не какая-нибудь беда!

— А может, она по поводу наследства?

— Какого наследства?

— Ее дяди.

Когда Мегрэ вернулся к Коломбани, корсиканец лукаво улыбался.

— Извини, старина. Сейчас явится тетка моей жены.

Я еле успею одеться. Не выставляю тебя, но сам понимаешь...

Комиссар из Сюрте опорожнил рюмку, встал, утер губы.

— Пустяки! Я же знаю, что такое родня. Позвонишь, если будет что новое?

— Договорились.

— Сдается мне, это будет скоро. Не знаю даже, возвращаться ли мне на улицу де Соссэ.

Пожалуй, не стоит. Если не возражаешь, я побуду на набережной Орфевр.

— Вот и отлично. До скорого!

Мегрэ чуть не вытолкнул гостя на лестницу. Когда дверь захлопнулась, он быстро пересек комнату и взглянул за окно. Слева от склада «Лот и Пенен» виднелась выкрашенная в желтый цвет лавчонка овернца, торговавшего вином и углем, и Мегрэ впился взглядом в ее дверь.

— Ты наврал Коломбани? — спросила г-жа Мегрэ.

— Конечно. Я не хотел, чтобы он столкнулся с людьми, которые к нам сейчас зайдут.

С этими словами он машинально оперся о подоконник, где чуть раньше стоял корсиканец, и рука его наткнулась на газету. Мегрэ опустил глаза и увидел, что она сложена так, чтобы сверху оказались объявления. Одно из них было обведено синим.

— Каналья! — процедил комиссар сквозь зубы. Между Сюрте и уголовной полицией существует застарелое соперничество, и для человека с улицы де Соссэ истинное удовольствие сыграть шутку с коллегой, работающим на набережной Орфевр. К тому же Коломбани не так уж и зло отомстил Мегрэ за вранье и выдумку с теткой. Он лишь оставил ему доказательство того,

что раскусил комиссара. Объявление, напечатанное с классическими аббревиатурами во всех утренних газетах и дневных бюллетенях ипподромов, гласило:

«Друзьям Альбера целях безопасности срочно зайти Мегрэ домой 6. Ришар-Ленуар, 132. Полн. тайна гарант. честн. слов.»

Они-то и звонили от угольщика напротив, проверяя, не розыгрыш и не западня ли это: пусть Мегрэ лично подтвердит свое обещание. Словом, хотели убедиться, что путь свободен.

— Прогуляйся-ка по улице, госпожа Мегрэ, и не слишком торопись. Шляпу надень с зеленым пером.

— Почему именно эту?

— Потому что скоро весна.

Пока приглашенные переходили улицу, всем видом показывая, что решаются на серьезный шаг, Мегрэ наблюдал за ними из окна, но издали узнал лишь одного.

Несколькими секундами раньше комиссар не знал о визитерах ровно ничего — даже из какого они круга. Но в одном он мог поручиться — они тоже бывают на скачках.

— Коломбани наверняка следит откуда-нибудь за ними, — проворчал он.

А уж если Коломбани вышел на след, он вполне способен подвести недавнего собеседника. Кто же откажется подложить маленькую свинью коллеге? Тем более что корсиканец куда лучше, чем он, Мегрэ, знает Джо Боксера.

Джо низенький, коренастый, с перебитым носом и светло-голубыми глазами под тяжелыми веками. Костюмы носит в клеточку, галстуки яркие, и в час аперитива его всегда можно найти в одном из маленьких баров на авеню Ваграм. Он самое меньшее раз десять побывал уже по всяким поводам в кабинете Мегрэ, но неизменно ухитрялся выкручиваться. Действительно ли он опасен? Джо очень старался, чтобы в это верили, охотно напускал на себя отчаянность и делал вид, будто он «в законе», но настоящие преступники относились к нему с недоверием, а то и легким презрением.

Мегрэ впустил посетителей и поставил на стол новые рюмки. Вошли они стеснительно, но тем не менее настороженно обшарили глазами углы и опасно покосились на закрытые двери.

— Не робейте, ребята. Стенографистка у меня не спрятана, диктофон тоже. Взгляните, вот моя спальня, — указал комиссар на смятую постель. — Это ванная. Это стенной шкаф. А вот кухня, откуда из уважения к вам только что удалась госпожа Мегрэ. Куда ведет последняя дверь? В гостевую, но там затхлый воздух по той причине, что гостей у нас не бывает, разве что свояченица несколько раз в год переночует. Итак, за дело.

Комиссар чокнулся с новоприбывшими и вопросительно посмотрел на спутника Джо.

— Это Фердинан, — пояснил бывший боксер. Комиссар тщетно напряг память: ни имя, ни эта тощая долговязая личность с огромным носом и бегающими, как у мыши, глазами ничего ему не говорили.

— Он содержит гараж у заставы Майо. Маленький, конечно, гаражик.

Забавно, однако, смотреть, как они переминаются с ноги на ногу, не решаясь сесть — не из страха, а из осторожности: такие люди предпочитают держаться поближе к двери.

— Вы вроде бы намекнули на какую-то опасность?

— Даже на две. Во-первых, если вас засекут чехи, я гроша за ваши шкуры не дам.

— Какие чехи? — удивленно переглянулись Джо с Фердинаном, полагая, что ослышались: до сих пор в газеты не проскользнуло ни слова о чехах.

— Из пикардийской банды.

На этот раз они поняли и тут же посерьезнели.

— Мы им ничего не сделали.

— Гм... Это мы сейчас обсудим, только вот беседовать нам будет удобней, если вы присядете.

Джо опустил в кресло; Фердинан, незнакомый с Мегрэ, примостился бочком на краю стула.

— Теперь о второй опасности, — продолжал комиссар, раскуривая трубку и наблюдая за гостями. — Вы сегодня ничего не заметили?

— Всюду легавые наторканы. Извините, конечно.

— Ничего, я не обижаюсь... Так вот, сегодня не только всюду наторканы легавые, как вы выразились, но большинство инспекторов охотятся за определенными лицами, в том числе за двумя владельцами желтого «Ситроена».

Фердинан улыбнулся.

— Я догадываюсь, разумеется, что машина уже не желтая и сменила номер. Ладно. Если вас сцапают инспекторы уголовной полиции, я, пожалуй, сумею вытащить вас из передряги. Но вы видели, кто вышел от меня перед вами?

— Коломбани, — буркнул Джо.

— Он вас заметил?

— Мы выждали, пока он сядет в автобус.

— Это означает, что улица де Соссэ тоже отправилась на охоту. А тут уж вам прямая дорога к следователю Комельо.

Фамилия возымела магическое действие: оба были достаточно наслышаны о неумолимости этого судейского чина.

— Но раз вы были так любезны и навестили меня, мы можем говорить по-дружески.

— Мы почти ничего не знаем.

— Хватит и того, что знаете. Вы дружили с Альбером?

— Он был мировой парень.

— Весельчак, правда?

— Познакомились мы с ним на скачках.

— Так я и думал.

Мегрэ уже составил себе довольно полное представление о посетителях. Гараж Фердинана вряд ли часто открыт для публики. Вряд ли занимаются там и перепродажей угнанных машин: это требует сложного оборудования и разветвленной организации. К тому же компаньоны не из тех, кто любит рискованные дела. Вероятнее всего, они скупают по дешевке старые колымаги и подновляют их ровно настолько, чтобы сбывать простофилям. В барах, на ипподромах, в холлах отелей всегда попадаются наивные буржуа, которые не прочь исключительно выгодно приобрести что-нибудь по случаю. Порой, чтобы облапошить их, довольно украдкой шепнуть, что машина украдена у кинозвезды.

— Были вы оба в Венсене в прошлый вторник? Им пришлось еще раз обменяться взглядами — не затем, чтобы сговориться, а чтобы вспомнить.

— Минутку... Слушай, Фердинан, ты не во вторник выиграл на Семирамиде?

— Точно.

— Значит, были.

— А Альбер?

— Вот теперь вспомнил. В этот день на третьем заезде хлынул ливень. Альбер тоже там был — я его издали приметил.

— Вы с ним не говорили?

— Нет, он был на трибуне, а не на поле. Мы-то на трибуну не ходоки. Он обычно тоже. Но

В этот вторник он появился с женой — отмечали годовщину свадьбы или что-то в этом роде. Несколькими днями раньше он сам мне об этом рассказывал. Говорил даже, что они собираются купить машину, подешевле конечно, и Фердинан обещал ему помочь.

— А потом?

— Что потом?

— Что произошло на следующий день? Около пяти он позвонил вам в гараж?

— Нет, в «Пеликан» на авеню Ваграм. Мы там почти всегда в это время бываем.

— Теперь, господа, попрошу очень точно, если можно, дословно, повторить, что он сказал.

Кто с ним говорил?

— Я, — отозвался Джо.

— Подумай. Не торопись.

— По-моему, он не то спешил, не то был взволнован.

— Знаю.

— Сперва я не очень понял, о чем речь. Он говорил сбивчиво, впопыхах, словно боялся, что его вот-вот прервут.

— Это я тоже знаю. В тот день он раза четыре-пять звонил и мне.

— А, значит, вам все уже известно?

— И все-таки продолжай.

— Он сказал, что за ним увязались какие-то типы и что он побаивается, но теперь придумал, как от них отделаться.

— Сказал как?

— Нет, но вроде был доволен своей выдумкой.

— Дальше.

— Выразился он примерно так: «История жуткая, но кое-что на ней можно, пожалуй, сорвать». Не забудьте, комиссар, вы обещали...

— Повторяю свое обещание. Вы оба выйдете отсюда так же свободно, как вошли, и что бы вы ни наделали, вас не потревожат, при условии, конечно, что вы скажете всю правду.

— Ну, сознайтесь, вам же она известна не хуже, чем нам.

— Почти.

— Ладно. Альбер добавил: «Приезжайте ко мне в восемь вечера. Потолкуем». И перед тем, как повесить трубку, еще успел вставить: «Жену сплавлю в кино». Улавливаете? Это означало: дело нешуточное.

— Минутку. Альбер уже работал вместе с вами обоими?

— Никогда. На кой мы ему были? Вы ведь знаете, чем мы занимаемся. Ремесло у нас, в общем-то, не совсем законное. Альбер же буржуа.

— Тем не менее он задумал погреть руки на том, до чего докопался.

— Может быть. Не знаю. Я все стараюсь припомнить одну его фразу, да никак на ум не приходит. Он о бадде с севера в какой-то связи упоминал.

— И вы решили отправиться на встречу?

— А разве можно было отказаться?

— Слушай, Джо, брось валять дурака. Можешь быть откровенным — тебе ничто не угрожает. Итак, ты решил, что твой дружок Альбер расшифровал типов из пикардийской банды. В газетах ты читал, что они взяли несколько миллионов. Вот ты и подумал, нельзя ли тут пожить. Так ведь?

— Я подумал, что это имеет в виду Альбер.

— Ладно, разобрались. Дальше.

— А дальше мы вдвоем поехали к нему.

— И на бульваре Генриха Четвертого ваша машина вышла из строя, из чего я делаю вывод, что желтый «Ситроен» был не таким новеньким, каким казался с виду.

— Мы подштопали его для продажи, но сами пользоваться им не собирались.

— На Шарантонскую набережную вы опоздали на добрых полчаса. Ставни были закрыты. Вы распахнули дверь, не запертую на ключ...

Посетители мрачно переглянулись.

— И увидели, что ваш друг Альбер убит ударом ножа.

— Точно.

— Как вы поступили?

— Сперва нам показалось, что он еще не совсем готов: тело было теплое.

— Потом?

— Потом мы заметили, что дом обыскан. Вспомнили о Нине, которая вот-вот вернется из кино. А «киношка поблизости только одна в Шарантоне, у канала. Мы туда и отправились.

— Что вы собирались делать?

— Честное слово, сами толком не знали. Нам не очень-то весело было. Во-первых, сообщать такую новость женщине — занятие не из приятных. Кроме того, мы струхнули: вдруг банда нас срисовала. Мы с Фернаном посоветовались...

— И постановили отвезти Нину в деревню?

— Да.

— Далеко?

— Она около Корбейля в гостинице на берегу Сены, куда мы ездили на рыбалку, — Фердинан лодку там держит.

— Разве Нина не захотела проститься с Альбером?

— Мы ей не дали. Когда мы, возвращаясь ночью, проезжали по набережной, вокруг дома не было ни души, но из-под двери пробивался свет: мы забыли выключить электричество.

— Зачем вы увезли тело?

— Это Фердинан предложил.

— Зачем? — повторил Мегрэ, поворачиваясь к понурому спутнику Боксера.

— Так сразу и не объяснишь. Я здорово струхнул. В Корбейле мы выпили в гостинице, чтобы взбодриться. Я подумал, что соседи наверняка видели нашу машину, может быть, запомнили и нас. И если станет известно, что убит именно Альбер, найдут Нину, а уж та подавно молчать не станет.

— Словом, навели на ложный след?

— Если хотите. Полиция не любит долго возиться с простыми делами, с преступлениями из низменных побуждений, когда, к примеру, человека пришивают на улице из-за денег.

— Плащ продырявить додумались тоже вы?

— Конечно. Все для того, чтобы покойник выглядел так, словно его завалили на улице.

— А изуродовали вы его зачем?

— Это было необходимо, а сам он уже ничего не чувствовал. Мы сообразили, что этак дело поскорее закроют, а мы ничем не рискуем.

— Все?

— Клянусь, все. Верно, Джо? На другой день я перекрасил машину в голубой цвет и сменил номер. Посетители явно собрались уходить.

— Минутку. С тех пор вы ничего не получали?

— Что мы должны были получить?

— Конверт и кое-что в нем.

— Нет.

Они искренни — это очевидно. Вопрос их откровенно озадачил. К тому же, задавая его, Мегрэ понял, где ключ к загадке, которая больше всего занимала комиссара в последние дни. На решение, сам того не подозревая, его только что натолкнул Джо. Разве Альбер не сказал по телефону, что он придумал, как отделаться от преследующей его банды? И разве сразу после звонка друзьям Альбер не потребовал конверт в последней пивной, где его видели? У него в кармане лежало нечто, уличающее чехов. Один из них не спускал с него глаз. Бросить на виду у преследователя письмо в почтовый ящик — не самый ли это верный способ вынудить его отстать? Вложить же документ в конверт — секундное дело. Но какой адрес Альбер на нем надписал?

— Алло! — позвонил Мегрэ в уголовную полицию. — Кто у телефона?.. Боден?.. Есть работенка, мальш. И неотложная. Сколько инспекторов на месте?.. Что? Всего четверо? Да, одного придется оставить дежурить. Остальных забирай. Поделите между собой все почтовые отделения Парижа, включая Шарантонское, с которого ты лично и начнешь. Опросите операторов, сидящих на корреспонденции до востребования. Где-то должно быть письмо на имя Альбера Решена, лежащее уже несколько дней... Да, изъять, доставить мне... Нет, не домой. Я буду на службе через полчаса.

Комиссар, улыбаясь, посмотрел на гостей.

— Еще по рюмочке?

Кальвадос им явно не нравился — они согласились только из вежливости.

— Нам можно идти? — поднялись они скованно, как школьники, отпускаемые учителем на перемену: им все еще не удалось преодолеть свою недоверчивость. — А нас по этому делу не потянут?

— О вас даже не встанет вопрос. Прошу только — ни слова Нине.

— У нее тоже не будет неприятностей?

— Это еще с какой стати?

— Вы с ней помягче, ладно? Если бы вы знали, как она любила своего Альбера!

Закрыв дверь, Мегрэ поспешил выключить газ: суп уже убежал и залил плиту.

Комиссар, конечно, догадывался: парни малость приврали. Судя по заключению доктора Поля, они изуродовали труп сотоварища раньше, чем отправили Нину в деревню. Но в деле это ничего не меняет, да и вели они себя достаточно послушно, так что цепляться к ним нет резона. В конце концов, у этой публики, как и у всех людей, тоже есть свое понятие о порядочности.

Воздух в кабинете был синий от дыма. В углу, вытянув ноги, сидел Коломбани. Несколько минут назад был здесь и сам начальник уголовной полиции. Инспекторы входили и выходили. Едва успев закончить разговор со следователем Комельо, Мегрэ снова снял трубку.

— Алло, Маршан?.. Говорит Мегрэ... Да, собственной персоной... Что? Что... Ах, у вас есть приятель с такой же фамилией... И даже граф?.. Нет, мы только однофамильцы.

Было семь вечера, и говорил комиссар с главным администратором «Фоли-Бержер» «Фоли-Бержер» — известный парижский кафешантан.».

— Что вы хотите, дорогой! — картавил Маршан. — Черт возьми, но это же очень сложно. Я еле успею перекусить где-нибудь поблизости: мы вот-вот откроемся... Разве что вы согласитесь заморить червячка вместе со мной?.. До скорого, дорогой!

В кабинете присутствовал крайне возбужденный Жанвье. Он привез из Жуэнвиля отличную крупноформатную фотографию с заранее заготовленной дарственной надписью, какие можно найти в любой артистической уборной. На ней красовалась подпись беззаботным размашистым почерком: «Франсина Латур». Женщина была красивая, молоденькая. На обороте стоял и адрес: Пасси, улица Лоншан, 121.

— Сегодня она, по-моему, выступает в «Фоли-Бержер», — доложил Жанвье.

— Служащий ПГТ опознал ее?

— Безоговорочно. Я привез бы его сюда, да он и так опаздывал, а жены здорово боится. Зато, если понадобится, его можно вызвать в любое время — он живет в двух шагах отсюда, на острове Святого Людовика, и у него есть телефон.

У Франсины Латур тоже есть телефон. Мегрэ позвонил ей на квартиру, намереваясь промолчать и повесить трубку, если ему ответят. Но как он и предполагал, дома у нее никого не оказалось.

— Поезжай-ка туда, Жанвье. Возьми с собой кого-нибудь половчей. К себе внимания ни в коем случае не привлекать.

— Негласный осмотр квартиры?

— Не сейчас. Ждите моего звонка. Один пусть сидит в каком-нибудь баре поблизости. Но обязательно позвонит сюда и даст телефон.

Мегрэ нахмурился, вспоминая, не упустил ли чего-нибудь. С Ситроена тоже вернулись не без результатов:

Сергей Мадош работал там в течение двух лет.

Комиссар прошел в инспекторскую.

— Вот что, ребята, сегодня вечером или ночью мне понадобится много народу. Поэтому оставайтесь-ка лучше здесь. Сходите по очереди поешьте или позвоните, чтобы вам принесли сэндвичи и пиво. До скорого. Едем, Коломбани?

— Мне казалось, ты обедаешь с Маршаном.

— А ты с ним не знаком?

Маршан, начавший с торговли контрамарками у дверей театров, был теперь одним из самых известных людей Парижа. Повадки у него остались вульгарными, речь — грубой. Он сидел в ресторане, водрузив локти на столик, держал в руке пространное меню и в момент появления обоих комиссаров совещался с метрдотелем.

— Что-нибудь легонькое, любезнейший Жорж. Ну, скажем... Куропатки у вас есть?

— С капустой, господин Маршан.

— Садитесь, дорогой Мегрэ... Ба, да с вами и Сюрте! Жорж, дорогуша, третий прибор...

Как насчет куропаток с капустой, друзья? Минутку! Перед куропатками молодая форель, отваренная в вине. Рыба живая, Жорж?

— Можете сами выбрать в садке, господин Маршан.

— Еще какую-нибудь закуску, чтобы ждать не так скучно было. И суфле на десерт, если считаете нужным.

Подобные пиршества были страстью Маршана. Он устраивал их себе днем и вечером, даже если ел в одиночестве. И называл это «перекусить». Не исключено, что после спектакля он еще отправится поужинать.

— Итак, мой дорогой, чем могу быть полезен? Надеюсь, в моей лавочке никакого беспорядка?

Для серьезного разговора время пока не пришло. Настала очередь официанта с картой вин, и Маршан потратил еще несколько минут на консультацию с виночерпием.

— Слушаю, ребята.

— Вы будете молчать, если я вам кое-что скажу?

— Не забывайте, милый толстячок, что я набит секретами безусловно туже, чем кто-либо в Париже. У меня в руках судьба сотен, нет, тысяч семейных очагов. Молчать? Да я только и делаю что молчу!

Забавно! Маршан, говоривший с утра до вечера без остановки, действительно говорил лишь то, что считал нужным сказать.

— Франсину Латур знаете?

— Она выступает у нас в двух скетчах вместе с Дреаном.

— Что вы о ней думаете?

— А что мне думать? Покамест она еще цыпленочек. Поговорим о ней лет через десять.

— Талантлива?

— При чем здесь талант? — с комическим удивлением воззрился Маршан на комиссара. — Не знаю, сколько ей точно, но не больше двадцати. А она уже одевается у лучших портных и, похоже, начала обзаводиться бриллиантами. Во всяком случае, на прошлой неделе появилась в норковой шубе. Чего ей больше?

— У нее есть любовники?

— У нее, как у всех, есть друг.

— Вы его знаете?

— Предпочел бы не знать.

— Иностранец?

— В наши дни на такую роль годятся только иностранцы. Во Франции нет больше никого, кроме примерных мужей.

— Слушайте, Маршан, это бесконечно серьезней, чем вы полагаете.

— Когда вы его возьмете?

— Надеюсь, сегодня ночью. И совсем не за то, о чем вы думаете.

— Аресты ему, во всяком случае, не в новинку. Насколько помнится, его раз десять привлекали за чеки без обеспечения или за что-то в том же роде. Сейчас он, кажется, на коне.

— Имя?

— За кулисами все его зовут господин Жан. Настоящая фамилия — Бронский. Он чех. Некоторое время подвизался в кино. По-моему, и сейчас еще крутится, — продолжал Маршан, который мог бы наизусть изложить *currículum vitae*^[2] любой парижской знаменитости, включая подробности с душком. — Красивый, приятный, щедрый парень. Женщины его обожают, мужчины побаиваются его обаяния.

— Влюблен?

— Вроде бы да. Во всяком случае, с подружкой почти не расстается. Говорят, ревнует ее.

— Как вы считаете, где он сейчас?

— Если сегодня днем где-либо есть скачки, вероятно, повез туда Франсину. Женщине, которая уже полгода одевается на улице Мира и щеголяет в новой норковой шубке, ипподромы не надоедают. В данную минуту они, видимо, пьют аперитив в каком-нибудь баре на Елисейских полях. Выход у малышки только в половине десятого. В театр она приезжает к девяти. Значит, они успеют пообедать у Фуке, Максима или Сиро. Если вам нужно с ними увидеться...

— Не сейчас. Бронский сопровождает ее в театр?

— Почти всегда. Проводит до уборной, пошатается за кулисами, устроится в большом холле бара и болтает с Феликсом. После второго скетча возвращается к ней в уборную и, как только она соберется, увозит ее. Обычно куда-нибудь на вечеринку.

— Живет у нее?

— Наверно, дорогуша. Только об этом лучше спросить у привратницы.

— Видели вы его в последние дни?

— Его-то? Еще вчера.

— Он вам не показался более нервным, чем обычно?

— Знаете, такие субъекты всегда нервны. Когда ходишь по канату... Ладно. Насколько я понимаю, канат вот-вот лопнет. Жаль малышку. Впрочем, теперь, когда у ней отросли перышки, она сама справится и даже найдет себе кого-нибудь получше.

Разговаривая, Маршан ел, пил, утирал губы салфеткой, запанибрата здоровался, прощался и успевал еще подзывать метрдотеля или официанта-виночерпия.

— Не знаете, с чего он начинал? — А вот это, мой толстячок, вопрос, который не задают джентльмену, — сухогато отпарировал Маршан, которому шантажистские газетенки охотно напоминали о его собственном дебюте. Правда, почти сразу же спохватился. — Знаю только, что одно время у него была контора по найму статистов.

— Давно?

— Несколько месяцев назад. Могу навести справки.

— Не нужно. Предпочел бы даже, чтобы вы, особенно сегодня вечером, воздерживались от каких бы то ни было намеков на наш разговор.

— Вы придете к нам в театр?

— Нет.

— Тем лучше, а то я уже собирался вас просить выяснить свои отношения с ним не у нас.

— Я не желаю ни малейшего риска, Маршан. Наши с Коломбани фотографии слишком часто появлялись в газетах. Судя по вашим отзывам и моим сведениям, этот субъект достаточно хитер, чтобы учуять не только нас, но и моих инспекторов.

— А история-то, старина, похоже, и вправду серьезная... Кладите себе куропатку.

— Да, может запахнуть порохом.

— Ого!

— Уже пахло. И сильно.

— Прекрасно. Только ничего мне не рассказывайте. Я лучше прочту обо всем в завтрашних или послезавтрашних газетах. Ешьте, друзья мои. А об этом шатонефе что скажете? Здесь его осталось всего пятьдесят бутылок. Я велел их припрятать для меня, но пусть теперь останется сорок девять. Я закажу еще одну?

— Нет, благодарю. У нас ночью работа. Через четверть часа они расстались с Маршаном, несколько отяжелев от слишком сытного и слишком сдобренного вином обеда.

— Лишь бы он промолчал! — буркнул Коломбани.

— Он промолчит.

— Кстати, Мегрэ, твоя тетка привезла хорошие вести?

— Превосходные. Теперь я, по правде говоря, знаю почти всю историю Маленького Альбера.

— Так я и думал. У женщин всегда самая первосортная информация. Особенно у тетушек из провинции. Может, поделишься?

Времени у них хватало. Ночь обещала быть беспокойной, это делало особенно желательной известную разрядку, и оба комиссара двинулись пешком.

— Ты был прав. Мы, вероятно, могли взять их разом в Венсене. Эх, лишь бы Бронский не догадался, что мы вышли на него!

К половине десятого они добрались до уголовной полиции, где их ожидал взволнованный инспектор с важной новостью.

— Карел Липшиц убит, комиссар. Можно сказать, у меня на глазах. Я стоял в неосвещенном закоулке на Севрской улице, метрах в ста от больницы. Вдруг слышу справа шорох, словно кто-то осторожно пробирается в темноте. Потом человек побежал, и тут же грохнул выстрел. Все произошло так близко, что я сперва решил: стреляют в меня, и автоматически выхватил револьвер. Затем не увидел, а скорей догадался, что один упал, а другой убегает, и открыл огонь.

— Убил?

— Я метил в ноги, и на втором выстреле мне повезло: попал. Беглец рухнул.

— Кто это был?

— Мальчишка, которого зовут Петром. Везти его никуда не потребовалось: все произошло прямо перед больницей.

— Значит, Петр пристрелил Карела?

— Да.

— Они пришли вместе?

— По-моему, нет. Похоже, Петр выследил дружка и завалил его.

— Что он говорит?

— Мальчишка? Ничего. Губ не разжимает, только глаза лихорадочно блестят. Он не то счастлив, не то горд, что угодил в больницу. В коридорах бросал по сторонам жадные взгляды.

— Черт возьми, так это же из-за Марии, которая там находится! Ранение тяжелое?

— Пуля попала в левое колено. Сейчас парня наверняка оперируют.

— Что в карманах?

На письменном столе Мегрэ лежали отдельно друг от друга две тщательно подобранные кучки вещей.

— Первая — из карманов Карела. Вторая — из карманов мальчишки.

— Мере у себя?

— Предупредил, что пробудет всю ночь в лаборатории.

— Передайте, чтобы спустился. И пошлите кого-нибудь наверх, в архив. Мне нужны учетная карточка и дело некоего Яна Бронского. Пальцевых отпечатков у меня нет, но у него две судимости, и отсидел он не меньше полутора лет.

Комиссар отправил также людей на Прованскую улицу к «Фоли-Бержер», строжайше наказав им любой ценой остаться незамеченными.

— Перед уходом хорошенько присмотритесь к фотографии Бронского. Брать его только в том случае, если попытается сесть в поезд или самолет. Но, думаю, этого не случится.

В бумажнике Карела Липшица лежали 42 тысячефранковые бумажки, удостоверения личности на его имя и еще одно с итальянской фамилией Филиппино. Липшиц не курил, при

нем не оказалось ни сигарет, ни трубки, ни зажигалки, но были обнаружены карманный фонарик, два носовых платка, в том числе один грязный, билет в кино, датированный истекшим днем, перочинный нож и пистолет.

— Вот видишь! А мы воображали, что все предусмотрели, — заметил Мегрэ, указывая Коломбани на билет в кино. — Они таки сообразили, что лучше пойти в кино, чем шастать по улицам. В кино можно часами отсиживаться в темноте. А на Бульварах, где сеансы круглосуточные, — даже вздремнуть.

В карманах Петра нашлось всего 38 франков мелочью. В бумажнике хранились две фотографии — маленькая паспортная карточка Марии, вероятно прошлогодняя, потому что прическа была у девушки другая, и портрет крестьянской четы, сидящей на пороге своего жилища где-то в Центральной Европе, насколько можно было судить по внешнему виду дома. Удостоверение личности отсутствовало. Сигареты, зажигалка, голубой блокнотик с несколькими страницами, исписанными карандашом...

— Вроде бы стихи?

— Убежден в этом.

При виде двух объемистых кучек Мере возликовал и тут же утащил все в свою берлогу под крышей. Вскоре один из инспекторов положил комиссару на стол дело Бронского. Безжалостно резкая, как все антропометрические снимки, фотография совершенно не соответствовала описанию Маршана: у молодого человека было усталое лицо, двухдневная щетина, крупный кадык.

— Жанвье звонил?

— Сказал, что все спокойно и вы можете вызвать его по телефону: Пасси, шестьдесят два — сорок один.

— Соедините меня с ним.

Мегрэ читал вполголоса. Из дела явствовало, что Бронскому, уроженцу Праги, сейчас тридцать пять. Учился в Венском университете, потом несколько лет жил в Берлине. Там женился на некой Хильде Браун, но когда двадцати восьми лет приехал на законных основаниях во Францию, то был уже один. Еще тогда он указал род занятий — кинематографист; первым его местожительством была гостиница на бульваре Распайль.

— Жанвье на проводе, шеф.

— Ты, малыш?.. Пообедал?.. Слушай хорошенько. Посылаю тебе двух человек с машиной.

— Нас и так двое! — запротестовал обиженный инспектор.

— Не важно. Слушай, что я говорю. Когда они прибудут, оставишь их на улице. Нужно, чтобы их присутствия никто не заподозрил. Особенно человек, возвращающийся домой пешком или на такси. Вы с напарником войдете в дом. Предварительно выждите, пока погаснет свет в привратницкой. Как выглядит здание?

— Новое, современное, довольно шикарное. Белый фасад, дверь из кованого железа со стеклом.

— Хорошо. Пробормочите какую-нибудь фамилию и поднимайтесь.

— А как мне узнать, какая квартира?

— Ты прав. Где-то поблизости должна быть лавка, поставляющая жильцам молоко. Разбуди, если нужно, молочника. Сочини какую-нибудь историю, лучше всего любовную.

— Ясно.

— С замками справляться не разучился? Войдите в квартиру. Свет не включайте. Спрячьтесь в углу, так чтобы успеть вмешаться, если потребуется.

— Понятно, шеф, — вздохнул бедняга Жанвье, перед которым замаячила перспектива многочасового неподвижного ожидания в темной незнакомой квартире.

— Главное, не курить, — и Мегрэ сам улыбнулся своей жестокости. Потом выбрал двух человек в засаду на улице Лоншан. — Прихватите пушки. Трудно предвидеть, как развернутся события.

Взгляд на Коломбани... Они поняли друг друга без слов. Не с мошенником, а с главарем банды убийц — вот с кем предстоит иметь дело, и они не вправе рисковать. Задержать его в «Фоли-Бержер» куда проще, но предусмотреть реакцию Бронского невозможно. Есть шанс, что этот тип вооружен, а он, похоже, не побоится оказать сопротивление и даже открыть огонь по толпе, чтобы воспользоваться паникой.

— Кто сходит в пивную «У дофины» за пивом и сэндвичами? Добровольцы есть?

Это был первый признак того, что надвигающаяся ночь войдет в анналы уголовной полиции. Атмосфера в обоих кабинетах, занятых отделом Мегрэ, наводила на мысль о командном пункте перед боем. Все курили, всем не сиделось на месте. Телефоны освободились.

— «Фоли-Бержер», пожалуйста.

Маршана удалось заполучить не сразу. Его вытащили со сцены, где он улаживал ссору двух обнаженных танцовщиц.

— Да, дорогуша... — начал он, даже не спросив, с кем говорит.

— Это Мегрэ.

— Слушаю.

— Он у вас?

— Только что видел его.

— Отлично. Не отвечайте мне. Прошу об одном: если он уйдет без нее, позвоните.

— Ясно. Не очень его мордуйте, ладно?

— Этим, вероятно, займется кто-нибудь другой, — загадочно пообещал Мегрэ.

Через несколько секунд на сцену «Фоли-Бержер» выпорхнет Франсина Латур в паре с комиком Дреаном, а ее любовник заглянет на минуту в уже душный зал и пойдет с видом завсегдатая гулять по фойе, рассеянно прислушиваясь к диалогу, который давно выучил наизусть, и к взрывам смеха на галерке. Мария по-прежнему лежит в больничной палате, встревоженная и взбешенная, потому что, в соответствии с правилами, у нее на ночь отобрали малыша, а за дверями дежурят два инспектора. И, наконец, в другом крыле больницы Лаэннека одиноко забылся сном Петр, которого привезли из операционной.

Комиссара вызвал к телефону изрядно взвинченный Комельо. Он в гостях у знакомых на бульваре Сен-Жермен и выскочил на минутку, чтобы позвонить.

— По-прежнему ничего?

— Так, мелочи. Убит Карел Липшиц.

— Вашими?

— Нет, своим дружком. Один из моих инспекторов прострелил ногу мальчишке Петру.

— Словом, на свободе остался один?

— Да, Сергей Мадош. И, конечно, главарь.

— Которого вы до сих пор не установили?

— Которого зовут Ян Бронский.

— Он случайно не кинопродюсер?

— Не знаю, продюсер ли он, но в кино подвизается.

— Это он около трех лет назад получил с моей помощью полтора года заключения?

— Совершенно верно.

— Вышли на след?

— Сейчас он в «Фоли-Бержер».

— И вы его не берете?

— Скоро возьмем. Теперь время работает на нас, а я хочу свести потери к минимуму.

— Запишите мой телефон. Я останусь здесь до полуночи. Затем буду ждать вашего звонка у себя.

— И даже успеете вздремнуть.

Мегрэ не ошибся. Ян Бронский и Франсина Латур отправились на такси к Максиму и поужинали вдвоем. Мегрэ следил за их передвижениями из своего кабинета, куда уже дважды поднимался с подносом официант из пивной «У дофины». Кабинет был заставлен пивными кружками, всюду валялись недоеденные сэндвичи, от табачного дыма першило в горле. Однако, несмотря на жару, Коломбани не снимал светлого пальто из верблюжьей шерсти, служившего ему своего рода форменной одеждой, и котелок его был, как всегда, сдвинут на затылок.

— Женщину вызвал?

— Какую женщину?

— Нину, жену Альбера.

Мегрэ недовольно покачал головой. Это не касается Коломбани. Он, Мегрэ, рад сотрудничать с улицей де Соссэ, но при условии, что в его дела не будут соваться. Он вспомнил фразу, с непривычной серьезностью сказанную им кому-то в самом начале расследования: «На этот раз мы имеем дело с убийцами». С убийцами, которые твердо знают, что терять им нечего. Ведь если арестовать их в толпе и объявить, что они из пикардийской банды, никакая полиция не сумеет помешать линчеванию. После их зверств на фермах любой состав присяжных назначит им смертную казнь, на помилование же от президента республики может надеяться разве что Мария как кормящая мать, да и это сомнительно. Против нее — показания уцелевшей девочки, обожженные ступни и груди. Против этой бесстыдной самки на суде будет все — даже ее дикая красота. Цивилизованное человечество боится хищников, особенно двуногих: они напоминают ему о былой жизни в лесах.

Ян Бронский был хищником куда более опасным, хищником, одевающимся у лучшего портного с Вандомской площади, хищником, который получил университетское образование и каждое утро, как кокетливая женщина, делает себе прическу у парикмахера.

— Осторожничаешь? — усмехнулся Коломбани, видя, как терпеливо ждет Мегрэ у телефона.

— Осторожничаю.

— А вдруг он проскользнет у тебя между пальцев?

— Лучше уж это, чем терять одного из наших. В самом деле, зачем теперь Шеврие с женой оставаться на Шарантонской набережной? Надо бы им позвонить, но они, без сомнения, уже легли. Мегрэ улыбнулся и пожал плечами. Почему знать? Этот маленький маскарад не может их не возбуждать, так что нет никакого резона мешать им еще на несколько часов продлить игру в содержателя и содержательницу бистро.

— Алло?.. Шеф?.. Они во «Флоренции». Шикарное ночное заведение на Монмартре, шампанское обязательно. Франсине Латур наверняка не терпится похвастаться новым платьем или драгоценностью. Она еще совсем молода, такая жизнь не успела ей наскучить. Впрочем, разве мало старух, посещающих подобные заведения сорок лет подряд; хотя они обладательницы титулов и особняков на авеню Булонского леса или улице Фобур-Сен-Жермен?

— Поехали! — неожиданно скомандовал Мегрэ, вынимая из стола револьвер и проверяя, заряжен ли тот.

— Меня с собой прихватишь? — слегка улыбнулся Коломбани.

Со стороны Мегрэ это будет большой любезностью. События разворачиваются на его территории, на пикардийскую банду вышел тоже он и поэтому вправе оставить дело за собой и своими людьми, что означало бы для набережной Орфевр лишнее очко в соперничестве с

улицей де Соссэ.

— Пушка при тебе?

— Как всегда, в кармане. Мегрэ, напротив, редко носил оружие. Пересекая двор, Коломбани кивком указал на полицейские автомобили.

— Предпочитаю такси: не так бросается в глаза, — ответил Мегрэ.

Комиссар взял машину лишь после того, как убедился, что водитель знакомый. Правда, Мегрэ знали почти все шоферы такси.

— Улица Лоншан. По ней самой поедете медленно. Дом, где живет Франсина Латур, расположен в дальнем конце улицы, недалеко от знаменитого ресторана, где комиссару не раз довелось хорошо позавтракать. Все уже закрыто. Идет третий час ночи. Пора выбирать место стоянки. Мегрэ стал серьезен, неразговорчив, ворчлив.

— Еще раз вдоль улицы. Остановитесь, когда скажу. Включите фары, словно ждете клиента.

Они встали меньше чем в десяти метрах от дома. В темной подворотне угадывалась фигура спрятавшегося там инспектора. Второй находился где-то поблизости, а наверху, не зажигая света, томились Жанвье и его напарник. Мегрэ попыхивал трубкой, чувствуя рядом плечо Коломбани. Сам он сидел со стороны тротуара.

Так прошло три четверти часа. Изредка мимо проезжали такси, в соседние дома возвращались люди. Наконец у подъезда остановилось такси, и стройный молодой человек, выскочив на тротуар, наклонился, чтобы помочь спутнице выйти.

— Ну! — выдохнул Мегрэ.

Он хорошо рассчитал каждое движение и заранее приоткрыл дверцу, придерживая ее за ручку. С проворством, которого трудно было от него ожидать, метнулся вперед и прыгнул сзади на Бронского точно в тот момент, когда чех, сунув руку в карман смокинга за бумажником, нагнулся над счетчиком. Женщина взвизгнула. Комиссар сгреб противника за плечи, всей тяжестью потянув его назад, и оба покатались на тротуар.

Комиссар, получивший удар головой в подбородок, силился удержать руки Бронского, боясь, как бы тот не выхватил револьвер. Но Коломбани уже был рядом и спокойно, не торопясь, ударил бандита ногой по голове. Франсина Латур с криком «Помогите!» ринулась к дверям дома и отчаянно жала на звонок. Тут подоспели оба инспектора, и через несколько секунд схватка закончилась. Мегрэ поднялся последним, потому что очутился в самом низу.

— Никто не ранен?

При свете фар он разглядел кровь у себя на руке, но, осмотревшись, понял, что она хлещет из носа у Бронского. Чеху завернули руки за спину и надели наручники, отчего он немного согнулся. Лицо у него перекосилось от дикой злобы.

— Сволочи легавые! — прошипел он.

— Брось! Пусть выблюет свой яд. Это единственное право, которое у него осталось, — урезонил Мегрэ инспектора, вознамерившегося в ответ на оскорбление врезать арестованному ногой по голени.

Они чуть не забыли Жанвье с напарником в квартире, где эти рабы служебного долга, без сомнения, просидели бы в засаде до самого утра.

Первым делом доклад начальнику уголовной полиции, что, естественно, не привело бы в восторг Комельо.

— Великолепно, старина! Теперь доставьте мне удовольствие и отправляйтесь спать. Остальным займемся утром. Вызываем начальников станций?

То есть начальников станций Годервиль и Муше, чтобы опознать человека, которого 19 января один из них видел, когда тот сошел с поезда, а второй — несколькими часами позже, когда незнакомец садился в вагон.

— Об этом побеспокоился Коломбани. Они уже едут. Ян Бронский тоже сидел в кабинете, где на столе никогда еще не громоздилось столько кружек с пивом и сэндвичей. Больше всего чеха удивило, что полицейские даже не дают себе труда допросить его. Присутствовала и Франсина Латур. Она сама настояла, чтобы ее привезли сюда: актриса несокрушимо верила, что полиция совершила ошибку. Тогда, как к ребенку, которому дают для успокоения книжку с картинками, Мегрэ вручил ей дело Бронского, которое она и читала, бросая по временам боязливые взгляды на своего любовника.

— Что собираешься делать? — поинтересовался Коломбани.

— Позвоню господину следователю и поеду спать.

— Тебя подбросить?

— Благодарю, нет. Стоит ли тебе задерживаться?

Коломбани догадывался: Мегрэ опять плутует. Действительно, громко назвав таксисту свой адрес на бульваре Ришар-Ленуар, его коллега уже через минуту постучал по стеклу.

— Поезжайте вдоль Сены в направлении Корбейля. Занималась заря, ранние рыболовы расположились вдоль реки, над которой стелился пар, у шлюзов начинали скапливаться первые баржи, над домами в перламутровое небо потянулся дымок.

— Чуть вверх по Сене будем искать гостиницу, — велел комиссар шоферу, когда они проскочили через Корбейль. И они ее нашли. Затененная деревьями терраса выходила на реку; здание окружали аллеи, где по воскресеньям несомненно кишит народ. Хозяин с длинными рыжими усами вычерпывал воду из лодки; на мостках сохли сети. После ночного напряжения было приятно пройти по влажной от росы траве, вдохнуть запах земли и пылающих в печи дров, посмотреть, как шастает взад и вперед не успевшая причесаться служанка.

— Кофе у вас найдется?

— Будет через несколько минут. Но по правде сказать, мы еще не открылись.

— Ваша постоялица встает рано?

— Я давно уже слышу, как она ходит у себя в номере. Прислушайтесь.

В самом деле, над толстыми, необшитыми потолочными балками раздавались шаги.

— Я для нее кофе и варю.

— Поставьте второй прибор.

— Вы ее знакомый?

— Разумеется. С какой бы иначе стати мне приезжать? Мегрэ ведь и вправду был с ней знаком... Все получилось очень удачно. Когда он представился, Нина малость струхнула, но комиссар любезно осведомился:

— Вы разрешите мне перекусить с вами? Около окна на скатерти в красную клетку стояли два прибора из грубого фаянса. В чашках дымился кофе. У масла был привкус ореха.

Нина в самом деле косила, отчаянно косила. Она это знала и, стоило взглянуть на нее попристальней, смущенно и стыдливо пустилась в объяснения:

— Когда мне было семнадцать, мать настояла, чтобы я оперировалась: левый глаз у меня косил внутрь. После операции он стал косить наружу. Хирург предложил безвозмездно повторить операцию, но я отказалась.

Странно! Через несколько минут собеседник переставал замечать ее косоглазие. И даже убеждался, что ее можно счесть почти хорошенькой.

— Бедный Альбер! Если бы вы его знали! Он был такой добрый, веселый, всегда старался сделать людям приятное.

— Он был ваш кузен?

— Трюродный, седьмая вода на киселе. Выговор Нины тоже был не лишен известного обаяния. Но больше всего в ней чувствовалась безграничная потребность в нежности. Не в нежности других к ней самой, а в возможности излить свою нежность на других.

— К тридцати годам я осиротела. Я уже была старая дева. Родители мои располагали кое-каким состоянием, и я никогда не работала. Мне стало тоскливо в нашем большом доме, и я перебралась в Париж. Мы с Альбером были едва знакомы. Я навестила его.

Да, да, Мегрэ понимал. Альбер тоже был одинок. Она сумела окружить его вниманием, к которому он не привык.

— Если бы вы знали, как я его любила! Вы же понимаете, я не требовала, чтобы он любил меня. Я знаю, это невозможно. Но он убедил меня, что это не так, и я делала вид, что верю ему, только бы он был доволен. Мы были счастливы, господин комиссар. Убеждена: он был счастлив. Не было у него причин чувствовать себя несчастным, верно? Мы только что отпраздновали годовщину свадьбы. Не знаю, что произошло на скачках. Он оставил меня на трибуне, а сам пошел в кассу. Потом вернулся чем-то озабоченный и все время озирался, словно искал кого-то. Повез меня домой на такси и все время смотрел назад. У дома скомандовал водителю: «Дальше!» Почему — не понимаю. Мы приехали на площадь Бастилии. Он вылез, а мне велел: «Возвращайся одна. Приду через час-другой». Его уже, видимо, преследовали. Вечером он не вернулся. Позвонил, что приедет завтра утром. На следующий день дважды звонил мне.

— В среду?

— Да. Во второй раз сказал, чтобы не ждала его, а шла в кино. Я не соглашалась, он настаивал. Чуть не рассердился. Я и пошла. Вы их арестовали?

— Кроме одного, который не замедлит угодить к нам в руки. Думаю, в одиночку он не опасен, тем более что мы знаем его имя и приметы.

Мегрэ не бросался словами. В этот самый момент инспектор отдела охраны нравственности взял Сергея Мадоша в грязном публичном доме на бульваре Ла Шапель, где тот отсиживался со вчерашнего вечера, упрямо не желая уходить. Мадош не оказал сопротивления: он был мертвецки пьян, и в полицейскую машину его пришлось тащить волоком.

— Что собираетесь делать дальше? — осторожно любопытствовал Мегрэ, набивая трубку.

— Не знаю. Наверняка вернусь в родные края — с рестораном мне одной не справиться. А у меня никого. Никого, — повторила она и посмотрела вокруг, словно ища, на кого бы перенести свою нежность. — Как теперь жить, не представляю.

— А почему бы вам не усыновить ребенка?

— Вы думаете, я сумею?.. Мне доверят?.. — недоверчиво вскинула она голову, но тут же заулыбалась, и эта мысль с такой быстротой заполонила ее голову и сердце, что Мегрэ стало страшно: он ведь только хотел прощупать почву.

— К этому мы еще вернемся. Мы ведь увидимся, если не возражаете. К тому же мне надо отчитаться перед вами: мы позволили себе открыть ваш ресторан.

— Вы знаете ребенка, который...

— Да, сударыня, есть малыш, который через несколько недель или месяцев может остаться без матери.

Нина сильно покраснела, комиссар тоже: он злился на себя, что так неосторожно затронул эту тему.

— Он совсем маленький? — пролепетала она.

— Совсем.

— Но ведь он не обязательно вырастет таким же, как...

— Простите, сударыня, мне пора возвращаться в Париж. Но сперва позвольте еще один вопрос. Альбер сказал по телефону, что вы знаете меня. А я не могу вспомнить, где я вас видел.

— Зато я прекрасно помню. Это было давно. Мне едва исполнилось двадцать. Мама была еще жива, и мы отдыхали в Дьепе.

— Отель «Босежур»! — вырвалось у комиссара: он провел там с женой две недели.

— Все постояльцы только и говорили что о вас, разглядывали вас украдкой.

У Мегрэ был забавный вид, когда такси мчалو его обратно в Париж по залитым ярким солнцем полям. На живых изгородях уже взбухали первые почки.

«А в самом деле, не худо бы устроить себе каникулы», — думал он, вероятно под впечатлением недавних воспоминаний о Дьепе.

Он знал, что ничего подобного не произойдет, но время от времени такая мысль приходила ему в голову. Она вроде насморка, от которого лечишься работой.

Пригороды... Жуэнвильский мост...

— Поезжайте по Шарантонской набережной. Бистро было открыто. Шеврие выглядел озабоченным — Очень рад, что заехали, шеф. Мне позвонили, что все кончено, и жена спрашивает, ехать ли ей за провизией.

— Ни к чему.

— Меня осаждают, не видел ли я вас. По-моему, вам названивают и домой, и куда только можно. На Набережную позвоните?

Комиссар заколебался. На этот раз он действительно выдохся и у него одно желание: сладострастно нырнуть в постель, погрузиться в глубокий, без сновидений сон и отсыпаться сутки подряд. Впрочем, ничего этого не будет: его поднимут гораздо раньше. При его попустительстве на набережной Орфевр слишком укоренилась привычка отвечать вместо «да» или «нет» — «Позвоните Мегрэ».

— Что вам налить, шеф?

— Кальвадоса, если уж тебе хочется.

С кальвадоса здесь началось, кальвадосом и кончится.

— Алло!.. Кто меня вызывает?

Звонил Боден. Комиссар забыл о нем, как и о нескольких других сотрудниках, до сих пор бесполезно дежурящих в разных точках Парижа.

— Письмо у меня, шеф.

— Какое письмо?

— До востребования.

— Ах да! Прекрасно.

Бедняга Боден! Невелика польза от его находки.

— Может быть, мне вскрыть конверт и сказать вам, что в нем?

— Сделай одолжение.

— Минутку... Вот. Текста никакого. Только железнодорожный билет.

— Правильно.

— Вы знали?

— Догадывался. «Париж — Годервиль» и обратно, первый класс?

— Точно. Вас ждут начальники станций.

— Это по ведомству Коломбани.

Мегрэ отхлебнул кальвадоса и слегка улыбнулся. Еще одна черточка к портрету Маленького Альбера, которого он не знал при жизни, но в известном смысле реконструировал по фрагментам. Как многие завсегдатаи скачек, хозяин быстро невольно опускал глаза на землю, усеянную проигрышными билетами ПГТ: иногда среди них попадаются выигрышные, выброшенные по ошибке. В то утро Альбер наткнулся не на выигрышный билет, а на железнодорожный.

Не будь у бедняги этой мании, не приметь он человека, уронившего из кармана кусочек картона, не ассоциируйся у него в голове название Годервиль со зверствами пикардийской банды, не отразись на его физиономии овладевшее им волнение, Альбер остался бы жив. Зато еще несколько старых фермеров и фермерш отправились бы в мир иной, после того как Мария поджарила бы им пятки.

— Моя жена хотела бы немедленно закрыть лавочку, — объявил Шеврие.

— Закрывайте.

Потом были улицы, счетчик, нацелкавший фантастическую цифру, и г-жа Мегрэ, которая, не успев муж натянуть на себя одеяло, безапелляционно изрекла:

— На тот раз я выключаю телефон и не открываю на звонки.

Начало фразы комиссар расслышал, конец — нет.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «« name=»Комиссар Мегрэ»](#)

notes

Loiseau — птица (франц.)

Жизненный путь, биография (*латин.*)